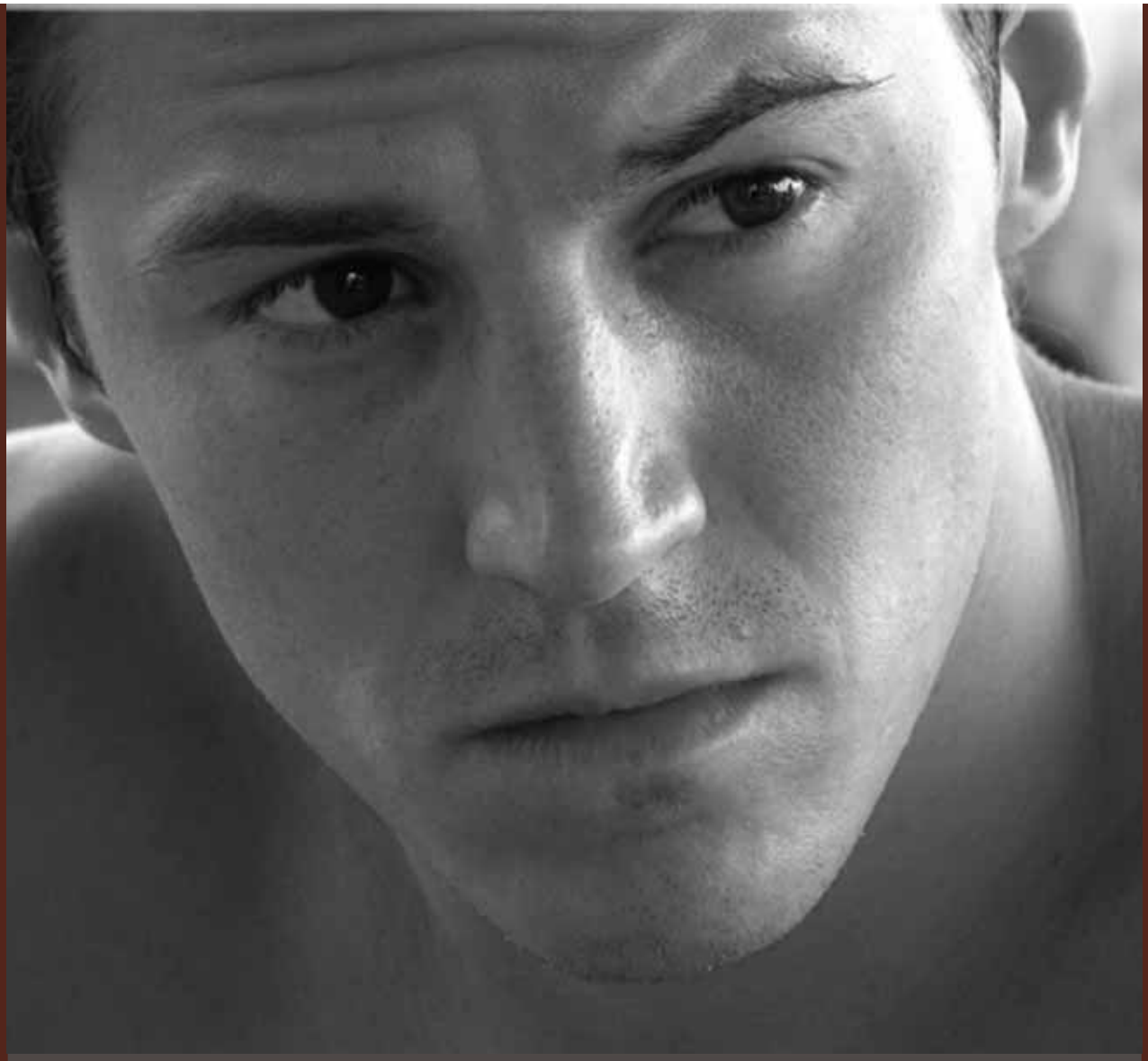
Орден Знак Почета

смена

№11 НОЯБРЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2014



Гела Месхи — актер театра и кино

Небесные сферы Андрея Тарковского

Императорская чета и Филипп из Леона

Детектив Елены Колчак
«Дайте попробовать»

смена №11 ноябрь 2014

О жизни и творчестве
художника Рафаэля Санти читайте на стр. 65

СМЕНА ноябрь 2014 16+

Российские династии

Светлана Бестужева-Лада **Прохоровы** 4

Неизвестное об известном

Алла Зубкова **Эволюционист** 18

Поэзия

Анатолий Коротков, Борис Катковский, Нина Попова **Стихи** 30

Это интересно

Владимир Братченко **Филипп из Лиона** 34

Фантастика

Владимир Куницын **Про курочку Рябу** 48

Шедевры

Ирина Опимах **Рафаэль «Снятие с креста»** 65

Рандеву

Елена Воробьева **Гела Месхи** 76

Поздравляем!

Анатолий Пшеничный **Настоящий Юрий Поляков** 84

Рассказ

Дэшилл Хэммет **Скользкие пальцы** 92

Память

Валерий Акимов **Небесные сферы Андрея Тарковского** 102

Наши публикации

Рафаэль Соколовский **Улыбки Владимира Тоболякова (рассказы)** 113

Мастерская

Татьяна Харламова **Розовая «Слюнька» и другие кикиморы** 120

Детектив

Елена Колчак **Дайте попробовать** 124

Кроссворд. Эрудит 188

смена

нобрь 2014

Основан в январе 1924 года

№ 1801

Главный редактор, генеральный директор	Кизилов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Фото на первой обложке — актер театра и кино Гела Месхи
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**
Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор» ОАО «Первая Образцовая типография»**
Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж —7500 экз.
Зак. №5567
Цена свободная
Номер подписан в печать: 23.10.2014

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Уважаемые читатели!

ООО «Журнал «Смена» предлагает Вам оформить новый вид подписки — на электронную версию любимого журнала. Данный вид подписки актуален для читателей, предпочитающих наслаждаться чтением при помощи компьютера, IPad, IFon и иных современных гаджетов.

Вы можете оформить подписку и ежемесячно получать электронную версию журнала «СМЕНА» на свой e-mail. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в отделении Банка или при помощи on-line системы любого банка по нашим реквизитам и выслать копию купона и оплаченной квитанции на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость за 3 месяца подписки	Стоимость за 6 месяцев подписки
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

*** Цены указаны без учета комиссии банка.**

КУПОН

Ф.И.О. _____ город _____

Дата рождения _____ Эл. адрес (e-mail) _____

Указать, интересующие Вас, номера _____

Извещение	**ООО «Журнал «Смена»**		
	получатель платежа		
	Расчетный счет	**40702810410150414401**	
	ОАО «Промсвязьбанк»		
	наименование банка		
	Корреспондентский счет 30101810400000000555 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России		
	ИНН 7714026110	**КПП 771401001**	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	**Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)**	
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	**Дата**	**Сумма**
	Подписка на электронную версию журнала «Смена» за _____ (месяца-ев)		
Кассир	**Подпись плательщика**		
Извещение	**ООО «Журнал «Смена»**		
	получатель платежа		
	Расчетный счет	**40702810410150414401**	
	ОАО «Промсвязьбанк»		
	наименование банка		
	Корреспондентский счет 30101810400000000555 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России		
	ИНН 7714026110	**КПП 771401001**	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	**Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)**	
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	**Дата**	**Сумма**
	Подписка на электронную версию журнала «Смена» за _____ (месяца-ев)		
Кассир	**Подпись плательщика**		

Светлана Бестужева-Лада

«Живите не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смирении: всех и, кольми паче, брат брата любите».

Иван Васильевич Прохоров — основатель великой русской династии мануфактурщиков

ПРОХОРОВЫ

Профессия — фабрикант

Как и многие известные русские семьи, род Прохоровых имеет крестьянские корни. Отец основателя династии — Василий — принадлежал к монастырским крестьянам Троице-Сергиевой лавры.

В 1764 году у монастырей отобрали вотчины, и монастырские крестьяне перешли в разряд государственных.

За это время Иван Васильевич Прохоров сумел скопить приличную сумму и получил вольную для всей семьи, после чего в 1771 году переехал в Москву, где обосновался в Дмитровской слободе.

В том же году его сын Василий определился приказчиком на службу к пивовару-старообрядцу. Близко сойдясь с братьями по духу, среди которых было немало преуспевающих купцов, он решил обзавестись собственным делом. В 1785 году записался в московские купцы 3-й гильдии, а «торг имел — пивоваренный». Жил Василий тогда в Хамовниках, которые были слободой мастеров ткацкого дела, «работавших на государев двор».

Вероятнее всего открыть ситценабивную фабрику убедила его вторая жена, женщина добрая, умная и богобоязненная.

— *Не могу я молиться об успехе твоего дела, не могу желать, чтобы больше пил народ и через то разорялся*, — часто упрекала Екатерина Никифоровна мужа.

Да и сам Василий Иванович тяготился пивным торгом. Человек религиозный, он понимал, что промысел этот, хотя и ведется законно, все же не богоугоден. И, разменяв пятый десяток, решился взяться за новое дело.

Взялся не один, а с родственником — Федором Ивановичем Резановым, одаренным, грамотным молодым человеком, несколько лет проработавшим на небольшой ситценабивной фабрике и в совершенстве изучившим это производство. Но денег, чтобы открыть собственную фабрику, у него не было. А у Прохорова были и необходимые связи, и деньги, которые он и вложил в это дело.

В июле 1799 года они заключили словесный договор на устройство в Москве ситценабивной фабрики. Начинали в наемных помещениях: строениях во владениях князей Хованских, находившихся за речкой Пресней, на левом берегу Москвы-реки, у церкви Иоанна Предтечи, где поднимались холмы высотой до 30 метров, носившие название «Трех гор».

Ситценабивное дело было новым не только в Москве, но и во всей России. В 1792 году в Санкт-Петербурге, Москве и Иванове было всего восемь ситценабивных фабрик, производивших в год 55 тысяч штук ситца. Убедившись в прибыльности нового дела, Василий Иванович привел в исполнение давно задуманное: ликвидировал дела пивоваренного завода и в 1803 году переехал с семьей на Пресню. А после войны 1812 года передал все дела своему сыну — Тимофею Васильевичу, который почти сразу выделился изделиями своей фабрики, превосходя других чистотою отделки и оригинальностью рисунка. Начали поступать заказы, число которых быстро увеличилось. Успеху способствовало то, что в Москве Прохоровым совсем не было конкуренции: все ситценабивные фабрики после нашествия французов находились в полном разрушении.

Тимофей Васильевич через какие-нибудь два года увеличил свое производство в десять раз, а после смерти отца в 1815 году стал полным хозяином предприятия при по-

мощи братьев. Не имея возможности бороться с появившейся все-таки конкуренцией в ситценабивном производстве (число ситценабивных фабрик в Москве с 1822–1829 год выросло с 28 до 100), братья Прохоровы сосредоточили свое внимание и энергию главным образом на развитии ткацкого дела.

Тимофей Васильевич понимал, что русскому рабочему при врожденной его сметливости недостает общего развития для усвоения технических знаний, что без образования рабочей массы не может развиваться наша промышленность. Для этого в 1816 году он основывает при своей фабрике первую в России ремесленную школу для детей. Часть дня они обучались в фабричных мастерских, а часть дня проводили в школе.

Обычно число учащихся не превышало тридцати человек. Но в 1830 году, после эпидемии холеры, в Москве появилось множество сирот, обреченных на голодную смерть. Прохоров взял к себе в обучение и на полное содержание почти сто человек, причем как мальчиков, так и девочек. И ни разу впоследствии не пожалел об этом — молодые мастера принесли много пользы мануфактуре. По прочности и яркости красок, по изяществу и разнообразию рисунков она принадлежала к числу первоклассных.

С целью урегулирования взаимоотношений между рабочими и работодателями Тимофей Васильевич составил правила распорядка на фабрике. На Прохоровской мануфактуре они действовали задолго до официальных распоряжений. Некоторые положения этого документа стали в стране законами лишь спустя десятилетия.

В «правилах» предусматривалось введение выходных дней, сокращение рабочего дня до 10 часов, введение на производствах ссудных касс и ряд других усовершенствований.

Интересен пункт 5. «Нетрезвость исправляется сначала внушением, потом умеренным наказанием, денежными пенями, а не по исправимости таковых рабочий отсылается с фабрики».

К «правилам» прилагалась система штрафов, деньги из которых шли в ссудную кассу. За отлучку без спроса — 3 рубля, за брань и ругань — 5 рублей. Самым высоким был штраф за то, что рабочие посылали подростков за водкой в кабак.

В начале тридцатых годов Прохоровы приобрели два соседних земельных участка и соединили их со своей территорией. В это же время за фабрикой закрепилось название «Трехгорной», а к делу активно подключились подросшие и набравшиеся опыта младшие братья — Иван, Константин и Яков.

Ситценабивная фабрика Прохоровых так и оставалась крупнейшей в Москве. Тимофей Васильевич Прохоров управлял ею до 1833 года. За

Василий Иванович Прохоров

Екатерина Никифоровна Прохорова

два десятилетия он вывел Трехгорку в ряды лучших производств России.

Император Николай I отметил «усердие братьев Прохоровых» — благодарностью, а Тимофей Васильевич получил звание мануфактур-советника. Все это было почетно, но никакой материальной поддержки не предусматривало. А средств на содержание школы-фабрики катастрофически не хватало. Зато правительство проявило внимание и известило о «высочайшем пожаловании Прохорову Тимофею Васильевичу ордена Св. Анны III степени».

Воспитанные всецело в Евангельском духе, братья Прохоровы целью своей жизни ставили приобретение не одного лишь «богатства вещественного», они первые в России завели для своих рабочих лечебницу и богадельни. По замечанию современников, эти явления в то время были исключительными. За содержание при фабрике школы для фабричных учеников в 1841 году Константин Васильевич получил звание мануфактур-советника, а Яков Васильевич Большую золотую медаль для ношения на шее на Владимирской ленте.

Вообще Прохоровская фабрика неоднократно участвовала со своими изделиями на выставках отечественной промышленности и на каждой удостаивалась золотых медалей.

Братья Прохоровы были вынуждены пожертвовать ткацким делом, отвести ему второстепенное место

Тимофей Васильевич Прохоров

в производстве. Они ясно видели, что дальнейшее развитие их производства в этом направлении не открывает в будущем широких перспектив, и что пора им начать производство ситцев механическим путем. Поэтому были потрачены огромные деньги на постройку каменных корпусов и закупку импортного оборудования.

Им первым в Москве пришла мысль приняться за разработку торфяных болот, поскольку топить паровые котлы дровами запрещалось. На Трехгорной мануфактуре паровые машины работали круглосуточно, а излишками торфа отапливали жилые помещения.

Но главной заботой братьев было — дать сыновьям основательную техническую подготовку, соответствующую современным требованиям фабрично-заводской техники. К сожалению, со временем единственным работоспособным хозяином оказался двадцатитрехлетний Иван Яковлевич. Чтобы упорядочить вообще весь внутренний строй фабричной жизни, Иван Яковлевич, с согласия дяди, в 1858 году организовал «Хозяйственный Комитет Прохоровых». Это оказалось вполне своевременным, поскольку совпадало с тем движением промышленных и коммерческих дел, которое проявилось в 1855–57 годах.

Тяжелый мировой кризис в мануфактурной промышленности 1857 года не мог не отразиться на российской промышленности. И все же, несмотря на всеобщий застой, дела Прохоровской мануфактуры шли вполне удовлетворительно.

Но единолично управлять крупной фабрикой с немалым годовым оборотом стало уже почти невозмож-

но. Нужны были помощники, причем не просто компетентные сотрудники, но и разделяющие мировоззрение хозяина, его политику по отношению к производству и рабочим. Необходимо было оформить Трехгорку как юридическое лицо — этого настоятельно требовало само время.

На семейном совете было решено учредить Товарищество на паях. В число соучредителей пригласили двоих из испытанных служащих — товароведа и главного бухгалтера. В конце 1873 года был составлен проект устава «Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры», который 15 марта 1874 года был высочайше утвержден.

Упадок промышленных дел продолжался до 1877 года. Объявление войны с Турцией в 1877 году моментально оживило внутреннюю торговлю. У людей появились деньги, а вместе с ними — и повышенный спрос на мануфактурные товары. Заказов было огромное количество. Товарищество в это время начало расширять территорию, строило очередные здания, устанавливало новые машины.

Конкурентам это не могло нравиться, и в ночь с 22 на 23 декабря все фабричные корпуса, расположенные по берегу Москвы-реки, без видимых причин сгорели дотла. В пламени погибли и машины, и товары, удалось избежать только человеческих жертв.

Как дальновидный и опытный промышленный деятель, Иван Яковлевич, несмотря ни на что, решил не прерывать дел до постройки новых фабричных корпусов, а принялся за поиски уже оборудованной фабрики. Такая, к счастью, нашлась быстро и недалеко — в Серпухове, и через считанные дни после покупки начала работать круглосуточно.

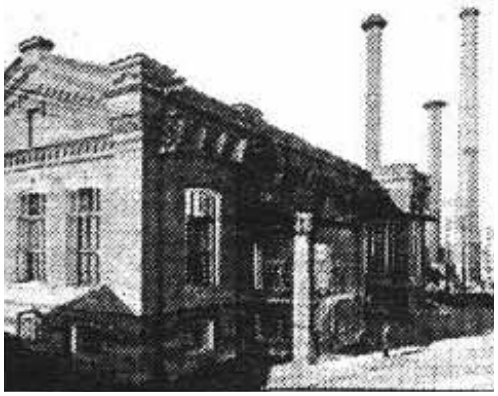
А тем временем Трехгорная фабрика была отстроена заново, с учетом всех последних технических достижений. Она готова была уже открыться — в октябре 1881 года, — но тут скоропостижно, в возрасте всего сорока пяти лет, скончался Иван Яковлевич. Ушел из жизни один из энергичнейших представителей мануфактурной промышленности, человек широкой инициативы в промышленном деле — и не только.

Иван Яковлевич завещал своим преемникам зорко следить за всеми усовершенствованиями и открытиями в техническом деле и сердечно относиться к тем, чьими руками создается благополучие фирмы. Он оставил наследникам не только отлаженное торгово-промышленное предприятие, но и основал доброе дело — учредил приходской попечительский совет при Николо-Ваганьковской церкви, положив неприкосновенный капитал, который постоянно увеличивался, и в год его кончины совет уже содержал богадельню и женское двухклассное училище на проценты с этого капитала.

Похоронили Ивана Яковлевича на Новодевичьем кладбище, а через два года перенесли в фамильную часов-

Общий вид фабрики в 80-х годах XIX столетия

Бумагопрядильный корпус фабрики

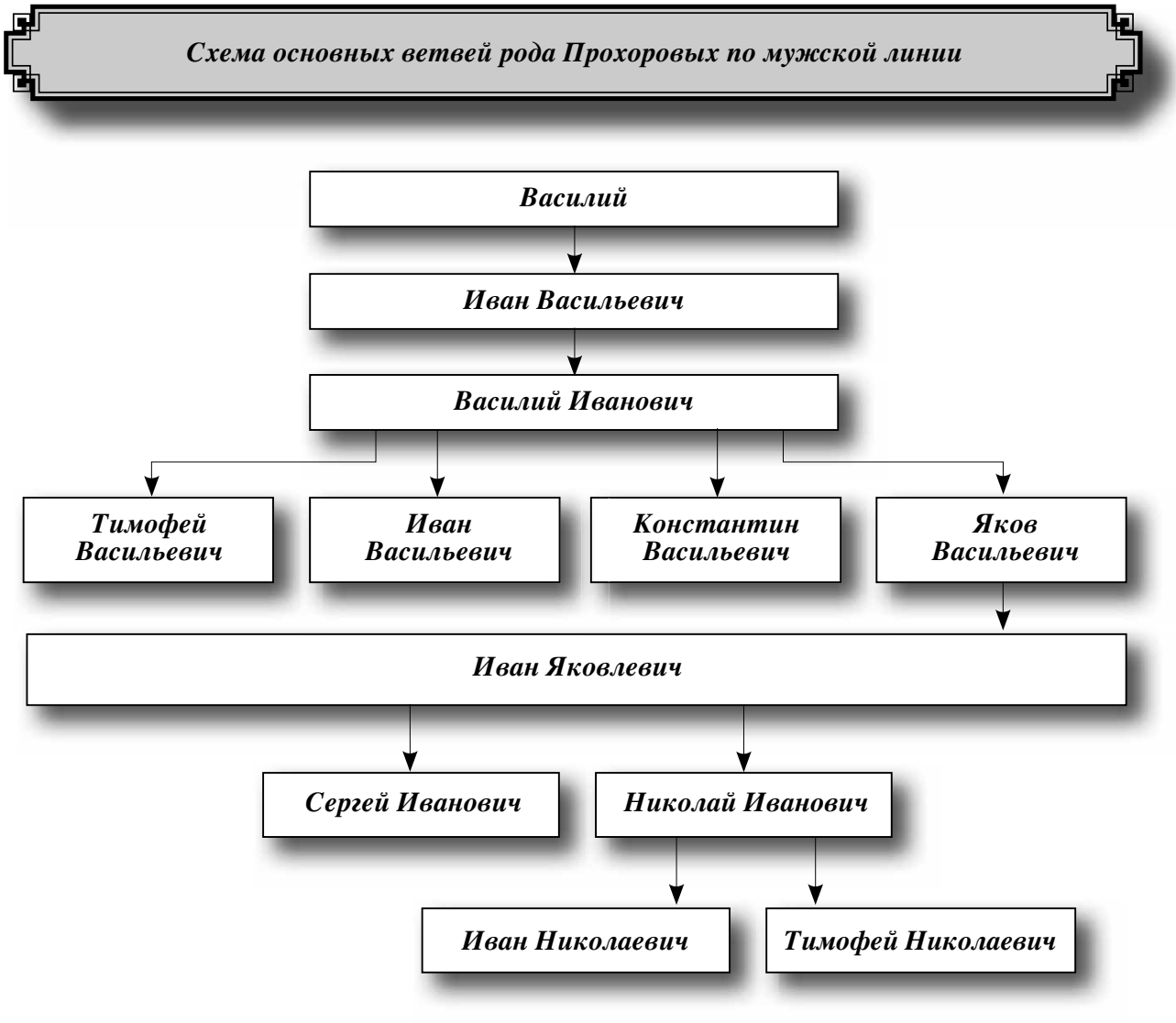


Электростанция фабрики

ню, которая и по сей день украшает ансамбль Новодевичьего монастыря.

Его сыновья Сергей и Николай, согласно интересам дела и личным склонностям, разделили между собою сферы деятельности. Первый занимался технической стороной, второй — коммерческой. Братья решили к ситценабивному делу присоединить дело бумаготкацкое и бумагопрядильное. Оборудование фабрики было модернизировано, денежные обороты выросли до десятков миллионов рублей. Кроме того, их деятельность в области улучшения материального и духовно-нравственного быта рабочих была колоссальной, причем делалось все не по обязанности, а по духовной потребности: школа ремесленных учеников, мануфактурно-техническое училище, классы для рабочих, классы музыки, религиозно-нравственные чтения, фабричный театр, врачебная помощь, общежития для рабочих, богадельни…

Кстати, корпуса общежитий Трехгорки сохранялись до начала нынешнего века в первозданном виде, разве что с мелким ремонтом, и квартиры (коридорного типа) считались в районе очень хорошими. Лишь недавно эти корпуса были капитально перестроены изнутри под элитное жилье, но стены остались теми же, какие были возведены в девятнадцатом веке.



Прохоровская мануфактура принимала участие в пяти выставках: в Париже (1886 г.), в Антверпене (1887 г.), в Чикаго (1893 г.) ей были присуждены золотые медали, на Всероссийских выставках в Москве (1882 г.) и Нижегородской (1886 г.) она приобрела право изображения на изделиях Государственного герба. Так что экзамен к столетию своего существования Трехгорка выдержала с честью.

К сожалению, в юбилейный год скоропостижно скончался один из братьев — Сергей Иванович. Во главе производства остался один Николай Иванович — мануфактур-советник и кавалер, потомственный почетный гражданин, а с 1912 года — потомственный дворянин, о чем мало кому известно.

В семейном архиве Прохоровых сохранились копии документов, подтверждающие эту монаршую милость:

«*Во внимание к выдающейся благотворительной и общественной деятельности Потомственного Почетного гражданина, Мануфактур-Советника, Николая Ивановича Прохорова по именному Его Император-*

Яков Васильевич Прохоров

ского Величества высочайшему указу всемилостивейшее возводим его, Прохорова, с сыновьями Иваном, Григорием, Александром, Тимофеем и Владимиром и дочерьми Тамарою, Людмилою и Татьяною и женою Ивана Николаевича Надеждою Николаевною, рожденною Гучковою, Прохоровыми в потомственное дворянство Российской Империи достоинство».

Вступление Прохоровской Трехгорной мануфактуры в новое столетие ознаменовалось большим ее успехом на Всемирной Парижской Выставке 1900-го года. Товариществу была присуждена высшая награда «Grand Prix», а Николай Иванович Прохоров стал кавалером ордена Почетного легиона.

Продукция Трехгорки получила в стране и за рубежом общее признание, известное под маркой — «прохоровский ситец». Понятие это стало эталоном замечательной русской фамилии.

Трехгорная мануфактура, основанная прадедом, выросла в огромное предприятие, стоимость которого исчислялась в десятки миллионов рублей. Ее удельный вес в хлопчатобумажной промышленности России составлял одну треть.

В справочной книге «Фабрики и заводы Москвы и ее пригородов» за 1904 год написано:

«*Издатель будет знакомить с выдающимися предприятиями Москвы и начнет экскурс с описания Прохоровской Трехгорной Мануфактуры, которая является одной из самых значительных в России.*

Занимает 40 тысяч квадратных саженей. Работают с 4 часов утра до 10 часов вечера. Рабочий день

Иван Яковлевич Прохоров

для сменных рабочих 9-часовой, а для денных 11,5 часов.

Главные изделия — ситцы, сатины, фасонная плательная ткань, скатерти, шали и другая продукция.

Общая годовая производительность до 11 миллионов рублей, 300 служащих, 9 тысяч рабочих.

Годовой объем производства составляет две трети от всей городской бумагопрядильной и ткацкой промышленности.

Оптовая торговля в Петрограде, Харькове, Ромнах, Коканде, Самарканде, Тегеране, Тавризе, Баку, Варшаве. Розничные магазины в Москве, в городских рядах, на фабрике, на Немецкой улице».

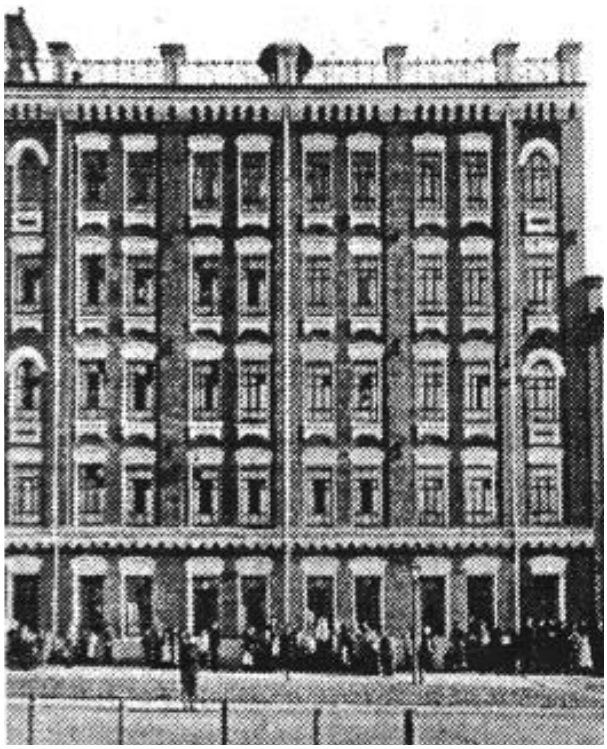
В 1905 году фабрике угрожала та же участь, что и при нашествии французов. Правительственные войска уничтожали здания фабрик, рабочие которых принимали активное участие в восстании. Трехгорка пострадала случайно: ее рабочие не примкнули к общему движению, поскольку все те требования, которые выдвигали революционеры, на Прохоровской мануфактуре давным-давно были воплощены в жизнь.

Как известно, во время революции 1905 года Пресня стала главным пунктом восставших рабочих, но ни администрация, ни семья Прохоровых не покинули своих домов, и никто «не подвергался ни малейшей неприятности со стороны рабочих и пришлых бунтарей». К сожалению, Прохоровым не повезло с соседями.

Рядом с Трехгоркой находилось здание мебельной фабрики Николая Шмита — «фабриканта-революционера». Недоучившийся студент, попавший под сильное влияние соци-

ал-демократического движения, после смерти отца стал полновластным хозяином предприятия и тут же начал жертвовать огромные деньги «на революцию». В 1905 году фабрика стала очагом восстания, за что от полиции получила название «чертова гнезда». «Шмитовцы» упорнее других держались на баррикадах, поэтому фабрика была уничтожена артиллерией, а сам Шмит арестован и умер в тюрьме при невыясненных обстоятельствах. Практически все рабочие мебельной фабрики либо погибли, либо были арестованы и сгинули по тюрьмам и ссылкам.

На Трехгорке тоже несколько десятков человек оказались замешанными в революционные события и отправлены в Сибирь. Для них Николай Иванович выстроил на месте ссылки маслобойный завод, чтобы ссыльные, работая там, могли обеспечить себе средства к существованию.



Казарма для семейных рабочих

С начала войны 1914 года Прохоровы открыли госпиталь для нижних чинов на Пресне, а для офицеров — в собственном доме на Садово-Черногрязской улице, и стали выплачивать денежные пособия семьям рабочих, ушедшим на фронт.

После объявления войны значительную часть своего производства мануфактура направляла для удовлетворения нужд военного времени. Она первой в России начала производство гигроскопической ваты. Кроме того, фабрика выполняла огромные заказы интендантства на непромокаемое платочное полотно и костюмные ткани. Для исполнения этих работ и служащие, и рабочие не жалели своих сил, практически ежедневно работая сверхурочно.

Весной 1917 года оборот фабрики достиг более 20 миллионов рублей. Преуспевание ее в благоприятные для промышленности годы и устойчивое равновесие в годы испытаний являлись результатом непрестанной и энергичной работы четырех поколений семьи Прохоровых. На свой труд — труд фабриканта — они смотрели не с личной точки зрения, а видели в нем в значительной мере служение государственным интересам.

Николай Иванович скончался в сентябре 1915 года. Судьба его семьи сложилась трагично. Его су-

Николай Иванович Прохоров (с 1912 г. — потомственный дворянин)

Внизу: *Николай Иванович с семьей*

пруга — Татьяна Григорьевна, урожденная Полуэктова, принадлежала к старинному дворянскому роду. В 1918 году после национализации Трехгорной мануфактуры, узнав о приказе на свой арест, она вместе с сыном Тимофеем (14 лет) и дочерью Татьяной (13 лет) ушла из дома. Это не спасло их от ареста, ссылки и гибели там.

Еще раньше погибли примкнувшие к белому движению старшие братья Прохоровы — Григорий и Владимир. Выжил самый старший сын Николая Ивановича — Иван, закончивший естественное отделение Московского государственного университета. В начале 1918 года он был арестован ЧК как один из бывших хозяев Трехгорной мануфактуры и приговорен к расстрелу, но… чудом освобожден по настоянию рабочих.

Третьего сентября 1918 года «Товарищество Прохоровской Трехгорной Мануфактуры» было национализировано. Фабрика перешла в руки народа. Было избрано первое рабочее фабричное управление.

Сергей Иванович Прохоров

Внизу: *Сергей Иванович с семьей*

Но в марте следующего года фабрика полностью остановилось. За время своего существования Трехгорка пережила войны, экономические кризисы, пожары, революцию, наводнения, забастовки — и работала. Но такой кризис огромного производства, состоявшего из ситценабивной, красильной, бумагопрядильной и бумаготкацкой фабрик, с 8 тысячами рабочих, с научной лабораторией, электростанцией, механическими и подсобными мастерскими, десятью складами оптовой продукции и торговым оборотом в двадцать миллионов рублей, школами, училищами, больницами, приютами, жилыми домами для рабочих и служащих, случился впервые. И длился он год и десять месяцев по причине отсутствия топлива и сырья. Многие рабочие умерли от голода, десятки вернулись в родные деревни — там проще было выжить.

Лишь в сентябре 1920 года было возобновлено производство тканей. По этому поводу «вечером во дворе фабрики состоялся митинг». Только на этом митинге никто не сказал о

Иван Николаевич Прохоров (последний управляющий фабрикой)

том, что положение спас последний хозяин Трехгорки — Иван Николаевич Прохоров, назначенный правительством большевиков «консультантом», поскольку «Рабочее фабричное управление» явно не справлялось с взятыми на себя обязанностями.

Однако после того, как производство наладилось, его снова арестовали «за растрату народной собственности».

Дело в том, что в фабричной кассе не было денег, и он распорядился выдать зарплату рабочим продукцией. Вскоре его вновь освободили, так как производство опять забуксовало.

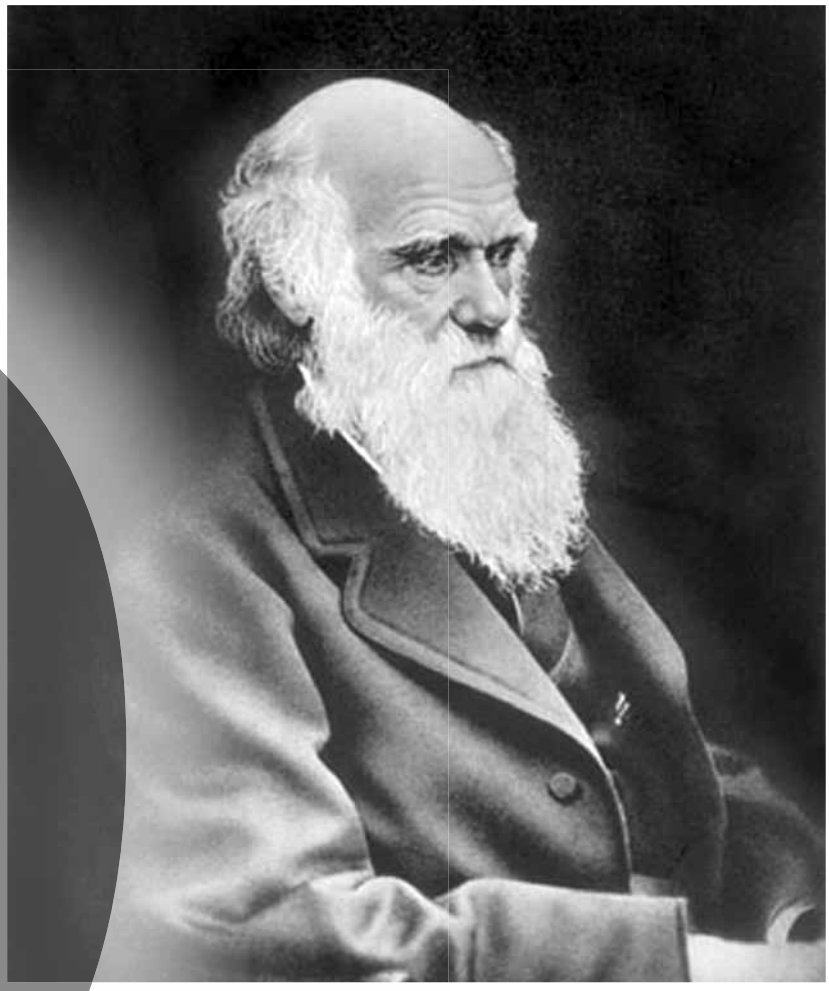
«*Так продолжалось до 1927 года, до смерти моего отца*, — вспоминала его дочь Вера. — *Хоронила его вся округа и фабрика*». В память о людях, отдавших последние почести отцу, Вера Николаевна сохранила траурную ленту с надписью: «С тобой хороним частицу свою, слезою омоем дорогу твою».

Лишь в 1926 году на фабрике был достигнут выпуск тканей уровня 1913 года — 114 миллионов метров. А в феврале 1934 года, через 16 лет после национализации, на фабрике вновь была открыта художественная мастерская. Но прежней славы изделия Трехгорной мануфактуры уже не имели никогда.

P.S. *Весь мир знает имя великого шахматиста, непобежденного чемпиона мира Александра Алехина, но мало кому известно, что мать его была урожденной Прохоровой, а отец — одним из директоров «Товарищества Прохоровской Трехгорной Мануфактуры».*

Как причудливо порой тасуется колода! ❑

Алла Зубкова



Эволюционист

Его имя знакомо всем еще со школьной скамьи, хотя большинство ошибочно полагает, будто главной заслугой Чарльза Дарвина является доказательство того, что человек произошел от обезьяны. По образованию священник, он сам себя сделал ученым-энциклопедистом и совершил величайшее открытие со времен Коперника. По сути, вся нынешняя биология является только расширением и углублением его идей. Достижения этого человека тем поразительнее, что он в течение более сорока лет страдал от заболевания, до тех пор не разгаданного наукой. Его постоянно мучили головная боль, бессонница, обморочные ощущения, быстрая утомляемость. И это притом, что внешне он выглядел довольно крепким человеком. Парадокс? Впрочем, в жизни Чарльза Дарвина их было немало.

Он появился на свет 12 февраля 1809 года в небольшом английском городке Шрусбери. Семейство Дарвинов отличалось давними и прочными культурными традициями. Дед Чарльза, Эразм Дарвин, был известным естествоиспытателем и врачом. Слава его была столь велика, что его даже пригласили лейб-медиком к королю Георгу III. Однако, не желая потерять свободу, став придворным, Эразм от этой чести отказался. Отец Дарвина, Роберт, также опытный медик, отличался тонким знанием психологии. Можно сказать, что этот человек стал психиатром в те времена, когда врачей этой специальности еще не существовало.

Мать будущего великого ученого происходила из почтенного семейства Веджвудов, владельцев известной фарфоровой фабрики. Впрочем, она умерла, когда Чарльзу было всего восемь. Воспитанием мальчика занимался отец и две старшие сестры.

Чарльз обожал собак, охоту на бекасов, с самых ранних лет глубоко чувствовал прелесть живой природы, был одержим страстью собирать всякую всячину — от монет и печаток до жуков и тритонов. В самой дорогой частной школе Шрусбери юный Дарвин проучился семь лет. В школе преподавали только жалкие крохи географии, древней истории и другие, не очень интересовавшие подростка предметы, и он ничем среди других учеников не выделялся. Сам Дарвин всегда считал школьные годы потерянными, так как они ничего не дали для развития ума. К счастью, отец разрешил ему уйти из школы, и в шестнадцать лет он поступил на медицинский факультет Эдинбургского университета. Однако к медицине у юноши не было никакого призвания. Болезненно впечатлительный, он не мог заставить себя присутствовать на операциях. Отчаявшись увидеть сына врачом, отец посоветовал ему поступить в Кембридж и посвятить

Когда Чарльз прочел книгу выдающегося натуралиста Гумбольдта «Путешествие», он начал мечтать о тропических лесах и о поездке хотя бы на Канарские острова. И как раз в это время Адмиралтейство снаряжало десятипушечный бриг «Бигль», переоборудовав его для научных целей. По рекомендации друзей Чарльза зачислили натуралистом экспедиции, и задачей его был сбор естественно-научных коллекций

себя духовной карьере. Увы, богословие интересовало Чарльза не больше, чем медицина. Он скучал на лекциях и мучился на экзаменах. Душу он по-прежнему отводил на любимой им охоте. Относился он к этому занятию вполне серьезно. Часто в своей комнате Чарльз тренировался на меткость: из пистолета, заряженного только пистоном, он стрелял в горящую свечу, которой размахивал в руке его приятель. Если стрелок целился точно, легкое дуновение воздуха от взрыва пистона гасило свечу.

Увы, радость, которую Чарльз испытывал, вкушая первые плоды признания, омрачалась началом болезни, которая не отпускала его до конца жизни. Ушли в прошлое времена, когда он мог по четырнадцать часов не слезать с седла, спать на сырой земле и курить с гаучос крепчайшие сигареты, чтобы заглушить чувство голода.

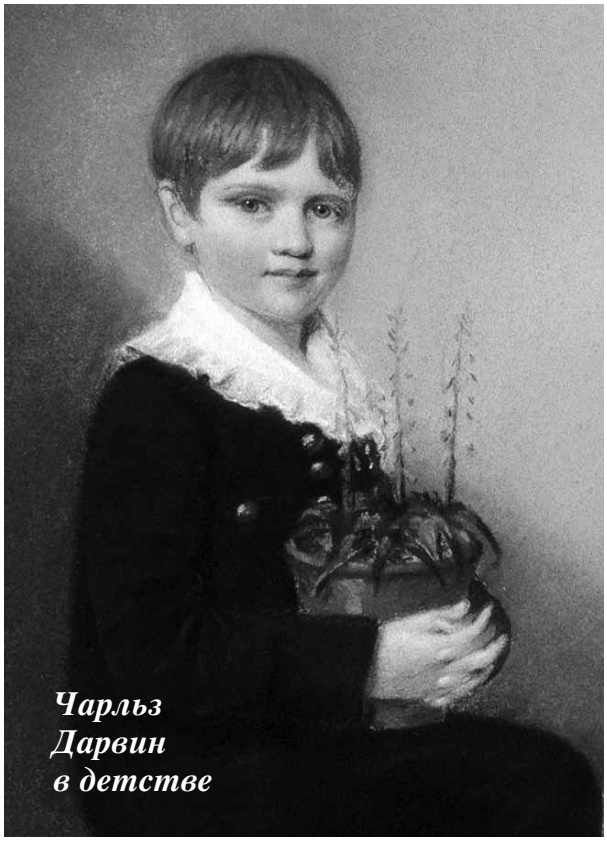
Зимними вечерами у молодого богослова собирались друзья. Их становилось все больше и больше. Эту завидную способность иметь много друзей Дарвин сохранил до конца жизни. Они играли в карты, выпивали, громко пели…

В 1831 году Дарвин получил степень бакалавра. Правда, о посвящении в сан ни он, ни отец больше не заикались. Дело в том, что Чарльз прочел «Путешествие» выдающегося натуралиста Гумбольдта и мечтал о тропических лесах и о поездке хотя бы на Канарские острова. Теперь помимо охоты на бекасов его интересовали также ботаника, геология и энтомология (недаром еще мальчишкой он любил гоняться за жуками). И надо же было случиться, что как раз в это время английское Адмиралтейство снаряжало десятипушечный бриг «Бигль», переоборудовав его для научных целей. Участникам экспедиции предстояло исследовать и нанести на карту восточные и западные берега Южной Америки, посетить малые острова Тихого океана и вернуться домой, обогнув Африку. Чарльза, по рекомендации друзей, зачислили натуралистом экспедиции. Задачей его был сбор естественно-научных коллекций. Жалованья ему не полагалось.

«Бигль» вышел из Плимута в конце декабря 1831 года. Путешествие должно было занять два года, но на самом деле продолжалось целых пять лет. Капитан «Бигля», Роберт Фицрой, был личностью неординарной. Великолепный моряк, до тонкости знавший свое дело, человек глубоко порядочный и благородный, он

в то же время отличался редким своенравием и вспыльчивостью. Причем вспышки гнева случались совершенно неожиданно, по любому поводу и даже без оного. Недаром Дарвин впоследствии говорил: «Кое-что в его мозгу явно нуждалось в починке». Тем не менее, во время путешествия Чарльз научился находить с ним общий язык. За годы плаванья «Бигль» не однажды оказывался на волоске от гибели. Несколько раз его команде случалось спасать потерпевших кораблекрушение. В «нештатных ситуациях» Чарльз удивлял бывалых моряков своей решительностью и отвагой. Как-то во время очередной высадки на берег вдруг поднялась высокая волна от рухнувшей в воду ледяной глыбы и едва не унесла их баркас. Они рисковали остаться «робинзонами» на диком берегу. Найти их в запутанном лабиринте бесчисленных бухточек было бы очень нелегко. А у них не было ни пресной воды, ни провизии, все оставалось на баркасе. Чарльз совершил поистине героический поступок, кинувшись первым спасать баркас. Капитан по достоинству оценил его подвиг. Когда на следующий день они вошли в широкий пролив, пока еще безымянный и не нанесенный на карту, Фицрой решил назвать его именем Дарвина. Так оно впервые появилось на карте мира.

Перед Дарвином, во многом еще наивным полунатуралистом, полусвященником, отправившимся в путь с малым научным багажом, но с великой жаждой знаний, открывался



Чарльз Дарвин в детстве

новый, еще совершенно непонятный, огромный и сложный мир. От безбрежных океанских просторов он перешел к исследованию высочайших горных хребтов Южной Америки и тропических лесов, раскинувшихся у их подножия. Пока моряки занимались составлением карт, Дарвин совершал настоящие научные экспедиции в глубь материка. Они продолжались неделями, а то и месяцами. Он собирал минералы, ловил змей, аккуратно записывал результаты наблюдений за погодой. Во время одной из стоянок в заливе Байя-Бланка в Бразилии Чарльз познакомился с местными пастухами гаучос, и они взяли его на охоту за страусами. « У гаучос наглое, надменное выражение лица, — записал в своем

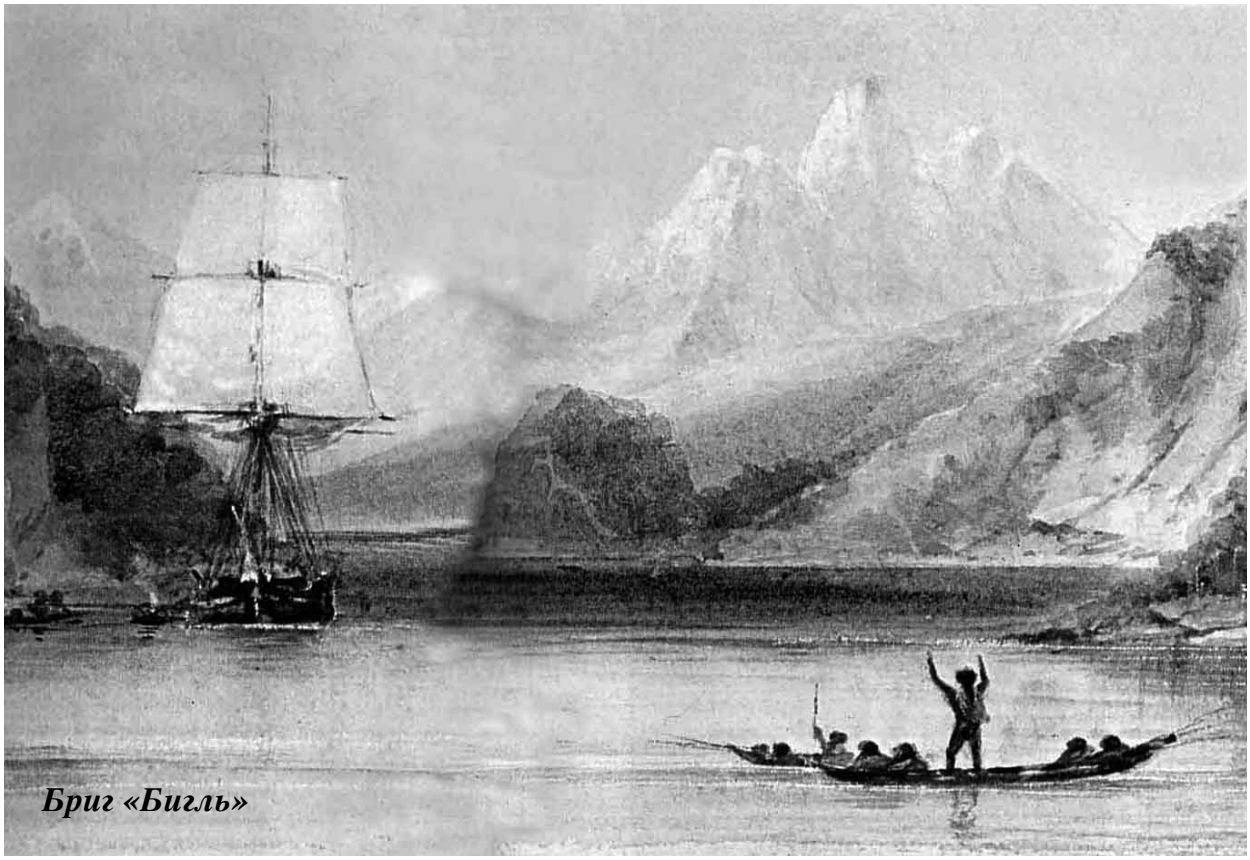
Роберт Фицрой, капитан «Бигля»

дневнике Дарвин, — но они вежливы. Вид у них, однако, такой, точно они способны перерезать вам горло и при этом отвесить вам поклон».

Огромных птиц они добывали с помощью необычного орудия — боласов: несколько тяжелых шаров на длинной веревке. Чарльз, разумеется, не удержался: старательно раскрутив над головой шары, похожие на ядра, он метнул их куда-то наугад … и едва не вылетел из седла, потому что запутал веревкой не шею страуса, а ноги собственной лошади. Ни одного страуса добыть ему так и не удалось, но он возвращался радостный и гордый. Поездка наградила его куда более редкостной и ценной добычей. Он вез на корабль кости какого-то ископаемого животного, которые обнаружил на склоне холма, размытого недавним ливнем. Он сам с изумлением замечал, как изменились его интересы. Страсть к охоте потускнела перед новыми увлечениями. Разве можно было ее сравнить с находкой «превосходных костей ископаемых, которые почти что человечьим языком повествуют о минувшем».

С каждой оказией он отправлял на родину собранные коллекции и подробные описания своих наблюдений. Рассказывая о растениях и животных, которых видел, он становится поэтом. Обогнув южноамериканский континент, «Бигль» вновь поднялся в тропические широты. Дарвин познакомился с Кордильерами, испытал землетрясение, видел извержение вулканов, любовался водопадами и глетчерами. Затем «Бигль» направился к Галапагосским островам, где среди скал бродили гигантские черепахи и чудовищные ящерицы, далее — к островам Полинезии, восхитившим Чарльза своей райской природой. Он побывал в Австралии, посетил острова Килинг, послужившие главным объектом для знаменитой теории происхождения коралловых рифов, развитой Дарвином впоследствии, заглянул на острова Маврикий, Святой Елены, Вознесения и через Азорские острова в октябре 1836 года вернулся в Англию.

Дарвин даже не представлял, сколько научных материалов он переправил домой в толстых пакетах и аккуратных посылках. Пять лет он был занят только наблюдениями и сбо-



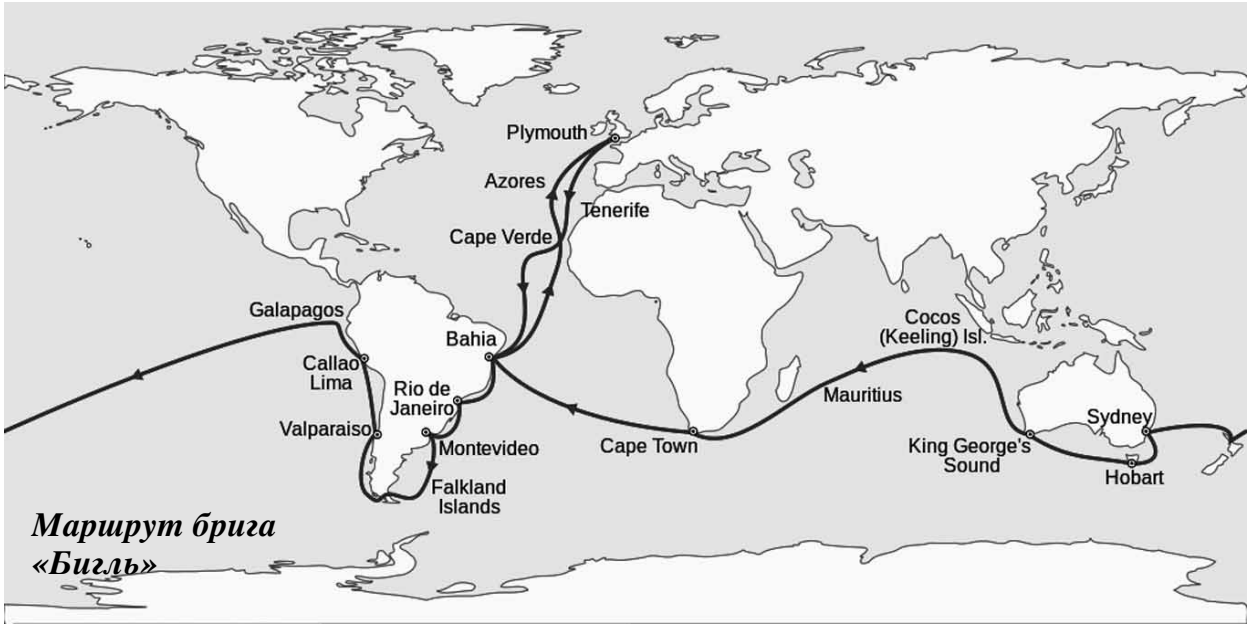
Бриг «Бигль»

ром коллекций. Теперь предстояло понять и осмыслить все, что он увидел и узнал во время плаванья.

По мнению специалистов, коллекции, привезенные Дарвином, были бесценны. Чарльза избирают членом нескольких королевских научных обществ, приглашают в эксклюзивный лондонский клуб «Атенеум», основанный сэром Вальтером Скоттом, куда допускались только известные деятели литературы, науки и искусства.

Увы, радость, которую он испытывал, вкушая первые плоды признания, была омрачена началом болезни, не отпускавшей его до конца жизни. В прошлое ушли времена, когда Чарльз мог по четырнадцать часов не слезать с седла, спать на сырой земле и курить с гаучос крепчайшие сигары, чтобы заглушить приступы голода. Теперь его постоянно беспокоили головные боли, боли в сердце и животе, приступы тошноты, упадок сил. Ему приходилось соблюдать строжайший режим. Работать он мог не более двух часов в день. Состояние его ухудшалось от любого волнения перед предстоящим научным спором или от небольшой поездки. При этом он выглядел настоящим крепышом. «Все твердят, что у меня чудесный, цветущий вид, — с обидой писал он одному своему другу, — почти все думают, что я притворяюсь».

Разумеется, это было не так, но в заболевании Дарвина было много странного и загадочного. Прежде



Маршрут брига «Бигль»

всего, было непонятно, откуда вообще взялась болезнь. Ведь Чарльз отправлялся в плаванье совершенно здоровым человеком. Медики спорили, и до сих пор спорят о причине и природе заболевания. Отец Чарльза полагал, что у сына было хроническое инфекционное заболевание, которое он подхватил в тропиках во время плавания на «Бигле». Это мнение подтверждается и дневниковыми записями самого Дарвина, где он говорит о нападении на него в пампасах крупных черных насекомых бенчуков, которым позволил жалить себя, наблюдая за ними. Современная наука установила, что бенчуки являются переносчиками опасного заболевания, получившего название «болезнь Чагаса».

Впрочем, существует и иная версия, согласно которой недомогание Дравина объясняется наследственным предрасположением. Ведь многие родственники Чарльза и по отцовской, и по материнской линии страдали от различных нервных заболеваний и расстройств. Сам он также был подвержен частым приступам иппохондрии, которая с годами усиливалась.

В конце 1838 года друзья Чарльза узнали ошеломившую их новость — оказывается, ничто человеческое не было чуждо их ученому другу — Чарльз решил жениться. Этому предшествовали обильные размышления по поводу преимуществ, которые имела семейная жизнь перед холостым существованием — прежде всего, ласковая жена, дети, семейный уют. Разумеется, имелись и отрицательные моменты, среди которых едва ли не главным была «ужасающая потеря времени», но положительные все-таки явно преобладали. Самым любопытным было то, что в тот момент на горизонте Чарльза особы, подходящей на роль супруги, пока еще не наблюдалось. Впрочем, это не очень смущало его. Уже давно стало тради-

цией, что Дарвины брали себе жен или мужей только из семейства Веджвудов, из которого происходила его мать. Оставался всего один вопрос: какая из подходящих ему по возрасту барышень Веджвуд свободна. К счастью, свободна была всего лишь одна — Эмма, тридцати лет от роду и, стало быть, на год старше его. Эмма была довольно хороша собой, прекрасно воспитана, неплохо образована. Молодые люди понравились друг другу. В ноябре 1838 года Чарльз сделал ей предложение, и уже в конце января 1839 года состоялось венчание. Эмма даже не делала вид, что ее интересует работа Чарльза, зато в остальном между ними царило полное взаимопонимание и гармония. Поначалу молодые жили в Лондоне, но городская суета была им не по душе, они тосковали по загородному покою. В конце концов Чарльз нашел в кентской деревушке Даун вместительный трехэтажный дом. До Лондона было всего каких-нибудь шестнадцать миль, но местность вокруг отличалась чудным разнообразием ландшафта. В эту деревушку они и переселились весной 1842 года. Дарвины довольно редко выезжали отсюда, все путешествия Чарльза отныне совершались лишь в область познания.

В 1839 году появился на свет их первенец — сын. Семья быстро росла. В доме Дарвинов появилось еще четыре дочки и два сына. В общей сложности Эмма подарила мужу десять детей. Правда, двое умерли в младенчестве, а дочка Энн, когда ей исполнилось всего десять лет. Без преувеличения можно сказать, что Чарльз был кумиром своих детей. Он читал им книжки, объяснял устройство паровых машин, внушал страсть к собиранию редких жуков и почтовых марок, разделял их веселые забавы и в то же время стремился привить им зрелый взгляд на окружающий мир.

Несмотря на частые недомогания (Эмма оказалась превосходной сиделкой), он работал упорно и необычайно плодотворно. В 1839 году

Чарльз, наконец, решил жениться. Давно стало традицией, что Дарвины брали себе жен и мужей из семейства Веджвудов, из которого происходила его мать. Он выбрал Эмму. Она была довольно хороша собой, прекрасно воспитана и неплохо образованна. И хотя Эмма даже не делала вид, что ее интересует работа Чарльза, в остальном между ними царили полное взаимопонимание и гармония

вышли в свет его «Дневники», а затем еще два труда — «Коралловые рифы» и «Геологические наблюдения на вулканических островах». Обе работы были приняты восторженно, а дарвиновское толкование проблемы коралловых рифов по сей день считается самым верным.

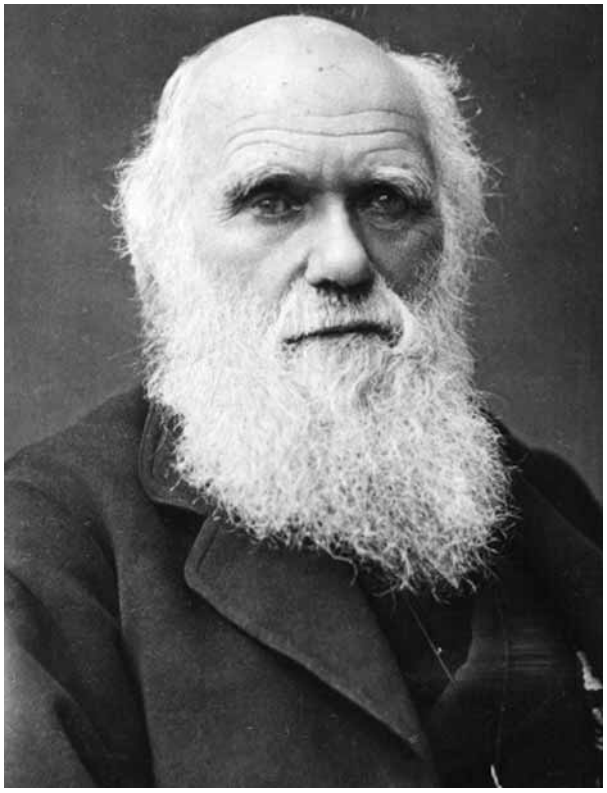
В 1837 году Дарвин начал первую тетрадь записей по проблеме изменчивости видов. С этого момента он приступил к работе над одной из самых главных книг XIX века. Бежали годы. Росли кипы материала. Чарльз старался работать как можно быстрее. Ничто не заставляло его так торопиться, как страх умереть, не завершив работы. И в то же время имелось обстоятельство, которое побуждало его оттягивать публикацию результатов исследования. Чарльз боялся оскорбить религиозные чувства горячо любимой жены. Эмма была женщиной искренне верующей. В начале супружеской жизни она с огорчением узнала, что Чарльз не разделяет ее убеждений, а с годами стала понимать, что муж зашел слишком далеко и, возможно, оспаривает само существование Бога. Как-то она прямо спросила его об этом. «Я лишь хочу сказать, — мягко ответил Чарльз, — что Он в самом начале создал определенные законы и потом устранился от дел, предоставив этим законам делать за себя всю работу».

Возможно, это разъяснение не вполне убедило Эмму, однако, по здравому размышлению, она пришла к выводу — ее Чарльз ведет столь праведную жизнь, что, по всей видимости, носит образ Божий в себе. Это немного успокоило ее. Сам Дарвин отлично понимал, что опасения Эммы вызваны ее глубокой любовью к нему. Преданная подруга опасалась, что врата небесные окажутся закрытыми для ее супруга, и его уделом станут вечные муки. Скорее всего, самого Чарльза эта перспектива не очень пугала, но не считаться с чувствами Эммы он не мог и невольно откладывал обнародование теории эволюции, которая, по его мнению, могла оскорбить ее религиозные чувства. Ну, и, разумеется, оттяжка в публикации объяснялась добросовестностью истинного ученого, стремящегося заранее предусмотреть все возможные возражения оппонентов. В то же время он понимал, что его в любой момент могут опередить, и страшно боялся этого. Поэтому впечатление разорвавшейся бомбы произвело на него письмо от молодого английского биолога Альфреда Рассела Уоллеса. Оно содержало статью об эволюции и естественном отборе. В ней Уоллес, по существу, повторял последние выводы Дарвина, к которым пришел самостоятельно. Но ведь Дарвин сформулировал основные положения этой теории еще за 20 лет до этого. Об этом свидетельствовали его записи, да и некоторые его друзья и коллеги могли подтвердить это. Впрочем, Уоллес и не претендовал на роль основоположника теории эволюции и безоговорочно признавал приоритет Дарвина. Тем не менее, Чарльз понимал, что дальше тянуть с публичным представле-

Эмма и Чарльз Дарвины

нием своих взглядов невозможно. Книга под заглавием «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятственных пород в борьбе за жизнь» увидела свет 24 ноября 1859 года. Весь тираж — 1250 экземпляров — был распродан в один день. В своем труде Дарвин показал, что существующие в настоящее время на Земле различные виды растений и животных возникли путем непрерывных изменений, продолжавшихся миллионы лет. Из первичных простейших сгустков живой материи постепенно образовались все более сложные и высокоорганизованные формы. В природе непрерывно идет борьба между различными видами, а также внутривидовая борьба отдельных индивидов за место на земле. Эту ожесточенную борьбу за жизнь выдерживают только те, кто лучше других приспособлен к условиям внешней среды. Победители передают благоприятные свойства своему потомству. Таким образом, через многие поколения изменения образуют новый вид.

Книга Дарвина имела огромный успех. Многие ученые объявили себя сторонниками новой теории. Свое одобрение высказывали даже некоторые епископы. Слава Дарвина быстро разлетелась по свету, в то же время рамки его частной жизни неуклонно сужались. Болезнь все требовательнее подчиняла себе все его вкусы и привычки. Бывать на людях стало для него почти непереносимо. Он уклонялся от присутствия на любых официальных собраниях, виделся только с близкими родственниками да старинными друзьями. По-



болтать полчаса с каким-нибудь гостем значило не спать потом всю ночь. Он сам поражался своей уязвимости. Порой всякий лишний жест или хотя бы необходимость держать в руках тяжелую книгу становились непосильными. Тогда над томом производилась «хирургическая операция» — он разнимался на части и читался тоненькими удобными тетрадками.

Ученый упорно работал над новой книгой. Чарльз знал, что его почерк ужасен, порой он и сам не мог прочесть то, что написал. Знал он и то, что иногда делал ошибки в орфографии и пунктуации, но это его не тревожило. Перед ним стояла одна задача — изложить свои взгляды доступным и ясным языком, и он отдавал этому все силы. В своем предыдущем труде «Происхождение видов» Дарвин не касался вопроса, в какой мере его теория распространяется на человека. Ответ на этот вопрос он намеревался дать в своей новой книге. Она вышла в свет в 1871 году и называлась «Происхождение человека и половой отбор». В ней Дарвин выдвигает теорию происхождения человека от общего с обезьяной предка — древних вымерших человекообразных обезьян. Впрочем, он хотел проследить происхождение человека куда дальше пресловутой обезьяны, ставшей для противников дарвинизма притчей во языцех. В частности, он писал: «Наш предок был животным, которое дышало в воде, имело плавательный пузырь, большой хвостовой плавник … и, несомненно, было двуполым. — И не без юмора заключал: — Вот забавная генеалогия для человечества».

Дарвин приходит к выводу, что превосходство человека над животными объясняется не одним каким-то свойством, наподобие речи, а многими: тем, что он ходит прямо и на двух ногах, выполняет тонкие операции руками, пользуется орудиями труда, членораздельной речью, главное же, наделен умственными способностями, которые делают возможным появление орудий и речи.

Широкий читатель принял книгу весьма благосклонно. Правда, какой-то вспыльчивый господин из Уэльса направил–таки Дарвину письмо, в котором обозвал его «старой обезьяной с мохнатой харей и тупой башкой».

Дарвин пользовался теперь всемирной славой. Он являлся почетным членом семидесяти пяти зарубежных академий и университетов. Пожалуй, больше почестей, чем он, заслужил только сэр Исаак Ньютон. В отличие от него, Дарвин так и не получил рыцарского титула, что очень уязвляло Эмму. Чарльз стал более чем состоятельным человеком. Он всегда был бережлив и думал о будущем детей. После смерти отца он получил очень приличное наследство, которое со временем увеличивалось.

Последние годы Дарвина были отмечены тихим счастьем в кругу семьи. Он был бесконечно благодарен Эмме за ее постоянные заботы о нем. Его уже взрослые дети стали уважаемыми в обществе людьми. Росли внуки. Он выпустил в свет еще несколько великолепных трудов по ботанике. Однако работать становилось все труднее. Его все чаще мучили приступы ишемической болезни сердца. Он очень ослаб.

Начался новый 1882 год. В апреле Дарвину иногда становилось утомительно даже глядеть в окно. И все-таки он не желал лежать в постели и, как только ему становилось лучше, брался за работу. 17 апреля боли в сердце усилились настолько, что он даже потерял сознание. Когда его, наконец, с большим трудом привели в чувство, он повернулся к Эмме и сказал: «Я совсем не боюсь умереть. Помни, ты была мне хорошей женой. И всем детям скажи: пусть помнят, они были хорошие дети». В три часа утра 19 апреля его не стало.

Хоронили Дарвина в Вестминстерском аббатстве. Он так и не был возведен в рыцарское достоинство, но его гроб, кроме друзей, несли два герцога и граф. Первыми в траурной процессии шли члены королевской семьи. Похоронили Чарльза Дарвина рядом с могилой сэра Исаака Ньютона. Было произнесено немало прекрасных речей. И все же, наверное, трудно представить себе лучшую эпитафию великому ученому, чем слова его верной подруги Эммы, сказанные одной из дочерей: «Отец, наверное, не верил в Бога, но Бог верил в него. Там, куда он ушел, он будет покоиться в мире». ❑

В 1837 году Дарвин начал первую тетрадь по проблеме изменчивости видов. Можно сказать, что с этого момента он приступил к работе над одной из самых главных книг XIX века. Шло время, росли кипы материала, и Чарльз старался работать как можно быстрее. Ничто не заставляло его так торопиться, как страх умереть, не завершив работы.

Анатолий Коротков

Я люблю

Я любил, я люблю
и я буду любить —
Это чувство во мне,
пока буду я жить.
Я люблю все вокруг,
что Всевышний создал,
И живой организм,
и холодный кристалл.

А любовь рождена
не сама по себе —
Это жизненный смысл
и во мне, и в тебе.
Мы умрем, растворившись
в пространстве земном,
Но любовь сохраним
и живущим вернем.

Гимн красоте

Посмотри на гладь реки — встрепенись,
Вечной мудрости ее улыбнись.
Свежей зелени кустов поклонись,
Сделай радость для души — улыбнись.
Красотой родных берез восхитись,
И себе и всем вокруг — улыбнись.
Ты улыбки никому не жалей,
Красоту вокруг люби и лелей.
И светлее тогда станет день,
Улетучится хандра, даже лень.
Жизнь сама обретет новый смысл,
Взор душа устремит к Богу, ввысь.

Проснись, Россия

Проснись скорей, моя Россия!
Проснись, униженная Русь!
Я в эти годы непростые
Лишь за судьбу твою
боюсь.

Она сейчас по воле Бога
Почти у роковой черты,
Видать грешили очень
много
Мы в «прошлый век святой
мечты».

Проснись скорей, пока
не поздно,
Проснись и разбуди народ.
Нам западню готовит грозный,
До денег жадный разный сброд.

Мы потеряли веру в Бога,
В тебя — Отечество мое,
И нам теперь одна дорога —
Изгнать невежество свое.

Попробуй, укроти гордыню,
Верни любовь своих
сестер,
Стань им опорой
и твердыней,
А не источником для ссор.

Исполни все. Пусть это
сложно.
Спаси и тех, кто «за бортом»,
И лишь тогда, вполне
возможно,
Мы вновь свободу обретем.

Есть дорога

Есть дорога от порога,
Есть дороги от судьбы…
В этом мире все от Бога,
Все дороги для ходьбы.
Только помни: раз за разом
Путь становится трудней,
Липнет всякая зараза
На твоем исходе дней.
И, навряд ли, кто поможет,
Если ты душою слаб.

Если червь сомнений гложет,
Не поможет эскулап,
Но возьми судьбу за горло,
Лень и боль превозмоги,
Шею выпрями и гордо
Через трудности пройди.
Пусть окончится дорога
Посреди начатых дел,
Пусть добился ты немного,
Но того, чего хотел.

Борис Катковский

***

Для кого-то стихи — агитка,
Мегафона хрипенье в массы,
Лозунг, кинутый в стаю, крысам,
Миллионам плебейской расы.

Для кого-то стихи — нирвана.
Метод бегства от скорбей мира,
Пальма, ладан, елей и миро,
И пресытившемуся — манна.

Для кого-то стихи — наркотик,
Легкий способ навеять грезы,
Потакание буйству плоти,
Отрицание жизни прозы.

Для кого-то они — крепость духа,
Сухострочие и рыданье…
Стих вползает, влетает в ухо,
К алчной памяти на закланье.

***

Ползет червяк во тьме пустой породы,
Безрадостен и необъятен путь,
Извилиста, смурна его дорога,
Нельзя остановиться, отдохнуть.

В движении тепло свое рождая,
Стократ перелопачивая грязь,
Он семена растения питает,
Чтоб к лету буйно поросль поднялась,

Прорвавшись через корку бедной почвы
Или разбив асфальтовую гладь…
Слепой червяк ползет и днем и ночью,
Не ведая — для жизни умирать…

***

Мятущейся душе в век информационный
Так хочется любви, пристанища, добра…
Без этого живут десятки миллионов
От первых связных слов до нитей серебра.
Не продолжай роптать на неустройство мира,
Дерзай, ищи свою не встреченную блажь.
Другим она — никто, зеро, пробел пунктира,
Ты — за нее умрешь, всего себя отдашь…

Нина Попова

***

Час придет, уйду по дороге,
Что меня в этот мир привела,
Ничего не зная о Боге,
Только сердцем его нашла.

Ничего о себе не знала,
Но душа подсказала мне,
Что листочками краснотала
Расцвету в родной стороне.

Ничего о тебе не знала,
Да привиделось невзначай,
Что я руку твою держала,
Уходя в незнакомую даль…

Мне не ведано, что отмеряно,
Ведь шаги у судьбы нелегки,
Я оставлю вам сокровенное —
Сыновей своих и стихи.

***

Дай мне глоток воды!
Долгими были дороги…
Шла сквозь метель и дожди,
Шла я, сбивая ноги.

Шла я, стирая в кровь
Душу… Зимой и летом…
Греясь кострами зорь,
Зрея небесным светом.

Дай мне глоток воды!
Долгой была дорога
К дому, в котором ты —
Вымоленный у Бога… ❑

Владимир Братченко

Филипп из Лиона

Вряд ли найдется в России человек, который бы не слышал и не читал о жизни Григория Распутина и о той пагубной роли, которую он сыграл в семье царя Николая II и в судьбе Российского государства. Не одно поколение публицистов, историков, драматургов, киносценаристов потратило свои усилия на жизнеописание этого авантюриста-самородка. Впрочем, еще до Распутина у царской четы уже были различного рода предсказатели, гадалки, юродивые, мистики: Митя-прозорливец, Агриппина (Гриппа-гадалка), Иллиодор, Вася, Серафим, французский доктор-оккультист Папюс.

Но тот, о котором пойдет здесь речь, стоит особняком. И хотя этот персонаж не такого масштаба, как Распутин, тем не менее, именно он проложил путь сибирскому старцу на самый верх Российской империи и именно его, наравне с Григорием, императорская чета считала «своим другом».

В апреле 1916 года императрица Александра Федоровна писала Николаю II в Ставку по случаю 22-й годовщины их помолвки и, отмечая важнейшие события в их жизни, упоминает о друзьях, «посланных им Богом». Этими друзьями были Григорий Распутин и целитель, мистик и предсказатель француз Филипп Антельм Низье, вошедший в историю под именем «Филипп из Лиона».

Филипп родился 25 апреля 1849 года в крестьянской семье во Франции в небольшой деревушке, заброшенной в горах префектуры Рона. Родители владели небольшой фермой, Филипп помогал отцу по хозяйству и учился грамоте у местного священника, который уже тогда отметил, что с мальчиком «происходит что-то неладное».

Сам Филипп так вспоминал о своем детстве: «Я ничего о себе не знаю, я никогда не понимал и не старался понять свою тайну. Мне едва минуло шесть лет, а уже наш деревенский священник был обеспокоен некоторыми явлениями, происходившими со мной, и говорил мне: малыш, тебя должно быть плохо окрестили, и мне кажется, что твоим господином является дьявол. Я производил исцеления с тринадцатилетнего возраста, когда еще едва ли был способен отдавать себе отчет в странных вещах, которые я делал. Моя роль ограничивалась тем, что я был бессознательным посредником между людьми и высшей силой, которая была вне меня и которую, если хотите, назовите Богом».

С 14 лет Филипп начал работать у дяди в мясной лавке недалеко от Лиона и при этом учился в учебном заведении аббата Шевалье, что позволило ему в 1874 году поступить в Лионе на медицинский факультет. Но очень скоро на факультете стало известно, что, не имея диплома, Филипп занимается врачеванием, и он был исключен из числа студентов. Тем не менее, он продолжал свои сеансы, но у официальных медицинских властей считался «не имеющим права практики» и «подлинным шарлатаном».

Однажды к Филиппу привели девушку родом из богатой лионской семьи по фамилии Ландар. Она была на десять лет старше его, тяжело болела, и доктора считали ее положение безнадежным. Но Филипп вылечил ее, а потом и женился на ней, причем брак оказался очень счастливым. У них было двое детей: мальчик, который умер в младенчестве, и дочь, которую Филипп очень любил. Она потом вышла замуж за доктора Лаланда, известного оккультиста и писателя.

Жена принесла Филиппу богатое приданое в виде земельных участков в Лионе и его окрестностях, и он получил возможность заниматься своим любимым делом. Ему в работе помогали его зять доктор Лаланд, а также друг и ученик, знаменитый оккультист и основатель «Ордена мартинистов» Жерар Анкосс, он же доктор Папюс.

Судьба позаботилась о том, чтобы Филипп и Папюс нашли друг друга и стали в дальнейшем соратниками. История (или легенда?) их знакомства, описанная в биографии Филиппа самими мартинистами, такова:

«*Папюс проводил у себя дома оккультный ритуал. Вооруженный магическим мечом, он собирался войти в магический круг, не зная, что*

это приведет его к неминуемой смерти. Филипп, случайно проходивший по улице, увидел открытую дверь дома Папюса, вошел, не спрашивая разрешения, и приказал остановиться, чем спас ему жизнь».

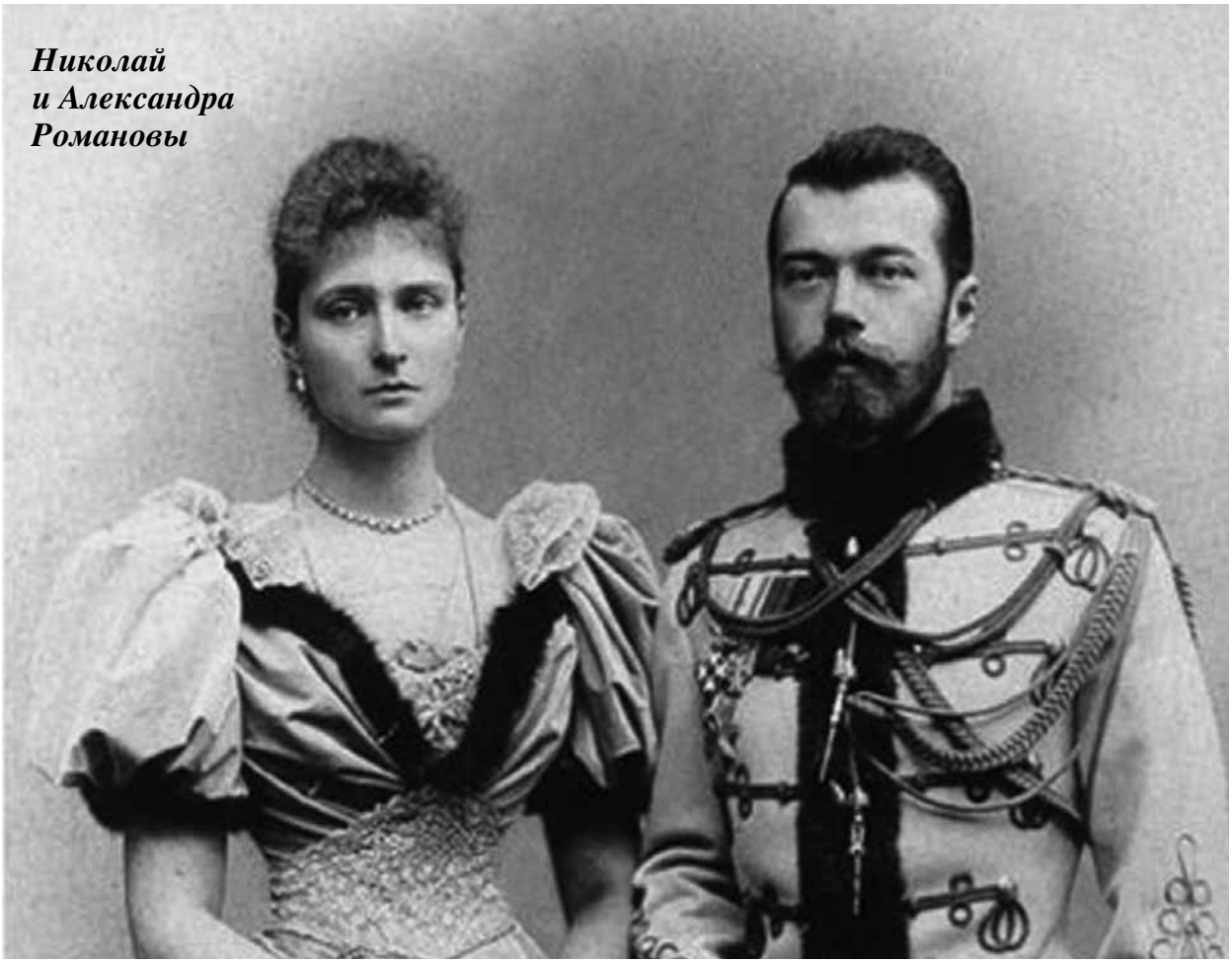
Филипп предпринял попытку легализовать свою деятельность и направил в американский университет в Цинциннати работу на тему «О принципах гигиены во время беременности и родов». В 1884 году университет подтвердил ему степень доктора медицины, а в 1886-м Королевская академия в Риме также присвоила ему титул доктора медицины. Однако это ему никак не помогло. Лионские врачи вели против него травлю, привлекали его к суду, и ему несколько раз приходилось платить штрафы за незаконное занятие медициной. За ним в этих кругах прочно установилась репутация «шарлатана».

В 1885 году семья поселилась в небольшом особняке в Лионе, где также размещалась приемная для посетителей. Несмотря на то, что Филипп фактически занимался нелегальной медицинской практикой, он сумел привлечь большую клиентуру, и слава о его чудесных исцелениях распространилась не только в Лионе, но и по всей Франции. В его приемной стали появляться богатые люди, представители высшего общества и интеллигенции, чиновники и даже духовные лица. Приходили не только лечиться, но и советоваться о своих делах, используя его дар предвидения будущего.

Филипп произвел сильное впечатление на русскую императорскую чету, особенно на царицу. Он получил приглашение приехать в Россию, с обещанием, что будет принят при дворе. Более того, и император, и императрица выразили готовность помочь ему в легализации его статуса как доктора во Франции

Все, кто наблюдал или изучал деятельность Филиппа, признавали, что он обладал сверхъестественным даром врачевания и ясновидения. Даже некоторые профессора медицинского факультета в Лионе подтверждали, что у него была великая сила внушения.

Существует легенда о том, как однажды во время мессы в лионском соборе священник в своей проповеди говорил, что не следует воспринимать чудеса, описанные в Библии, в буквальном смысле. По окончании



Николай и Александра Романовы

мессы Филипп подошел к священнику и сказал, что тот ошибается. В ответ священник воскликнул: «*Пусть молния ударит в эту церковь, если я поверю этому!*» Тогда Филипп посмотрел ему в глаза, сделал определенный жест, и в тот же миг сверкнула молния, и раздался оглушительный гром. Так, по крайней мере, рассказывали присутствовавшие при этом знатные особы из России.

Во время первого визита императорской четы во Францию в 1896 году Папюс от имени оккультистов направил Николаю II приветствие, в котором, в частности, говорилось: «*Так как Ваше Величество правит Империей, наиболее религиозной и наиболее близкой к Голосам Провидения, мы позволяем себе приветствовать Вас при Вашем прибытии на французскую землю… Да благоволит Ваше Величество принять с благосклонностью наше приветствие и обессмертить свою Империю полным единством с Провидением*». На это письмо Папюс получил ответ от российского посла в Париже барона А.П. Моренгейма следующего содержания: «Их Императорские Величества были очень тронуты выражением приветствия

Филипп Антельм Лизье

г-на Жерара Анкосс по случаю их прибытия».

В это время в Петербурге уже существовала мартинистская ложа под названием «Апполоний», и Папюс зимой 1900 года отправился в Россию читать лекции по оккультизму. Этими лекциями весьма заинтересовались великие князья Николай Николаевич-младший и Петр Николаевич, а также и великие княгини сестры Милица и Анастасия Николаевны.

Придется дать пояснение, так как количество родственников в династии Романовых возросло до угрожающих государственному бюджету размеров, в их родословной легко запутаться, тем более, что многие из них имели имена Николай, или, в качестве разнообразия, — Александр.

Итак, братья Николай Николаевич-младший и Петр Николаевич были сыновьями Николая Николаевича-старшего, который, в свою очередь, был сыном императора Николая I. Николай Николаевич-младший увлекался спиритизмом и столоверчением и, как свидетельствует в своих «Воспоминаниях» граф Сергей Юльевич Витте, уверял его, что царь Николай II не человек, а «нечто большее, нечто среднее между человеком и Богом».

Милица и Анастасия были дочерьми еще одного Николая — Черногорского короля Николы I. Петр Николаевич был женат на Милице Николаевне, а Николай Николаевич-младший — на Анастасии Николаевне. Таким образом, обе сестры стали русскими великими княгинями.

Летом 1901 года проживавшие на юге Франции Петр Николаевич и Мелица и Анастасия Николаевны, прослышав о необыкновенных способностях Филиппа, пригласили его в Канны, где и состоялось их первое знакомство. Впоследствии Петр Николаевич и Милица Николаевна не раз приезжали в Лион, познакомились со всей семьей Филиппа. Там же бывала и Анастасия Николаевна.

С.Ю. Витте вспоминал: «С этим Филиппом познакомилась за границею жена великого князя Петра Николаевича, черногорка №1, или жена принца Лейхтенберского, черногорка №2 (принц — ее первый муж). Ох, уж эти…черногорки, натворили они бед России. Чтобы рассказать, какие пакости они натворили, нужно написать целую историю; не добром помянут русские люди их память…» И далее: «Итак, благодаря Александру III черногорки были пристроены за второстепенных великих князей, и этим при Александре III все бы и кончилось, но вступает на престол Николай II и женится на дормштадской принцессе Alix».

В Царском Селе делались попытки повлиять на императора и убедить его выдворить Филиппа из России. Начальник тайной полиции Рачковский даже подготовил доклад, в котором целитель был обрисован не самым лучшим образом. Император бросил этот доклад в камин, а сам Рачковский впал после этого в немилость

До этого события Алиса уже приезжала в Петербург в качестве невесты и будущей супруги наследника, но царской семье она не понравилась и была отклонена. Но когда

Александр III внезапно заболел, он решил скорее женить сына и послал его в Дармштадт сделать предложение, так как раздумывать и выбирать было некогда.

Осенью 1901 года императорская чета находилась со своим вторым визитом во Франции и там, в замке Компьень, по инициативе Милицы Николаевны, 20 сентября состоялась встреча царя с Филиппом. Вот что записал в своем дневнике посол Франции в России Морис Палеолог со слов И.Ф. Манусевича-Мануйлова. «Встреча произошла в сентябре 1901 г. во время путешествия русских царя и царицы во Францию. Мануйлов тогда служил в Охранном отделении, в миссии в Париже, под начальством знаменитого П.И. Рачковского. Великая княгиня Милица известила Филиппа, что царь и царица будут рады поговорить с ним в Компьене. Он прибыл туда 20-го сентября. Мануйлов был уполномочен принять его при входе во дворец и предварительно поговорить с ним, перед тем как провести его в царские комнаты. «Я увидел, как вошел, — рассказывал он мне, — толстый человек с большими усами, одетый в черное, скромного и серьезного вида, похожий на учителя в воскресный день. В этом человеке не было ничего примечательного, кроме его голубых глаз, полузакрытых тяжелыми веками, но которые иногда вспыхивали и светились странной мягкостью. У него на шее был небольшой треугольный платок из черного шелка. Я его спросил, что это такое? Он таинственно извинился, сказав, что не может на это ответить. Позднее я всегда видел этот амулет на его груди».

Перед своим отъездом во Францию Филипп вновь предсказал императрице, что она будет иметь сына. На этот раз обещание сбылось: в июле 1904 года царица родила наследника. Это сбывшееся пророчество так повлияло на нее, что она до конца своих дней почитала Филиппа из Лиона за святого

Беседа была очень продолжительной, и Филипп произвел сильное впечатление на царя и, особенно, на царицу. Он получил приглашение приехать в Россию с обещанием, что будет принят при дворе. Более того, царственная чета выразила готовность помочь ему в легализации его статуса как доктора во Франции. Это благожелательное от-

ношение высоких гостей получило характер дипломатического инцидента, в котором мог пострадать министр иностранных дел Франции Делькассе. Вот что записал по этому поводу в своем дневнике от 1 ноября 1901 г. А. Комбарьен, один из ближайших сотрудников президента Франции Эмиля Лубе: «Сегодня утром Делькассе беседовал с президентом по делу Филиппа. Этот печальный персонаж является французским врачом или называющим себя таковым, занимающим должность при дворе императора Николая. У него нет никакого другого патента на занятия медициной, кроме американского диплома. Посему он хотел бы, чтобы этот патент, не имеющий ценности, был превращен во французский диплом. Законы и регламенты сему препятствуют. Делькассе настаивает..., так как в Компьене русский император с настойчивостью просил его оказать эту льготу Филиппу, и Делькассе, так сказать, ему это обещал. Как может быть, что Николай II проявляет такой интерес к этому псевдоврачу, который в действительности является грубым магнетизером и шарлатаном? Мы уже знаем, что император провел с ним с глазу на глаз добрую часть того вечера, которую программа празднества оставила свободной».

Существует версия, что сам государь говорил по этому поводу с министром иностранных дел Франции. По другой версии, беседа происходила между императрицей и председателем Совета министров Вальдеком Руссо.

С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» писал: «Когда одна из черногорок была в Париже, она потребовала к себе заведовавшего там нашей тайной полицией Рачковского и выразила ему желание, чтобы Филиппу разрешили практиковать и дали ему медицинский диплом. Конечно, Рачковский объяснил этой черномазой принцессе всю наивность ее вожделений, причем недостаточно почтительно выразился об этом шарлатане».

Появление Филиппа при царском дворе и его сближение с царской четой было подготовлено стараниями Милицы и Анастасии Николаевнами, Николаем Николаевичем-младшим, а также Папюсом, который вовлек царскую семью и ее окружение в занятия магнетизмом, столоверчением, вызовом духов и так далее. Можно сказать, что почва для приезда Филиппа была подготовлена, и он прибыл в Петербург поздней осенью 1901 года, вместе со своей дочерью и ее мужем доктором Лаландом. Они жили в Царском Селе в небольшом домике недалеко от дворца. Визит длился около двух месяцев и был так законспирирован, что даже близкие ко двору и к правительству лица знали о нем лишь по просачивавшимся слухам. Круг лиц, с которыми встречался Филипп, был весьма

Папюс

ограничен. Он бывал два-три раза в неделю во дворце, часто виделся с великими князьями Николаем и Петром Николаевичами и с двумя «черногорками».

Главная «миссия» Филиппа заключалась в том, чтобы своими магическими действиями и молитвами обеспечить рождение долгожданного сына, наследника престола. Вот как описывает развитие событий в своей «Книге воспоминаний» великий князь Александр Михайлович, внук Александра III. «Николай II был идеальным мужем и любящим отцом. Он хотел иметь сына. От его брака с принцессой Алисой Гессен-Дармштадской у него родились в течение семи лет четыре дочери… Однажды во дворце появился таинственный господин — доктор Филипп из Парижа. Он был представлен царской чете «черногорками» — великими княгинями Милицией и Анастасией Николаевнами. Французский посланник предостерегал русское правительство против вкрадчивого иностранца, но Царь и Царица придерживались другого мнения. Люди, которые хотят быть обманутыми, попадают впросак. Псевдонаучное красноречие д-ра Филиппа достигло цели… Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказать влияние на пол развивающегося в утробе матери младенца. Он не прописывал никаких лекарств, секрет его искусства заключался в сериях гипнотических пассов. После двух месяцев лечения он объявил, что императрица находится в ожидании ребенка. Все придворные празднества были отменены. Европейские газеты писали о приближении великого события в семье русского царя. Прошло шесть месяцев. Императрица вдруг заболела острым нервным расстройством и, несмотря на упорные протесты д-ра Филиппа, к постели больной были приглашены врачи. Они быстро и решительно поставили диагноз: они не нашли и следов беременности у Александры Федоровны».

Еще одно свидетельство об этом удручающем конфузе из дневника члена Государственного совета А.А. Половцова от 30 августа 1902 года: «Государь по интригам двух черногорок попал в руки подозрительного авантюриста француза

Филиппа, которому мы, не говоря о всяких других его проделках, обязаны постыдными приключениями императорских лжеродов. Путем гипнотизирования Филипп уверил ее (царицу), что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свиданий со своим врачами, а в середине августа призвала лейб-акушера Отто, чтобы посоветоваться о том, почему она внезапно стала худеть. Он тотчас заявил ей, что она ничуть не беременна. Объявление об этом было сделано в «Правительственном Вестнике» весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить».

Под «другими проделками» А.А. Половцов, очевидно, имел в виду то, что Филипп давал царю советы по вопросам государственного управления и принимал участие в заседаниях Совета министров. В журнале «Освобождение» №8 от 15 октября 1902 г. известный дипломат К.В. Струве писал: «Без Филиппа, говорят, не принимается никаких решений, г. Филипп дает советы по важным вопросам как семейной, так и государственной жизни. Он вызывает тень покойного императора Александра III, внушающего те или иные решения. Влияние Филиппа — неоспоримый факт, и не удивительно, что близкие ко Двору люди в большом замешательстве».

В качестве примера можно привести один совет Филиппа, о котором императрица напоминает супругу в своем письме от 14 декабря 1916 года: «Вспомни, что m-r Филипп сказал, что нельзя давать конституцию, так как это будет гибелью России и твоей, и все истинно русские говорят об этом».

В Царском Селе делались попытки повлиять на императора и убедить его выдворить Филиппа из России. По поручению Дворцового коменданта генерала П.П. Гессе начальник русской тайной полиции Рачковский, имевший хорошие связи в министерстве внутренних дел и полиции Франции, подготовил доклад, в котором целитель был обрисован не самым лучшим образом. Доклад, с большими препятствиями со стороны министра внутренних дел Д.С. Сипягина, был вручен государю. Он был очень недоволен и показал доклад Филиппу, который заявил, что, если государь верит докладу, то он тотчас вернется во Францию. На это царь ответил, что считает доклад злым измышлением, и бросил его в камин. А Гессе и, в особенности, Рачковский впали в немилость.

Великие князья Владимир и Алексей Александровичи, братья Александра III, также довольно энергично старались убедить царя об удалении Филиппа, а вдовствующая императрица Мария Федоровна говорила, что эта история «c'est un crime» (преступление). Однако никакие советы и уговоры на царя, тем более, на царицу не действовали, а лишь вызывали у них раздражение.

Великий князь Николай Николаевич (младший)

Великий князь Петр Николаевич

Перечить воле Александры Федоровны было опасно, потому что это у «экзальтированной царицы» (по выражению П.А. Столыпина) вызывало тяжелые истерические припадки, которые уравновешенный супруг не выносил.

Вот какой случай вспоминает Столыпин, но уже о другом «друге», внедрившемся в царскую семью после Филиппа: «*Я попросил царя выгнать из столицы Распутина. В ответ на это, тяжело вздохнув, Николай II ответил: «Я с Вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы*».

С.Ю. Витте дает более полную картину: «*С ее тупым эгоистическим характером и узким мировоззрением, в чаду всей роскоши русского двора, довольно естественно, что она впала всеми фибрами своего "Я" в то, что я называю православным язычеством*». И далее: «*…несчастье в том, что государь безвольный… В конце концов, она забрала в руки государя. Когда государь принимал решения, которые я советовал не принимать, я несколько раз спрашивал его величество, кто ему это посоветовал. Государь мне иногда отвечал: "Человек, которому я, безусловно, верю". И когда я однажды позволил себе спросить, кто сей человек, то его величество мне ответил: "Моя жена"*».

Сестры черногорки — Милица и Стана

Однако царственной чете пришлось все же расстаться со своим «другом», так как скандал о мнимой беременности императрицы стал известен не только в Петербурге, но и далеко за его пределами.

Была еще одна возможная причина отъезда Филиппа. Якобы он проводил спиритический сеанс, в котором общался с духом императора Александра III, и тот посоветовал передать концессии на городские железные дороги некоему дельцу по фамилии Галинский. Во дворце столь деловой совет посчитали уж слишком большим чудом.

Между тем, несмотря на то, что обещание о появлении наследника престола с позором провалилось, Филипп с успехом решал другие вопросы своей «миссии». Военно-медицинская академия по приказу ца-

ря, переданному через военного министра А.Н. Куропаткина, присудила ему звание доктора медицины и назначила его инспектором по военно-санитарной части. Одновременно он получил чин действительного статского советника. Филипп оказался человеком вполне практичным, и, получив указанные назначения, отправился к военному портному и заказал себе военно-медицинский мундир.

Перед своим отъездом он вновь предсказал императрице, что у нее будет сын. На этот раз обещание сбылось: в июле 1904 г. царица родила наследника. Это сбывшееся пророчество так повлияло на царицу, что она до конца своих дней почитала Филиппа из Лиона за святого. Однако рожденному наследнику так и не суждено было стать императором.

Вернувшись на родину, Филипп с прежним успехом возобновил прием пациентов, недостатка в которых не было. Но последствия его пребывания в России были таковы, что он оказался под административным наблюдением. За ним была организована постоянная слежка полицейских агентов. Он вел оживлен-

ную переписку с Царским Селом, с германским императором, но почта приходила к нему в распечатанном виде. Против него началась газетная кампания. Все это сильно сказалось на нем, характер его изменился, он стал раздражительным, здоровье пошатнулось. К этому добавилась его личная драма: скончалась его любимая дочь Жанна Лаланд. Он, исцеливший стольких тяжелых и безнадежных больных, ничего не мог сделать для нее, так как «оккультные законы» не позволяли ему лечить собственную дочь. После этого Филипп прекратил заниматься целительством, уехал в имение своей жены и вскоре, 2 августа 1905 года, умер.

За год до своей смерти Филипп написал царю письмо, в котором предсказал падение Российской империи в следующем десятилетии, что повлечет за собой уничтожение многих христиан и всей императорской семьи. Он также предсказал поражение России в войне с Японией и революцию, но обещал, что «наследование императорской династии выведет ее (Россию) к великому процветанию и миру».

Кроме этих столь мрачных перспектив, предсказанных Филиппом царской чете, фрейлина царицы, А.А. Вырубова, в своем дневнике писала: «*…слыхала от Их Величеств, что M. Philippe предрек им, что у них появится другой друг, который будет говорить с ними о Боге*». Можно, конечно, не доверять этой не вполне надежной информации, но факт остается фактом: уже в 1904 году в Петербурге, а в 1907 году в царском дворце появился второй «друг, посланный Богом», «достойный приемник» Филиппа — Григорий Ефимович Новых, по кличке Распутин.

И это стало началом другой истории в жизни императорской четы, которая продлилась вплоть до 1916 года, когда «сибирский старец» был зверски убит. ❑

За год до своей смерти Филипп написал императору письмо, в котором предсказал падение Российской империи в следующем десятилетии, что повлечет за собой уничтожение многих христиан и всей императорской семьи. Предсказал также поражение России в войне с Японией и революцию, но обещал, что «наследование императорской династии выведет Россию к великому процветанию и миру»

Владимир Куницын

ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Опираясь на гранитный борт ладьи, возвышающейся над Волгой, я смотрела на тихую, такую неширокую здесь великую русскую реку.

Говорят прямо отсюда, с этого места Афанасий Никитин отправился в свой знаменитый турпоход за три моря. Когда это было? Сейчас известный исследователь Индии, выполненный в сером граните, стоял на постаменте, задумчиво вглядываясь в городской сад на противоположном берегу.

— Вы не скажете, как пройти в библиотеку?

Голос за спиной прозвучал явно издевательски. Обернувшись, я увидела двух молодцов, предвкушающих развлечение. Ну, да, конечно. Хотя сумеречный вечер еще нельзя было назвать ночью, но в двенадцатом часу все девушки кажутся красавицами, не говоря уже обо мне, высокой длинноногой брюнетке в бирюзовом костюме, одиноко стоящей возле памятника.

— В три часа ночи! Идиот!

Нормальные парни разыгрывали спектакль, демонстрируя интеллект, сравнимый с интеллектом постамента Афанасия, чем вызвали у меня неподдельный интерес. Кажется то, что надо.

— Скучаешь, детка? — слегка меняя тон, произнес один из них. — Пошли, прошвырнемся по набережной.

— Почему бы и нет, крупер.

Мой спокойный ответ сверх всякой меры озадачил искателя приключений. Ну, давай же, шевелись!

— Как ты меня обозвала, мартышка?!

Слава тебе господи, наконец-то! Орангутанг принимает обычный облик.

— Крутой перец, сокращенно крупер. Но, видимо, я ошиблась! Мозги у тебя вовсе не крутые…

Невнятный рык подсказал, что моего оппонента огорчил ход дискуссии, и он намерен прервать ее силовыми методами. Но сделать успел только один шаг.

— Оставьте девушку в покое!

Высокий, звенящий от волнения голос вклинился в беседу, нарушая заготовленный сценарий. Стройный юноша в белом стоял за спинами моих новых знакомых.

Вот черт! Как же тебя сюда занесло? Да вас таких, способных вступиться за девушку в одиночку против двух амбалов, на всю Тверь штуки три осталось.

— Че?!

Второй парень, практически не принимавший участия в беседе, двинулся на храбреца. По той стойке, которую тот принял, стало понятно, что сейчас ему придется туго. Нельзя было терять ни секунды!

Орангутанг, назвавший меня мартышкой, слегка повизгивая, опускался на клумбу, схватившись за печень. Слишком большая дистанция не позволяла выбирать наиболее эффективный прием. Выпустив из рук сумочку, чтобы не мешала, я, стоя на носке левой ноги, выполнила растяжку, которой позавидовала бы Алина Кабаева, и нанесла удар высоким тонким каблуком со стальной набойкой точно в копчик амбала, нависшего над моим защитником.

Картина закончившегося боя выглядела так. Один любитель вечерних знакомств ползал по клумбе, но цветочки не собирал. Другой, оглашая окрестности истошным воплем и почему-то припадая на одну ногу, костылял от памятника к дороге.

Юноша в белом с отвисшей челюстью смотрел на меня, сидящую в шпагате на утоптанной дорожке из кирпичной крошки.

Но больше всего беспокоил орущий субъект. Не дай бог, кто-нибудь в полицию позвонит. Здесь от отделения на площади Мира минуту ехать.

Я пружинистым прыжком поднялась со шпагата, а уже через несколько секунд молодой человек послушно следовал за мной через небольшой парк, раскинувшийся между улицей с гордым названием Санкт-Петербургское шоссе и набережной Волги.

Мы, пройдя по парку, вышли к Новому мосту.

— Тебе куда?

— Куда скажешь, готов следовать до самого подъезда.

В спокойной обстановке его голос звучал приятно, легким бархатистым раскатом. Свет уже включившихся фонарей позволил рассмотреть юношу. Длинные светлые вьющиеся волосы, черные, потрясающего рисунка брови. Интеллигентный овал лица. Прямой нос. Глаза рассмотреть не удалось.

— Вот как, а у подружки разрешения спросил?

— Которой из них?

Ну, надо же! Его три минуты назад чуть не покалечили, а ему хоть бы хны. Молодец!

— У последней!

— Перетопчется.

— Обо мне так же будешь послезавтра говорить? Тогда пока! — кивнула я и зашагала дальше.

— Прости, ну, прости, пожалуйста! Нет у меня никакой подружки! Правда, нет! Честное слово… — бросился он следом за мной.

Приехали. Мало того, что испортил все, что можно, теперь еще не знаешь, как от него отделаться. Врать нехорошо, но что делать.

— Если ты сейчас же пойдешь в противоположную сторону, то завтра буду в читальном зале Центральной библиотеки после обеда.

Итак, что мы имеем? Жуткий цейтнот. Плохо подготовленного агента и тучу кленгов, желающих его поймать и обезвредить. То есть, нормальную рабочую обстановку.

Земля — планета кленговская, они здесь даже на атмосферных кораблях летают. Конечно, по закону, она считается нейтральной. Когда ее примут в Большой Союз, то и нас и кленгов здесь будут терпеть только в качестве туристов. Только когда это будет?

Мы с кленгами не воюем. Так сказать, состояние «дрянного мира». Но разведслужбам обычно плевать. Есть противник, а объявлена война или нет, дело десятое. Правда, выбор средств ограничен. Если, к примеру,

устроить бластерную перестрелку в «Медисон Сквер Гардене», то обе нации так вздуют, что крякать не захочется. А вот если вражеского агента «замочить» канделябром в стиле местных традиций, никто и не почешется.

До встречи оставался час с небольшим. В половине одиннадцатого утренняя прохлада сохранилась разве что в прилавках-холодильниках, набитых мороженым. От Советской площади, в архитектуре которой почерк Растрелли просматривался невооруженным взглядом, до цирка не больше километра. Спешить нет смысла. Медленная походка и частые остановки у витрин магазинов располагали к размышлениям.

Почему бертсик хранится здесь — это понятно. Ну, спрятали бы кленги его на своей территории. Риск огромный. Мы бы все равно узнали, где именно. И все! Стукнули в Большой Совет, галактические контролеры перерыли бы все, и привет! Законы у нас не шуточные. Контрибуция разорит кленговскую экономику, как цунами приморский поселок. А здесь ни контролеров, ни санкций. Территория нейтральная — иди и бери, если что потерял.

Но все не так просто. Кленги здесь уже несколько тысяч лет. Инфраструктура, базы, развитая агентурная сеть. Когда пришли на эту планету, в открытую работали, представлялись богами и делали, что хотели. Потом, когда приняли Галактический закон о защите прав коренного населения, лафа эта кончилась, но планета все равно осталась кленговской. Наша сеть в глубоком подполье, разрозненная и чуть живая. Да и другие не лучше.

Фонтан на площади недалеко от цирка собрал много народу. Вылетающие за пределы чаши брызги воды радовали не меньше, чем шампанское в Новый год. Повеселившись вместе с публикой, еще раз проверившись, я истратила лишние минуты. Дальше нужно двигаться строго по графику, выдерживая ритм до секунды.

В кассе стояла небольшая очередь. Стоило открыть сумочку, чтобы достать кошелек, как в нее упала скрученная бумажка. Кто ее бросил — заметить не удалось. Да и не хотелось. Здесь только супер-профессионалы работают. Своим любопытством помочь им не смогу, а вот навредить, что два байта переслать.

Очередь к окошечку двигалась быстро. Два билета на вечернее представление заняли место в сумочке. В очередной раз хлопнула дверь, и в небольшое помещение кассы вошел… Неужели можно так дешево проколоться!!!

Мой вчерашний рыцарь, пристроившись в конец очереди, внимательно изучал над окошечком информацию о начале представлений.

«Кленг», — мелькнуло в голове.

Любой агент, дойдя до высокого уровня, если дойдет, конечно, рано или поздно задумывается о провале. Накапливается количество острых ситуаций, а, оказавшись несколько раз на грани раскрытия, он начинает понимать, что провал может случиться не только с другими.

Именно умение жить, а, главное, хорошо работать под дамокловым мечом, и есть одна из основных составляющих высококлассного агента. Умение спать и высыпаться, когда во всех подробностях красочно снится собственный провал, умение хладнокровно и точно просчитывать варианты, когда леденящий душу страх пытается лишить возможности соображать, а вся твоя суть кричит, вопит, орет лишь одно — беги, беги, беги!!

Сначала лихорадочно, затем, постепенно успокаиваясь, я просчитывала варианты. Картина вырисовывалась мрачнее, чем черный квадрат Малевича. Оружия, ни земного, ни, тем более, внеземного не было. Вообще ничего, что позволило бы усомниться в моей принадлежности к расе землян. Выход один — через дверь, та как на окнах были решетки. Точка встречи назначалась в тупике, против всех законов и правил. Хотя, как знать. Не один агент провалился только потому, что строго следовал инструкциям и правилам. Кроме того, в сумочке лежало, хотя и в зашифрованном виде, описание почтового ящика с подробными инструкциями. Именно его суматошно искала рука в сумочке.

Это может показаться странным, но преследователь совершенно не среагировал, когда бумажка отправилась в рот. Мало того, даже показалось, что он меня до сих пор не заметил. Глупости! Проскользнуть незаметно или свалить его и бежать — напрасные хлопоты. Выйти одной — то же самое, что отдать приказ на свое задержание или убийство. Сама показала, как умею драться. За дверью ждут не три, и не пять кленгов. Местность незнакомая, только по описанию знаю. Значит, надо выходить вместе с ним!

Отклеившись от стенки и стараясь стать незаметнее, я шагнула вперед, прямо к парню, чувствуя, как хладнокровный азарт заполняет грудь. Девятое или даже двадцать седьмое чувство подсказывало, что здесь какая-то логическая нестыковка. Но времени для анализа уже не осталось.

Он заметил меня, и сразу же на лице, сменяя друг друга, отразились изумление, радость, смущение, снова изумление.

— Что ты здесь делаешь?

Сказанная фраза не важна. Главное следить за глазами. Он должен, просто обязан бросить взгляд на напарников! Но нет. Профессионал с большой буквы. Как играет! Какое смущение в глазах!

Чтобы не потерять инициативу, я взяла его за локоть и потихоньку повернула в сторону двери. Бедро коснулось опущенной кисти, грудь довольно ощутимо скользнула по локтю. Это не мелочи! Задействовать нужно все.

Наконец парень повернулся к двери и согнул руку в локте. Отлично! Девушка всегда за спиной у мужчины, когда держится за его локоть.

Мы вышли на улицу. Внимание было на пределе, но не удавалось засечь ни одного из агентов, ведущих нас. Но самое главное, идущий рядом мужчина не идентифицировался как кленг! Конечно, меня натаскивали по полной программе, инструктор по структуропсихологии много рассказывал о новых технологиях маскировки, но чтобы в упор кленга от землянина не отличить — это уже перебор. Опять что-то неясно мелькнуло в голове, но не до размышлений, все силы уходили на выполнение задуманного плана.

— Как тебя зовут, защитник слабых женщин? — игриво спросила я.

— Кирилл. А кто здесь слабая женщина?

— Ну, видимо, та, за которую ты бросился заступаться, рискуя остаться без головы.

— Извини, в темноте не разглядел твой мощный торс и накаченные бицепсы. Надеюсь, ошибка не лишит меня права узнать твое имя?

— Аня.

— Люблю короткие имена.

Мы уже практически подошли к мосту через Тьмаку, когда, наконец, удалось засечь одного агента. Он стоял около ларька с мороженым, и, неторопливо доставая монеты из кошелька, выкладывал их на прилавок, постоянно пересчитывая.

— Мороженого хочется…

— Сейчас!

Кирилл осторожно снял мою руку с локтя. Повернувшись спиной, сделал шаг к ларьку. Да они что? За идиотку меня держать вздумали?! Кажется, ребята, вы заигрались!

Мост стремительно рванулся навстречу. Мимо тротуара, вниз, к реке! Ноги только раз шлепнули по воде, и тело легко, без всплеска ушло под воду.

Не нужно иметь отточенную фантазию, чтобы представить события наверху. Разделившись на четыре группы, кленги растягивались по берегам в обе стороны от моста. Однако в воду никто не прыгал, было бы слышно.

Из подсознания, активированная в секунды опасности, всплыла и встала перед мысленным взором точная лоция городской речушки Тьмаки. Чего нам только не засовывают на подкорку перед операцией! Если выберусь, приду к Карлидосу, и буду целовать подошвы его ботинок! Что можно сделать в мутной темной воде, если бы мозг агента не набивался по принципу — информация лишней не бывает?

Под водой я смогла продержаться семь минут. Это хорошо, что только второй день сегодня. Завтра больше пяти не смогу. Голова высунулась из-под воды точно под мостом около стадиона, но только на пять секунд, чтобы глотнуть вдоволь свежего воздуха. И снова под воду, по мысленно проложенному фарватеру по центру реки, к устью, туда, где Тьмака впадает в Волгу.

Выйдя из воды, я медленно направилась к троллейбусной остановке. Троллейбус довез меня до лесного массива за Горбатым мостом, где находился персональный тайник.

Где же я провалилась? Да нигде! Ничего не успела сделать, как появился этот Кирилл. Значит, меня сдали местные ребята. Но почему, если кленги ждали, то не взяли сразу? Хотели выявить местную сеть? Какую? Ту, что меня сдала?

Вопросы бегали по кругу, а единственный ответ звучал так — совершенно не понятно, что произошло!

И что теперь делать? У меня три дня. Ну, четыре. В самом крайнем случае, пять. Это издержки наших способностей. Кленги так вообще не могут, а мы можем, но не очень долго.

Структура строения тела любого разумного существа одинакова — две руки, две ноги, голова, туловище. Другого пока не обнаружено, да и не будет, теперь это все поняли. Но отличий, даже по внешнему виду, более чем достаточно.

Наша способность изменять свое тело не является уникальной. Те же земляне с помощью шейпинга, тренажерных залов, пластических хирургов меняют тело до неузнаваемости, а потом живут с этим долгие годы. У нас все проще. И сложнее. С помощью специальной аппаратуры мы можем создавать тела неотличимо похожие на человека, кленга и еще кого угодно. Все делается за неделю. Вещь дорогая, но разведслужбе по карману. Полученное тело называют «жидким», уж не знаю, кому первому пришла в голову мысль так его назвать. Сразу после изготовления тело начинает «твердеть», то есть, стремительно приобретать присущие ему от природы свойства. Например, в первый день после трансформации я могу перепрыгнуть пятиметровый забор, а вот на пятый — выше двух с половиной уже никак.

Пять дней — предельный срок для беспроблемного возврата тела в исходное состояние. Мне один раз приходилось совершать обратную трансформацию на шестой день. Две недели постельного режима и куча неприятных ощущений. Тем, кто возвращается на седьмой, обеспечена полугодовая реанимация. А после этого уже ничего изменить нельзя.

Кленги ничего этого не могут, но они — мастера маскировки. Подтяжка кожи, силикон попали к землянам от них. Но все равно опытным взглядом отличить кленга от землянина не трудно. По крайней мере, так я считала раньше. За

что и поплатилась. То ли уровень маскировки вырос, то ли глаз зоркость потерял.

Мысль, внезапно всплывшая из тех глубин мозга, что упорно пытались найти логику произошедших событий, потрясла. Неужели?!..

Первокурснику разведакадемии ясно, что, если дважды во время активных действий появляется один и тот же тип, то агент уже провален, и лучшее, что он может сделать, это застрелиться, чтобы не подвести других. Или уйти, если возможно. Но сейчас единственным объяснением, которое логически стыковало все, могло быть только то, что в обоих местах Кирилл появился случайно! Мне дали съесть бумажку потому, что никто не видел контакт с местным агентом. Уйти удалось потому, что за мной никто не гнался. Кирилл сорвал вербовку двух бугаев потому, что случайно оказался там!

В это невозможно поверить, но есть способ проверить.

Он сидел за столом в читальном зале над раскрытой книгой, но вряд ли прочитал хоть строчку. Смотрел в окно, следил за нахальной мухой, но чаще, слегка приподнимаясь на стуле, оглядывал зал, уделяя особое внимание входящим. Взгляд скользнул по мне и побежал дальше, не задержавшись даже на секунду. Парик, очки, вставки, изменившие форму носа, стягивающая грудь лента, подкладка, увеличивающая талию — не бог весть какая маскировка. Любой кленг раскусил бы меня раньше, чем успела бы икнуть. Но главное не в этом. Если он охотник, то ловил бы меня в любом месте, только не здесь. Просто он был землянином. Кириллом.

Мраморная лестница, спускающаяся со второго этажа в холл у выхода, высокая массивная двухстворчатая дверь, городской сад, металлический Александр Сергеевич в цилиндре, небрежно прислонившийся к чугунным перилам. Глаза механически отмечали пройденный путь, а в голове сидела одна мысль — что же я натворила!

Где бертсик? Неизвестно. Где почтовый ящик с инструкциями? Неизвестно. Описание съедено. Где искать выходы на местную сеть? Неизвестно. Контакт только через три дня, мне просто помогут уйти отсюда. А что известно? Ну, во-первых, что бертсик здесь, в Твери. Во-вторых, меня никто не сдал, и вряд ли кленги ищут брюнетку неземной, в прямом смысле слова, красоты. В-третьих, теперь можно воспользоваться искателем, а значит, засечь бертсик с расстояния не менее пятидесяти метров. Ну, и самое главное — известно, кто будет посмешищем всей разведслужбы на ближайшее десятилетие.

Нормальный агент в такой ситуации должен лечь в тину, сняв номер в какой-нибудь гостинице, и просидеть там три дня, не высовывая носа, пока

не настанет время возвращаться. Мне не позволял характер. Благодаря ему и умению бороться до конца четыре раза погибали кленги, уверенные, что в этот раз непременно убьют меня.

Искатель в корпусе сотового телефона, подвешенный на шею длинным шнурком, занял место на груди. Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать…

В старом-престаром манускрипте написано: чтобы собрать Большой блунг, нужно сложить определенным образом все девяносто девять бертсиков. На старой площади в Катарице, нашей столице. Далее было сказано, что мы получим знания, достойные Великой нации.

Галактический суд признал нас законными владельцами Большого блунга и всех его составляющих на основании двух аргументов — манускрипта и излучения. В Катарице бертсики не излучают ничего. За пределами — совсем чуть-чуть. Если покидают территорию, принадлежащую нам еще полмиллиона лет назад, сигнал увеличивается в десятки раз и становится легко обнаружим портативными искателями на небольшом расстоянии. На территориях, традиционно принадлежащих недружественным нациям, сигнал можно засечь за километры. Удивительное дело, но прятать, экранировать бесполезно, только сигнал возрастает. Как-то давным-давно, еще до решения суда, бертсик, зарытый на глубине восьмисот метров, обнаружили за сто двадцать километров. Разумеется, никто внятно объяснить этого явления не мог. Да и не старался. Старинные артефакты — вещь в себе, с научными законами считаться не желают.

После того как бертсики по закону стали нашими, дружественные и не очень нации начали их возвращать. Всего набралось семьдесят восемь. Остальные пропали. Уничтожить их не

могли. Известен случай, когда бертсик направили в звезду. И ничего, пролетел, как ни в чем не бывало. За семь лет мы потеряли двадцать шесть агентов, нашли десять артефактов, все, разумеется, на нейтральных территориях. Четыре из десяти на моем счету, но это вряд ли поможет при разборе персонального дела. Скорее всего, отстранят от операций, полгода психологической реабилитации, а потом тихая работа при штабе. Но пока еще есть несколько дней. И все они мои!

Простой план — всегда самый страшный для противника. Потому что он легок в исполнении. Мой предполагал наличие пары накаченных придурков. При первом знакомстве, на единственно доступном им языке, собиралась объяснить, что самое страшное в жизни случится, когда они подумают, что меня можно ослушаться. Один должен был пойти напрямую и взять бертсик, второй, с искателем, однозначно доказывающим национальную принадлежность качка, изображать наблюдателя. Я же хотела посмотреть, как работает охрана кленгов, чтобы найти наиболее слабое место. План простой, как устройство рогатки, но эффективный донельзя. А теперь неизвестно, где бертсик, и придурки пока не нужны, необходим другой человек. И, кажется, я знаю, где его найти.

Кирилл стоял у входа в цирк с грустным выражением лица.

— Так, где же мороженое?

Мой голос за спиной заставил его вздрогнуть. Он обернулся с выражением лица Архимеда, только что выскочившего из ванны. Растерянность, радость, изумление — все одновременно. Где-то я это уже видела.

— Куда же ты исчезла?

Самое время сказать чистую правду.

— Показалось, что меня преследуют инопланетяне! Пришлось срочно «делать ноги».

— Оторвалась от преследования?

— Легко.

Парень обретал уверенность. Теперь следовало отвлечься от ненужной темы.

— Так что там с мороженым?

— Пойдем покупать вместе. Вдруг ты опять исчезнешь?

— Не исчезну.

Мы уже перешли площадь, когда он вдруг вспомнил:

— Ты же собиралась в цирк?!

— Передумала. Ты возражаешь?

— Нет, что ты!

Найти место, где можно поесть мороженое, оказалось большой проблемой. Наконец нам повезло на улице с красивым названием — Вольный Новгород. Кафе «Сказка» — необычайно дорогое по местным понятиям, может, потому здесь и были свободные столики.

— Аня, ты только не обижайся, но сама видела, мы прошли больше десяти кафе, но нигде не смогли найти место.

— А на что обижаться? Отличное кафе, мне нравится. Или ты знаешь варианты получше и пытаешься их от меня скрыть?

— Да нет! Просто… На прошлой неделе мы здесь праздновали серебряный юбилей знакомства моих родителей.

— Серебряную свадьбу?

— Нет, юбилей знакомства. Это было первое кафе, куда отец привел мою маму.

— Вот как? И ты теперь всех девушек сюда водишь?

— Ага. Ты первая.

Наконец-то, впервые за несколько встреч, удалось рассмотреть его глаза. Серые, почти стальные. Сероглазый блондин с удивительно красивым рисунком черных бровей. Честное слово, мне потом даже жалко немного будет. Как они здесь говорят — просто работа, ничего личного.

— Ты местная?

— Нет, к тетке приехала. — Я тут же сменила опасную тему: — Кирилл, жители Земли как называются?

— Земляне.

— А жительницы? Землянки или земляники?

Как он смеялся! Потом перегнулся ко мне через стол и тихонечко проговорил:

— Такие, как ты, несомненно, земляники. Спелые и сочные. А вот такие… — покосился он в сторону приземистой буфетчицы с унылым выражением лица, — конечно, землянки.

Теперь наступил мой черед смеяться.

— Ты сюда еще приедешь? — вдруг тихо спросил Кирилл.

— Пока не знаю, — неопределенно ответила я.

После кафе мы гуляли, Кирилл показывал город. Он не замечал, что маршрут корректируется мною. Мы прошли мимо музея тверского быта, картинной галереи, музея Салтыкова-Щедрина, наиболее вероятных мест хранения артефакта. Открытых, значит, малофонящих, лежащих на виду, то есть, лучше всего спрятанных. Кто же сегодня в музеи ходит?

Поиск оказался безуспешным, но еще было много мест, где нужно пройтись с искателем. Мы опять перешли Волгу, на этот раз по Старому мосту. Кирилл рассказывал про то, как хакеры взламывают сайты. Причем делал это на языке гуманитария, полагая, что мне так легче будет вникнуть.

— Тут главное, правильный подход найти. Помнишь, дед бил, бил, не разбил. Баба била, била, не разбила. А мышка… Что мышка?

Он повернулся ко мне, ожидая ответа. Ответа не было. В голове ни одной мысли о мышках. Стоп! Мышками они называют шариковый манипулятор. Нет! Здесь что-то не то. О какой же мышке идет речь?

— Ну, — с легким недоумением посмотрел на меня Кирилл и добавил: — Курочка Ряба.

Про курочку тоже ничего не слышала. Лихорадочный поиск по всем закоулкам памяти. Ничего.

— Аня, тебе не интересно?

— Да нет, почему же?

Но голос звучал равнодушно. Надо срочно уходить с темы.

Некоторое время мы шли молча. Он наконец-то догадался обнять меня. Чуть вздрагивающая от волнения рука легла на талию. Пальцы коснулись открытой кожи, и слышно было, как у Кирилла перехватило дыхание. Ни помогать, ни мешать я ему не собиралась, пусть все делает сам. Просто шла, не меняя темпа, как бы не замечая его робкой попытки. До дома, где находится квартира, якобы принадлежащая моей тете, еще метров двести. Пусть пока освоится.

Мы неторопливо и по-прежнему молча добрались до подъезда. Время закончилось, и ему пришлось делать решительный шаг. Однако моя рука уперлась в грудь, губы отстранились, и он неловко чмокнул меня в щеку возле уха. Было смешно, и я не смогла удержаться от смеха. Он, кажется, немного обиделся.

— До завтра, Кирилл.

Чтобы смягчить обиду, моя рука скользнула по светлым волосам, затем палец слегка коснулся губ. Он попытался удержать руку, но где ему до моей реакции.

Уже на лестнице пришла мысль, что нет моей вины в обиде Кирилла. Кто виноват, что на этой планете такая тактика женского поведения самая эффективная?

Путевой дворец Екатерины строил русский зодчий Матвей Казаков. В переходном стиле — от барокко к классицизму. Изящная отделка фасадов, строгие пропорции, приземистый нижний этаж в сочетании с высоким воздушным вторым. Но самое привлекательное во дворце было то, что искатель однозначно показал — бертсик здесь.

Последнее достижение лаборатории оснащения — обычная муха. Она полетала часа полтора по залам дворца и вернулась ко мне, отдыхающей на лавочке в городском саду. С системой прикрытия артефакта стало все ясно.

Кирилл уже ждал меня.

— Анька, не понимаю, что делать в этом скучном музее. Смотри, какая погода! Давай лучше погуляем, — недовольно проговорил он.

— Кирилл, всего пару часиков. Картины посмотришь. Там Репин, Шишкин, Айвазовский.

— Ладно, пошли.

В холле Путевого дворца было сумрачно и прохладно. Поправляя прическу у зеркала, еще раз прокрутила в голове порядок действий. Через пять минут все будет кончено.

— Иди наверх, сейчас подойду, — сказала я, протягивая Кириллу пакет, и сделала шаг в сторону дамской комнаты.

— Может, лучше здесь тебя подожду?

— Может, лучше там? — кивнула я в сторону туалета. — У нас теперь дама и в туалет сходить не может, отпустив руку рыцаря?

Фраза точно рассчитана, теперь он доставит содержимое пакета в нужное время, в нужное место.

Мне необходимо тридцать секунд, чтобы поставить защитные пленки на глаза и фильтры

в ноздри. Дверь закрылась. Через две минуты бертсик будет у меня в руках, вечером он отправится домой, утром завтрашнего дня я перестану быть земной женщиной, и будет совершенно все равно, что произойдет на этой планете с парнем по имени Кирилл.

Массивная старинная дверь туалета чуть не слетела с петель. Ноги несли меня в полтора раза быстрее, чем чемпионку последней Олимпиады на финише стометровки. Первый пролет белой мраморной лестницы был преодолен в один прыжок, второй в два. Руки поймали Кирилла всего в метре от той черты, за которой начиналась активация содержимого пакета…

Он тащился за мной вниз по лестнице, через холл на улицу, ошарашенный, ничего не понимая. Меня била крупная дрожь. Мысли неслись со скоростью реактивного самолета. Милый мой, да я же чуть не угробила тебя! Прости, прости! Никогда больше не сделаю так! Никогда!! Только уйди сейчас! Уйди, милый мой, пока не всполошились кленги, пока не случилось беды!

Язык нес чушь несусветную. Глупую, незаслуженную, злую. Наконец он обиделся, повернулся и ушел. Мои ноги сами зашагали в другую сторону — мимо Дома офицеров, драмтеатра, на площадь к фонтану. А внутри, не успокаиваясь, бушевал ураган неизведанных мною ранее чувств…

Простой план сорвался и был заменен на очень простой. Правда, за него грозили серьезные неприятности.

За пятнадцать минут до закрытия музея запрограммированный мини-бластер вынес окно на втором этаже Путевого дворца вместе с решеткой. Влетевшая петарда разорвалась с громким хлопком, заполняя все вокруг отвратительной дрянью. Муха под потолком показала мне, как четверо полицейских рванулись к стенду с неприметными железяками позапрошлого века, не обращая внимания на картины великих мастеров живописи. Плотной группой они стремительно двигались к выходу, отодвинув по дороге музейного служащего в униформе, который сразу юркнул в неприметную дверь.

Здесь этого хитрого кленга ждали мои быстрые руки. Он даже не успел увидеть меня, и это спасло ему жизнь.

Через минуту можно было считать, что кленги лишились артефакта навсегда. Поднятая по тревоге многочисленная орава была бессильна. В руках коренных уроженцев Катарицы бертсики не фонят.

Электричка на Москву ранним субботним утром была набита до отказа. Более спокойное место для беседы со специально прибывшим резидентом трудно придумать.

— Тебе сильно повезло. Мы никогда не работали так грубо. Кленги не могли ожидать такого. Наши, честно говоря, тоже. Повреждены картины

Шишкина и Айвазовского. Архитектурному памятнику нанесен серьезный ущерб. Дома тебя ждут неприятности. Даже пять добытых артефактов вряд ли смогут уберечь от них.

Мои брови удивленно изогнулись. Раз он знает так много, то существенно старше меня в звании.

— Ничего меня не ждет.

Карие глаза резидента смотрели проницательно.

— Пункт один?

— Да.

Мы действительно Великая нация, достойная знаний Большого блунга. Только в нашей Конституции первым пунктом написано: «Главным достоянием нации является личное счастье ее граждан. Государственные интересы не могут стоять на пути личного счастья».

Пальцы набрали знакомый номер на кнопках сотового телефона.

— Да, Аня! — Голос сухой, настороженный, холодный.

— Прости меня!

И сразу все потеплело.

— Ничего, девочка, бывает…

— Нет, не бывает! Ну… не будет. Больше никогда ты не услышишь от меня такого, обещаю!

— Ты сможешь повторить все это при встрече? — Голос улыбался, лучился счастьем.

— Да, вечером.

Телефон вернулся в сумочку. Резидент задумчиво смотрел в окно, потом спросил:

— Чем заниматься собираешься?

— Думаю, пойти работать в библиотеку. Так много надо узнать про обычаи этой планеты. В первую очередь, местную легенду про курочку Рябу… ❑

Ирина Опимах

Рафаэль

«Снятие с креста»

В 1504 году юный (ему всего 21 год), но уже довольно известный Рафаэль получил приглашение посетить Перуджу. «Для важного разговора», — так было сказано в письме. Приглашала художника некая Леандра Маддалена Одди. Рафаэлю это имя ничего не говорило, но его приятель, ювелир Флориди, оказывается, слышал об истории донны Леандры. Представительница могущественного перуджинского рода Бальони, она позволила себе влюбиться в красавца Симоне из враждебного Бальони клана Одди и более того — даже тайно обвенчалась с ним! Простить ей такую дерзость сородичи не смогли. Бедного Симоне казнили, а Леандру с позором изгнали из Перуджи. Похоже, история веронцев Ромео и Джульеттой была в те времена не редким сюжетом. И вот теперь, спустя два года, Леандре было дозволено вернуться в родной город и — унаследовать состояние казненного мужа. Память о любимом жила в сердце молодой вдовы, и она захотела украсить фамильную капеллу-усыпальницу в церкви Сан-Франческо аль Прато картиной, в которой будет запечатлен образ ее супруга, для этого и позвала в Перуджу Рафаэля. Возможно, думала несчастная женщина, ее дядя Гвидо, грозный глава семейства Бальони, виновный в ее несчастьях, раскается в содеянном, глядя на картину. Ну, конечно, если в его душе осталось хоть чуть-чуть христианского чувства...

Рафаэль. Автопортрет

Рафаэль с пониманием отнесся к просьбе молодой, и, кстати, очень хорошенькой вдовы. Конечно, он выполнит ее просьбу и постарается сделать это так, чтобы память о ее любви, боль потери возлюбленного Симоне пронзала сердца всех, кто увидит картину.

Художник попросил показать ему капеллу Бальони, и донна Леандра повела его в церковь. Сан-Франческо аль Прато, грандиозный готический храм XII века, поразил Рафаэля строгостью линий, какой-то суровой красотой. Тут-то и хоронили своих мертвецов владыки Перуджи. Вот придел Одди, а напротив — их заклятых врагов Бальони. Они и после смерти были рядом…

«Алтарь Одди», или «Коронование Девы Марии»

Условия договора были вполне приемлемы, задача увлекала Рафаэля, да и заказчица ему очень понравилась, а потому он уезжал из Перуджи в приподнятом настроении. Ему нужно было закончить некие дела в Читтади Кастелло, а потом он обязательно вернется в Перуджу, город Перуджино, где ему предстояло показать, что, если он еще и не превзошел своего учителя, во всяком случае, способен работать не хуже его.

И через четыре месяца Рафаэль создал свой первый шедевр — «Венчание Девы Марии», называемый ныне «полиптихом Одди» (в него

«Благовещение»

«Поклонение волхвов»

«Обрезание во храме»

вошли три небольшие композиции «Благовещение», «Поклонение волхвов» и «Обрезание во храме») и хранящийся в Ватикане. И конечно же, в Деве Марии легко можно было узнать прелестную донну Леандру, а в одном из апостолов — ее казненного мужа.

На освящение картины в храме собралась почти вся Перуджа. Рядом оказались представители враждующих кланов — отцы семейств Одди и Бальони. И тут случилось чудо — высокое искусство Рафаэля умиротворило их души. В атмосфере добра и красоты люди становятся лучше и чище. Правда, как показывает жизнь, не надолго…

Ну а донна Леандра была в восторге. Рассказывают, что она не только заплатила художнику немалую сумму, но и подарила восхитительные ночи любви…

Успех, любовь — неудивительно, что Рафаэль решил остаться на некоторое время в Перудже. Местные жители с удовольствием заказывали молодому, талантливому и такому красивому художнику портреты и более сложные сюжеты.

Назвать жизнь в этом городе спокойной было нельзя — тут кипели страсти, врага при удобном случае убивали, не задумываясь ни на секунду, кинжал и яд были практически в любом доме.

И вскоре Рафаэлю пришлось стать очевидцем страшной трагедии, потрясшей город.

В Перуджу в сопровождении огромной свиты прибыла красавица римлянка Лавиния Колонна — ей предстояло стать супругой Асторре Бальони, сына всесильного Гвидо Бальони, того самого Гвидо, виновника несчастий подруги Рафаэля, прекрасной донны Леандры. Тщеславный Бальони изо всех сил старался показать новым римским родственникам свое богатство и могущество, а потому свадебные торжества отличались невероятной пышностью и роскошью. В них участвовала почти половина перуджинцев. Город украсили разноцветными гирляндами, арками из живых цветов, с балконов вывесили золототканые ковры. На площадях установили столы, ломившиеся от самых разных яств, вино лилось рекой. Все восхищались красотой невесты, которая без устали демонстрировала все новые наряды. Районы города соревновались в пышности приемов, устраиваемых в честь жениха и невесты. Рассказывали, что особенно отличился район Сан-Пьетро — тамошние кулинары сотворили невероятные лакомства. В общем, Перуджа веселилась и ликовала, причем праздник не затихал даже ночью.

А на следующее утро после венчания… город погрузился в глубокую скорбь.

Часть клана Бальони во главе с племянником Гвидо Джан Паоло, решившим взять власть в городе в свои руки, устроила заговор против могущественного старика. Среди заговорщиков был и Грифонетто Бальони, которого убедили, что один из сыновей Гвидо — любовник его

«Алтарь Колонна»

молодой жены. Вооруженные люди с факелами окружили дворец Бальони и вошли в здание. А вскоре безмолвие ночи нарушили страшные вопли и отчаянные крики о помощи. Заговорщики ворвались в спальню молодоженов и вытащили из теплой постели обнаженного Асторре. Один из головорезов всадил в него кинжал, разрезал грудную клетку, вытащил сердце и впился в него зубами! Подобного безумия на этой земле еще не было!

Утром перуджинцы увидели страшную картину: на улицах их прекрасного города, еще украшенного праздничным убранством, валялись трупы, повсюду — лужи крови, которую лакали бродячие псы. У главного входа во дворец Бальони лежал сам Гвидо — со вспоротым животом и вывалившимися наружу

кишками. В ту страшную ночь были убиты все, кого хотели убить заговорщики, но и среди них тоже были потери — так, смертельно был ранен Грифонетто Бальони. Самое ужасное заключалось в том, что, уже умирая, он узнал, что его жену оклеветали, а его гнусно обманули. Истекая кровью, он сумел доползти до дома матери донны Аталанты, сестры Гвидо, но гордая сеньора Бальони не смогла простить сына, не захотела ему помочь, и он скончался у порога ее дома.

Глава заговора Джан Паоло, понимая, что ему грозит за его злодеяния, бежал из города. Поторопилась уехать из Перуджи и прекрасная Лавиния Колонна, чудом оставшаяся в живых. Можно представить, что творилось в душе этой гордой римлянки, потерявшей мужа в первую же брачную ночь…

В соборе Перуджи прошла панихида по всем погибшим в ту ужасную ночь. И в проповеди старого, умудренного опытом архиепископа, обращенной ко всем собравшимся в стенах храма и к тем, кто не смог прийти на службу, звучали призывы к покаянию за свои грехи, покаянию за забвение заветов Господа, за стремление к власти и мирским благам, а еще — призывы к прощению.

Потрясенный всеми этим событиями, Рафаэль решил оставить Перуджу. Но перед этим ему пришлось закончить два крупных заказа, за которые он уже получил аванс: многофигурный полиптих, позднее названный «Алтарь Колонна», и «Алтарь Ансидей». Эти работы сделали его любимым художником перуджинцев (их прежний фаворит Перуджино в это время работал во Флоренции), у него появилось много настоящих друзей и почитателей.

Донна Леандра тоже собралась покинуть Перуджу, чтобы отправиться на богомолье в францисканский собор у горы Верна на Тибре. Незадолго до своего отъезда она познакомила Рафаэля со своей теткой Аталантой Бальони. Донна Аталанта пребывала в глубоком горе — в страшной бойне, устроенной безумным Джаном Паоло, она потеряла своего сына Грифонетто, названного в честь ее мужа Грифоне, который тоже погиб в междоусобной резьбе — это случилось несколько лет назад. Донна Аталанта несла свое горе с достоинством и невероятным мужеством, с христианским смирением принимая испытания, посланные ей Господом. Как и у семейства Одди, у нее был придел в храме Сан-Франческо аль Прато, и, как и Леандре, ей хотелось увековечить память ее любимых — погибших мужа и сына. Рафаэль не мог не откликнуться на ее просьбу — создать картину, посвященную Грифоне и Грифонетто Бальони, и обещал подумать над композицией.

Следующие годы Рафаэль провел в основном во Флоренции — колыбели Возрождения. Это был невероятно важный для него период — ведь он жил рядом с величайшими мастерами той грандиозной эпохи, общал-

ся с Боттичелли, Микеланджело и Леонардо, видел, как они работают. Влияние Флоренции, ее великих художников, было невероятно сильным и, несомненно, сказалось на его творчестве. Он как губка впитывал их находки, их методы, с восторгом наблюдал их преданность искусству. Но, надо сказать, и на фоне великих блеск таланта молодого Рафаэля отнюдь не терялся.

В 1507 году художник вспомнил об обещании, данном донне Аталанте Бальони, и вскоре снова оказался в Перудже. Нашел мастерскую и уже вплотную приступил к заказу.

Наконец работа над картиной была завершена. Действие происходит в жаркий летний день. На заднем плане угадываются стены и башни замка Антоньола, фамильного замка семейства Баньоли, и дорога из Перуджи в городок Умбертиде, а справа — Голгофа с тремя высокими крестами, к одному из которых прислонена лестница, а рядом — две человеческие фигуры. Итак, все уже свершилось, тело Христа только что сняли с креста. Его несут трое мужчин. Первый удивительным образом похож на самого мертвого Христа, и его взор также устремлен в Небеса — наверное, это сходство сделано Рафаэлем, дабы показать контраст между жизнью и смертью. Второй слева — возможно, Иосиф Аримафейский, на земле которого находилась пещера, куда несут Иисуса. (По другой версии, это Никодим, автор апокрифического Евангелия.) За ним — Иоанн Богослов, любимый ученик Христа. Рыдающая Магдалина взяла руку Учителя. Второй конец плата держит сильный молодой человек с развевающимися кудрями — это и есть сын донны Аталанты Грифонетто. Справа три женщины удерживают потерявшую от горя сознание Богоматерь. Внимательный зритель увидит, что не все продумано в этой композиции. Так, Иосиф Арамейский (или Никодим) наступил на ногу Магдалине, непонятно положение второй руки Грифонетто, женщины вокруг Богоматери и Магдалина очень уж похожи друг на друга. Зато как красива эта картина с точки зрения цвета! Сколько тут света, воздуха и, несмотря на трагичность сюжета, какой-то удивительной радости жизни! Похоже, Рафаэль в какой-то момент забыл о теме картины…

Однако донна Аталанта Бальони осталась довольна. Ей все понравилось. «Мой мальчик у вас получился как живой!» — с восторгом говорила она художнику. Теперь Аталанта была счастлива — если может быть счастливой мать, похоронившая сына. Память о нем и ее горе наконец увековечены. Алтарный образ поместили в фамильной капелле Бальони в церкви Сан-Франческо аль Прато, как раз напротив другого выполненного Рафаэлем алтарного образа в капелле Одди, а затем его торжественно освятили. Обе картины были посвящены трагическим событиям, но они излучали такой свет, были столь хороши, что старый храм, обретя такое украшение, словно помолодел и, несомненно, похорошел.

«Алтарь Ансидей»

Это не осталось незамеченным перуджинцами, которые стали чаще заходить в эту церковь. Но среди них уже не было заказчицы алтаря Одди, очаровательной донны Леандры. Она приняла решение, изменившее всю ее жизнь, — распродав все, что имела, раздала деньги бедным и постриглась в монахини. Но вот донна Аталанта до конца своих дней ходила в Сан-Франческо аль Прато и часами сидела в глубоком молчании перед рафаэлевой картиной, вспоминая мужа и сына, павших жертвами кровавых междоусобиц. Возможно, она и роняла скупую слезу — с годами горе не становилось меньше, но эта женщина

«Сикстинская мадонна»

умела переносить несчастья с присущим ей достоинством настоящей аристократки.

«Снятие с креста» завершает важный период творчества Рафаэля — заканчивалась юность художника, и начинались годы зрелости. Впереди у него было всего 13 лет жизни, за которые он успел создать множество настоящих шедевров, и среди них — гениальные фрески Ватиканских станцев и «Сикстинская мадонна». Он умер, когда ему было лишь 37 лет. Страшная цифра…

Прошло более века. Вся Европа уже почитала Рафаэля, его называли великим, картины его стоили большие деньги, и каждый аристократ стремился иметь в своем собрании хоть какое-нибудь его творение. А у перуджинцев было целых два его шедевра, освещавшие сво-

им светом Сан-Франческо аль Прато. Но 20 марта 1609 года прихожане, пришедшие в храм, не увидели одного из них — «Положение во гроб», алтарный образ из капеллы Бальони, исчезло! Кто-то совершил страшное преступление — украл картину. Это был настоящий скандал. А вскоре стало известно, что картину увезли в Рим, где она украсила богатейшее собрание произведений искусств большого любителя прекрасного кардинала Шипиона Боргезе (1577–1633).

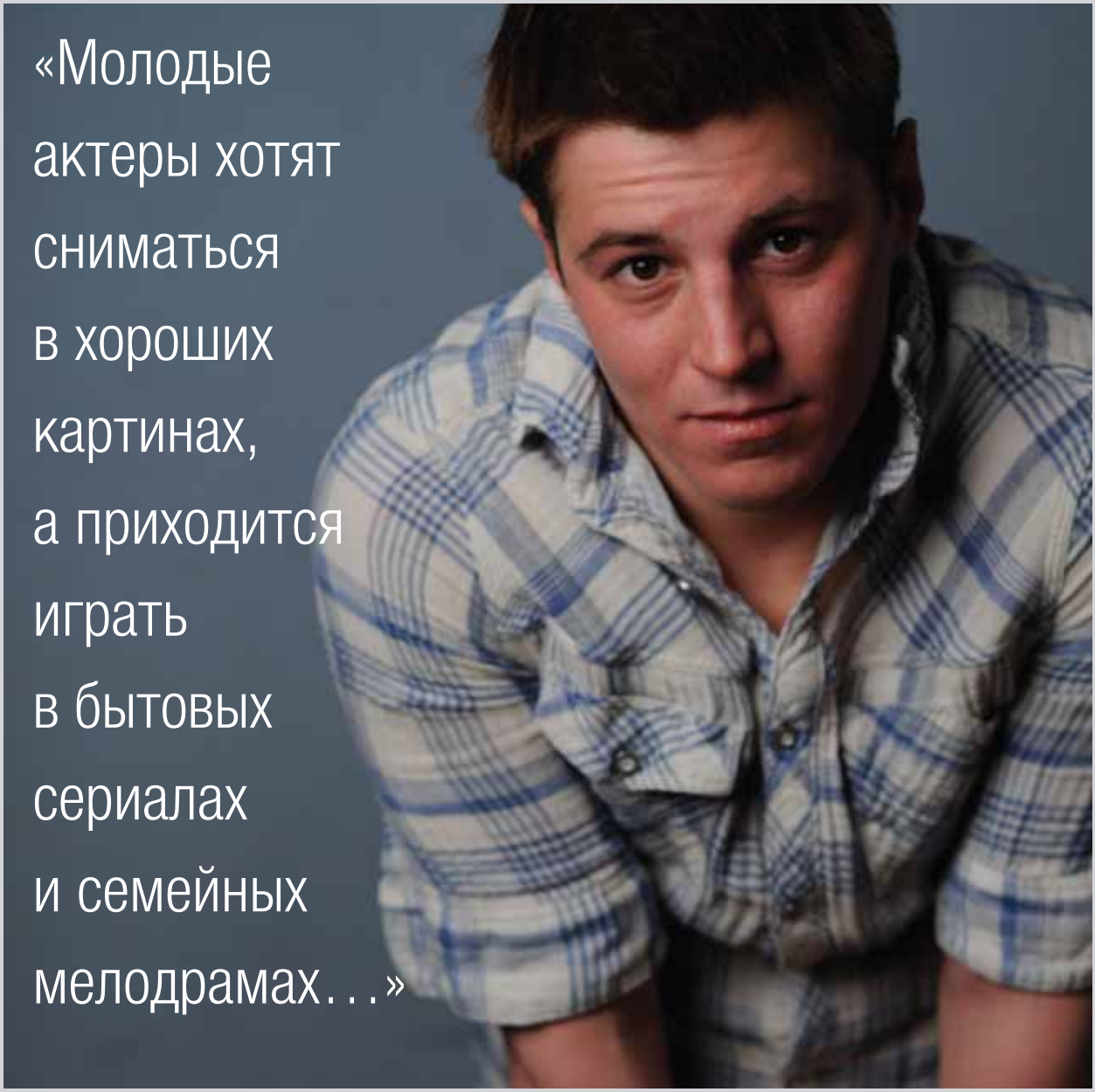
Однажды увидев картину, он страстно возжелал ее заполучить. И ему это удалось! Этот человек, кстати, племянник Папы Римского Павла V, а по совместительству — его секретарь и глава ватиканского правительства, обладал огромной властью, иначе ему бы не удалось организовать кражу картины. План похищения был тщательно продуман и блестяще осуществлен… самими монахами храма! Видно, кардинал посулил им немалую сумму. Под покровом ночи святые отцы вынесли картину из церкви, спустили ее за стены города и передали посыльным Боргезе, которые и доставили ее кардиналу, в его загородный дом, стоявший среди чудесного сада с фонтанами, скульптурами и изящными павильонами. В этом чудесном дворце, похожем на волшебную шкатулку, размещалась его коллекция картин и скульптур, среди которых были творения мастеров Античности и итальянского Возрождения. Рафаэлево «Снятие с креста» заняло тут достойное место.

Перуджинцы отчаянно пытались вернуть картину, но у них ничего не получилось — не помогли ни письма властям, ни всяческие протесты. Да и как они могли бороться с всесильным папой и его влиятельным племянником! Перудже и храму Сан-Франческо аль Прато пришлось довольствоваться копией, которую по приказу Павла V выполнил римский художник Кавалер д'Арпино и которая, конечно же, сильно уступала оригиналу.

Сегодня Галерея Боргезе — один из самых посещаемых музеев вечного города. Тут восхищает все — и чудесный парк, и само здание галереи, спроектированное в начале XVII века архитектором семейства Боргезе Фламинием Понцио и украшенное скульптурами и барельефами, ну и, конечно, небольшая, но великолепно подобранная коллекция произведений искусства. Здесь каждый экспонат — настоящий шедевр, и у каждого своя история. Среди них — и «Снятие с креста» Рафаэля. Глядя на эту картину, невозможно не восхищаться мастерством молодого Рафаэля, не вспомнить перуджинскую аристократку донну Аталанту Бальони и ее сына, обманутого коварными родственниками и смертельно раненного в дикой резне. Ну и, конечно, поразиться страстной любви к искусству кардинала Боргезе, которому его христианские принципы не помешали подкупить монахов и организовать кражу картины из храма, для которого она была создана. ❑

Молодой талантливый актер Гела Месхи обладает такой яркой индивидуальностью, что его герои никогда не оставляют зрителя равнодушными. Сразу после окончания школы-студии МХАТ Гела сыграл главную роль в фильме Юрия Кары «Гамлет XXI век», снятый по трагедии Шекспира. По итогам 8-го фестиваля кино и теа-

Гела Месхи



«Молодые актеры хотят сниматься в хороших картинах, а приходится играть в бытовых сериалах и семейных мелодрамах…»

тра «Амурская осень» он получил приз «За лучшую мужскую роль в кино». Популярность Месхи принес сериал, снятый Рамилем Сабитовым, «Физика или химия», но особенно зрители полюбили его после сериала режиссера Сергея Гинзбурга «Сын отца народов», где Гела блестяще сыграл Василия Сталина.

— Гела, что нового в творческой жизни на сегодняшний день?

— Завершились съемки сериала «Волчье сердце» у режиссера Сергея Гинзбурга, снялся в проекте о биатлонистах — «Выстрел»— режиссер Сергей Коротаев, сейчас идет работа над фильмом «Мужики и бабы» режиссера Сергея Боброва.

— А как работа в театре, чем порадуете зрителя в ближайшее время?

— Мне поступают предложения, но пока я ничего для себя не решил. Сергей Безруков приглашал поработать в Московском губернском театре, где он является художественным руководителем. Конечно, хотелось бы и в театре играть, но с этим все сложно. Сейчас я работаю в спектакле «Буря», по пьесе Вильяма Шекспира, у английского режиссера Деклана Доннеллана, где у меня несколько ролей. Это совместный проект Международного театрального фестиваля имени А.П. Чехова, театра «Ле Жемо» (Париж, Франция), в сотрудничестве с «Чик бай Джаул» (Лондон, Великобритания), с участием русских актеров Михаила Жигалова, Игоря Ясуловича, Александра Феклистова, Анны Халилулиной, Ильи Ильина …

Очень жаль, что сегодня нет с нами удивительного актера Александра Ленькова, безвременно ушедшего из жизни. Мне посчастливилось играть с ним в «Буре». Леньков любил молодых актеров, меня сразу принял как своего. Светлый человек… Надо сказать, что Доннеллан вообще собрал команду хороших, светлых людей. Он обладает каким-то особенным чутьем, прекрасно чувствует человека.

— Доннеллан— главный постановщик Шекспира на европейской сцене, и в Москве – частый гость. Свой проект он создал с российскими актерами, с которыми работает уже больше двенадцати лет и которых гордо называет «моя московская труппа». Как вам с ним работается?

— Очень хорошо! В проекте Доннеллана я с 2009 года. Это замечательный режиссер.

— А как он сумел вас заметить?

— Он устроил кастинг, пробовались две тысячи молодых актеров! Мне посчастливилось оказаться в пятерке отобранных Доннелланом артистов.

— Вот это да! Из двух тысяч! Кого вы играете в спектакле?

— «Буря» — это история о волшебнике Просперо, его дочери Миранде и брате-предателе Антонио. Доннеллан постепенно, шаг за шагом, исследует эволюцию души Просперо, расставляет акценты в человеческих отношениях между персонажами. У него в постановке задействованы все артисты, нет такого, как в репертуарном театре — сыграл роль и ушел за кулисы. Если ты не на сцене, то все равно чем-то постоянно занят, все время в действии. В европейском театре артист многофункционален, и мне это очень нравится.

А у меня в «Буре» роли Боцмана и Ариэля, кроме того, я еще играю на аккордеоне, ни минуты покоя!

— Где побывали на гастролях с «Бурей»?

С «Бурей» мы объездили уже полмира. Недавно побывали на гастролях в Колумбии. В отличие от репертуарного театра, здесь у меня график на полгода вперед, и я могу планировать свою работу в кино. Артиста репертуарного театра на съемки не отпускают, как правило, и тогда твоя творческая жизнь становится ограниченной. А годы идут, и

можно ничего не достичь, не успеть в ожидании своего звездного часа. К сожалению, публика идет в театр на известное широкому кругу имя, идет на актера, если можно так выразиться, а молодые артисты мало кому интересны.

— Знаю, что вы учились в школе-студии МХАТ на курсе Константина Аркадьевича Райкина. Попасть на курс к Райкину очень сложно, и учиться у него мечтают многие абитуриенты...

— Райкин — самый лучший Педагог, очень требовательный, строгий, ребята-выпускники нашего курса: Никита Ефремов, Анна Чиповская, Роман Матенин — все состоялись в профессии, работают в

Слева:
«Гамлет»

«Волчье сердце» — пробы

кино и в театре. Хочется сказать Константину Аркадьевичу — низкий Вам поклон!

— Вы блестяще сыграли Василия Сталина в сериале Сергея Гинзбурга «Сын отца народов». Сын Василия Сталина — режиссер Александр Бурдонский — дал вам высокую оценку как актеру : «Гела Месхи. Очень хороший парень. Великолепный! Кроме того, что он внешне похож на Василия, поймана еще и индивидуальность, манера. Про моего отца говорили, что он всегда был в напряжении. Готов в любую минуту атаковать и обороняться, словно сидит в кабине истребителя. Вот это зерно артисту удалось ухватить». Вы не встречались с Бурдонским в период работы над картиной?

— Огромная ему благодарность за добрые слова в мой адрес. Я с ним не встречался, но такое желание у меня было. Сергей Гинзбург даже собирался все устроить. Но на тот момент у меня уже сформировался определенный образ моего героя, и я представил, что вот сейчас приду к Бурдонскому, поговорю с ним, и все то, что я создавал в своем воображении, вдруг рухнет, и не пошел на встречу. Очень уважаю Александра Васильевича — талантливый режиссер, яркая личность. Вообще я не ожидал такого успеха, после показа сериала мне приходило множество писем от разных людей, фильм их

тронул. Скажу вам, что поначалу я боялся играть Василия Сталина — персонаж исторический, очень сложный. Я пересмотрел документальные ленты, читал литературу, вообще все, что связано с историческим периодом того времени.

Сергей Гинзбург — замечательный режиссер, много мне помогал в работе. Он, как никто другой, умеет дать артисту точную информацию, подсказать, направить в нужное русло. Сергей видит и чувствует артистов, что очень ценно. Если что-то не получается — остановит процесс съемки и объяснит. Актеры идут за ним как дети!

«Сын отца народов»

— Как вас утвердили на роль Василия Сталина?

— Гинзбург долго отбирал актеров на главные роли. Нас было трое претендентов на роль Василия, и он никак не мог решить, кого выбрать. Три месяца всех нас, артистов, «мучил», были многочисленные репетиции, пробы.

— Что он важного посоветовал вам во время работы?

— Пересмотреть все фильмы с участием знаменитого американского актера театра и кино — Аль Пачино, от раннего до позднего творческого периода. Аль Пачино — редкий артист. Во время игры он держит объект всегда рядом с со-

бой — постоянно держит, так называемый, малый круг внимания. Картина «Запах женщины» с его участием, где Аль Пачино играет слепого, просто гениальная, и он там сыграл блистательно! Забываешь, что перед тобой актер, видишь реального слепого человека, вот такое перевоплощение. На время съемок Сергей требовал от меня общения с очень узким кругом людей, чтобы никто не отвлекал от работы. И это мне очень помогло. Становишься как-то спокойнее, если и кричишь на площадке, то только, чтобы придать «объем» образу. Жаль, что Сергей ушел в конце съемок с сериала, это произошло после ухода продюсера. Под конец фильм «вытягивал» режиссер Щербин, и я ему тоже очень благодарен.

— Почему артисты так любят Сергея Гинзбурга?

— Сергей в постоянном поиске, он «копается», умеет раскрыть актера и помогает в работе над ролью, умеет вывести артиста на высокий уровень. Вообще, очень важно найти своего режиссера, и я его нашел.

— У вас есть увлечения помимо профессии?

— Все делаю своими руками, меня с детства отец научил. Кран могу починить, плитку положить, по дереву люблю вырезать что-нибудь. Мне нравится рисовать, делать декоративно-прикладные картины: сначала рисуешь, потом из клея и песка делаешь специальный состав и обводишь контуры. Получается объемная картина как «3D». Я сам этому научился. Еще очень люблю мастерить. Помню, как летом, когда был студентом МХТ, рабочие разбирали сцену. Я пандусы сколотил из досок и покрыл их лаком, чтобы были красивыми.

Знаете, у нас вообще весь курс был талантливый. Никита Ефремов

пишет потрясающую музыку. Я давно ему говорю, что нужно, чтобы ее услышали, она может послужить саундтреком к какому-нибудь фильму. Артем Быстров, Рома Матенин — все играют на музыкальных инструментах, все поют. Меня никто музыке не учил, но я по слуху подбираю мелодию на аккордеоне, пианино.

Недавно на венчание ездили к Никите Ефремову в Грузию. Была огромная компания друзей и близких родственников Никиты. Вечером собирались, и все вместе начинали петь. Шикарный «капустник» Никите подготовили, было весело! Это так важно, когда есть друзья, дорогие твоему сердцу.

— Кого из поэтов вы больше всего любите?

— Лермонтова и Есенина. Обожаю «Демона». Такая гамма потрясающих эмоций, чувств, сложнейшая поэма. «Демон вдруг почувствовал в себе неизъяснимое волнение…» Какие строки! И Лермонтов, и Есенин мне очень близки, я их чувствую по-своему… можно сказать, самим сердцем…

— Что вас огорчает сегодня в кинематографе?

— Смотрю наше современное кино и вспоминаю Андрея Миронова, Олега Даля, Владимира Высоцкого…Как они «тратились», как подключали к игре Сердце! Полнометражные фильмы сегодня почти не снимают. А жаль. У нас есть прекрасные молодые актеры, которые хотят сниматься в хороших картинах, а приходится играть в бытовых сериалах, семейных мелодрамах. Мой самый любимый фильм — «Отец солдата». Недавно с друзьями его пересматривали — как снят! Какие глубокие чувства!

— А какие люди вам нравятся?

— Больше всего я ценю доверие и честность. Без этого не может быть ни дружбы, ни любви.

Я — закрытый человек. Не появляюсь в глянцевых журналах. Считаю, что актера должны ценить и уважать за его творчество… Если начну заниматься самопиаром — потеряю себя. Кем я буду? Пустой картинкой? В чем же тогда смысл того, что делаю? Я не для этого учился. Зачем людям знать о твоей личной жизни? Актера должны ценить за его работы в кино, театре.

— Гела, вы знаете, что журналу «Смена» исполнилось в этом году 90 лет?

— Пользуясь случаем, хочу поздравить с юбилеем весь коллектив «Смены». Большое спасибо за внимание к творчеству артистов, за легендарный журнал, который остается верным себе уже 90 лет! Желаю всем вам, а также вашим читателям долгих лет жизни и процветания! ❑

Беседовала **Елена Воробьева**

Анатолий Пшеничный

Настоящий Юрий Поляков

«…А где писатели нормальные —
Или повымерли давно?
Кругом — романы криминальные
И сериальное «оно»!
Слепят обложечки блестящие
В разделе «Все для дураков».
Но есть пока и настоящие,
Вот друг мой — Юра Поляков!..»

(Из шуточной песни о Ю.П., 1994 г.)

Юра Поляков — мой давний товарищ и собрат по «молодежной поэтической сборной» — рано и заслуженно стал «большим известным писателем». Уже тогда — в далекие 80-е годы, на самых разных «совещаниях молодых» — и всесоюзных, и московских — этот парень был заметнее всех нас не только своей статной фигурой, но — врожденным умением спокойно и обстоятельно отстаивать свои позиции. Почему-то у меня, сына фронтовика, начинавшего свою поэтическую стезю с военной тематики, образ Юры Полякова после его участия в наших литературных баталиях ассоциировался со спокойным и уверенным в себе пулеметчиком в окопе: такого с наскока не пройдешь и танком не переедешь. И главное — Поляков мало говорил о себе, но всегда готов был поддержать тех своих литературных собратьев, в чьих стихах и прозе точно и зорко видел настоящую литературу. Потому что сам был настоящим. Потому что только настоящие не завидуют своим литературным сверстникам и искренне радуются их творческим удачам. Это сейчас, в русский «ледниковый писательский период», когда наши творческие союзы затоплены толпами людей, которые «не писать не могут и писать не могут», трудно найти настоящую литературу, пусть не так «сладко» изданную, но все же не раздавленную тоннами «блестящей обложками» макулатуры. А Юра, у которого уже были изданы замечательные поэтические сборники («История любви», «Между двумя морями» и другие), публиковал и пропагандировал стихи тех своих сверстников, в которых видел продолжение большой русской поэзии: Николая Дмитриева, Татьяну Реброву, Геннадия Красникова, Лидию Григорьеву и многих других, в разной степени оправдавших его прогнозы…

Мне кажется, Юрий Поляков никогда не делил настоящую литературу на жанры. Поэзия, проза, драматургия, критика воспринимаются им как единый творческий взаимосвязанный процесс, различающийся только способом выражения писательского замысла, глубиной выдоха творческой энергии и размерами изображаемого полотна. Его переход к созданию прозаических произведений был естественен и логичен. Жизненный опыт, как постоянно работающий компрессор, давил на душу и сердце — поэтических размеров не хватало для полного выдоха. А сказать хотелось о многом. И сказать по формуле из одного замечательного советского фильма: «Я тебе правду скажу, только ты не обижайся…» Тебе — это Родине, стране, где правда воспринималась тогда, как «несогласие с генеральной линией…»

Появились «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа» — дерзкие своим правдивым спокойствием повести, выверенные собственным опытом армейской и комсомольской

жизни. И это была не просто литература, это были неудобные для власти вопросы, поставленные ребром и требующие ответа. Написанные не крикливым диссидентствующим «городским сумасшедшим», а патриотом своей страны, талантливым писателем нового поколения. Тогда многие из нас, дружившие с Юрой, слегка вздрогнули за его будущее. Но образ спокойного бойца с пулеметом в окопе оказался вполне реалистичным. Танки не прошли, атаки захлебнулись (а было их немеряно). Юра Поляков выстоял и навсегда вышел из окопа. Одна за другой выходили книги, которые сразу же становились жизненно необходимыми даже тем, кто читать отвык, но думать не разучился. Начались съемки фильмов, постановки спектаклей. Русская литература не остановила свое необходимое Отечеству и народу движение.

Писатель Юрий Поляков никогда не подстраивался под потребности власти, общества, истории. Ни одной конъюнктурной книги в его библиографии! Он просто жил и живет среди своего народа, будучи его кровной частичкой. Но не всякому человеку Господом нашим дано сказать за всех о том, о чем думает каждый, но не может выразить это так, как может сделать это талантливый и одновременно смелый писатель: образно, ярко, доступно — так, «чтобы даже генерал понял». Талант и душевные человеческие качества Юрия Михайловича Полякова востребованы сегодня и во власти, и в обществе, и в литературе. «Врожденный порок» человеческой справедливости и писательской ответственности и сегодня не дает ему — главному редактору главной российской писательской газеты, члену самых серьезных общественных организаций нашей страны — права на сытое и равнодушное «пребывание в должностях». «Шестьдесят не девяносто — время есть еще для роста!» У него и у нас — его читателей и друзей — все впереди!

«…Уедем за город
с товарищем,
Где даже сосны выше туч,
Затопим баньку и заварим щи
И «распечатаем сургуч»!
Потом — о книжицах,
о девицах…»
И нет счастливей мужиков!
Куда от нас удача денется? —
Скажи мне, Юра Поляков!..»

(Из шуточной песни
о Ю.П., 1994 г.)

Юрий Поляков

***

Итак,
я — маг, волшебник, чародей,
И я могу единым мановеньем
Остановить летучее мгновенье,
Остановить природу и людей:
Бегущих — в беге,
Любящих — в любви,
Врагов — в борьбе,
Обиженных — в обиде,
Убийцу — в страхе,
Мертвого — в крови…
И обойти весь мир и миг увидеть.

Вот странный дождь
Над городом застыл,
Застыли:
молния и
с зонтиком прохожий,
Взметенные кленовые листы
И холодок, помчавшийся по коже…
И капля побежала по стеклу,
Когда я вновь раскрепостил минуты,
Вне времени оставив поцелуй,
Который был последним
почему-то…

Черная речка

На Черной речке белый снег.
Владимир Соколов

1

Вот здесь. У этой речки. На дуэли
Он ранен был.
На Черной речке.
Здесь
Барьерами чернели две шинели.
И снег на землю оседал,
как взвесь.
А там — курки решительно
взводились,
Тропинкою, протоптанной в снегу,
Жить рядом не хотевшие —
сходились,
Чтоб верной пулей удружить врагу.
И в правоту свою глухая вера
Сковала насмерть каждую
из душ.
И первым был у черного барьера
От ревности осататневший муж.
Но увидав, как наклонилось
дуло,
Нацелившись безжалостным
зрачком,
Повеса о спасении подумал…
Снег рухнул с веток —
Муж упал ничком.
Потом приподнялся, сжимая рану,

И целился, казалось, целый век.
Горд выстрелом, как «Сценой
у фонтана»,
Не понимая горького обмана,
Он крикнул «браво» и упал
на снег.
Но был его свинец неверно пущен.
Бард шел убить, но волею небес
Смертельно ранен
Александр Пушкин.
И еле поцарапан Жорж Дантес.
Великий нежилец на белом
свете,
Тобой играл неумолимый рок:
Поэт лежит в Дантесовой карете.
И мчит убийцу пушкинский возок...

2

Поэт прощается, прощает,
примирившись,
Уносит силы почерневший день,
А на Фонтанке, у дверей
столпившись,
Не верят люди в черный
бюллетень.
Рыдает Гончарова в черном
платье.
Жуковский шепчет: «Ах, не уберег!»
Разящим словом Лермонтов
отплатит
Тем, кто взводил и нажимал курок.
Кому же мстить?
Кавалергардской
страсти?
Мстить светской черни, гадившей
хитро,
Мстить черной зависти, а может,
черной власти?
Но вот уже открыты двери
настежь:
Из рук упало вещее перо.

3

Царь приказал. Монарх покоя
хочет.
Не волновались горожане чтоб,
В кибитке при жандарме черной
ночью.
Был увезен из Петербурга гроб.
Вдова на память вещи мужа
дарит,
Плывет над Псковом поминальный
звон.
Убийца по приказу государя
Навеки из России удален.
О нет, он от раскаянья не спятит,
Разбогатеет и окончит дни
Через полвека — в девяносто
пятом
Оплаканный в кругу большой
родни.

4

А чернота?
Ее всегда хватало.
Ведь для нее достаточно свинца.
И много очень мягкого
металла
Прошло сквозь очень твердые
сердца.
Со временем обиды побледнели,
Но давней черной памяти верна
Та речка, у которой на дуэли…
Но и она не потому черна…

***

Природа все запоминает. Все!
Два леса, как сошедшиеся рати,
Лесной ручей кровь русичей несет
И пропадает в розовом закате.

А зайчик солнечный, отчаянно кружа
Среди благоухающего лета,
Отчаясь, мечется, как будто бы душа
Большого, но забытого поэта.
Природа помнит счастье, горе,
страх, —
Все то, чего давно не помнят люди.
И солнце на закатных небесах,
Как голова Крестителя на блюде.

***

Я держу в ладонях эту душу.
Осторожно,
как чужую тайну.
Бережно,
Как нежную медузу,
Но душа в моих ладонях тает.
Я люблю ее,
Но что же делать?
Я клянусь,
Но сколько можно клясться!
Клятвы предназначены для тела,
А душа уходит — между пальцев…

***

Иною могла быть судьба у любимой.
Допустим, в какой-то из сереньких дней
Она промелькнула бы мимо незримо,
И я никогда не узнал бы о ней.
Путей на земле до нелепости мало.
Допустим, мы с ней разминулись. И все ж
Кого бы и где она ни обнимала,
Я в сердце бы чувствовал странную дрожь...

***

…И снова о любви, в который раз —
О выпавшей, как выпадают снеги,
Когда весь мир прекрасен без прикрас,
И молод, и красив, и дан навеки!
И снова о любви, который год —
То с радостью, то с болью, то с укором,
То с сожалением, что это все пройдет…
Когда-нибудь, наверное, не скоро…

***

Сидеть, с черновиками запершись,
Уныло строчки рифмами оковывая.
И видеть: за окном проходит
жизнь,
Как женщина, призывно
незнакомая.
Забросить все, помчаться
впопыхах
За незнакомкой, многообещающей.
И сразу вспомнить о черновиках,
Как о жене, без устали
прощающей.

***

Поговорив о том, другом и третьем
С приятелем моих примерно лет,
Мы стали разговаривать о смерти.
Зловеще-занимательный предмет!
Шла речь о том, что траурного
крепа
Не утаить за контуром вещей,
О том, что это, в сущности, нелепо,
Пожив, уйти из мира вообще.
О том, что мы воскреснем в наших
детях,
В делах, томах и шелесте берез,
Еще о том, что утешений этих
Никто пока не принимал всерьез.
Шла речь о том, что, видимо,
не скоро
Нетленность с плотью будут
сочетать
И что, увы, о смерти разговоры
За малодушье принято считать.
Постыдного не вижу в этой теме.
Страх смерти — это
Самый смелый страх.
Поговорим о смерти, чтобы
в темень
Сойти с улыбкой мудрой на устах!

Мечта

Мечтаю жить легко, неторопливо,
Мечтаю жить солидно, не спеша,
Достойно, обстоятельно, счастливо,
Чтоб суеты не ведала душа.
А что на деле? Только ветра посвист
В ушах от постоянной беготни.
Моя судьба, как уходящий поезд:
Умри в рывке, а лучше догони,
Запрыгни на последнюю подножку,
И рухни на свободные места,
И выясни, передохнув немножко,
Что в спешке перепутал поезда…

***

Я в любви почему-то грустнею,
Как, бывало, грустнел от вина.
Мне б смеяться, что встретился
с нею,
Ликовать, что со мною она!
Что же мне, окаянному, надо?
И к чему эта грустная речь?
Дал Всевышний любовь нам
в отраду,
Не наставив, как счастье сберечь...

***

Растрачена святая сила,
Победный изветшал венок,
И мнится: сломлена Россия...
Но — Пушкин, Лермонтов и Блок!

Они всегда и всюду с нами.
Хранят того, кто изнемог,
Шестью нетленными крылами
Вновь — Пушкин, Лермонтов и Блок!

Изведена страна обманом,
А нам урок опять не впрок.
Но в мире этом окаянном
Есть Пушкин, Лермонтов и Блок!

И в час, когда бессильно слово,
За честь свою спускать курок
Учили и научат снова
Нас Пушкин, Лермонтов и Блок.

Считает серебро Иуда,
Но мелким бесам невдомек:
Россию не сломить, покуда
Есть Пушкин, Лермонтов и Блок! ❑

Редакция журнала «Смена»
присоединяется ко всем поздравлениям,
которые получит наш постоянный автор
и в прошлом редактор отдела литературы «Смены»
Юрий Поляков в день своего юбилея.
Искренне желаем здоровья
и дальнейших творческих успехов!

Дэшилл Хэммет

— Вам, конечно, уже известны подробности смерти моего отца?

— В газетах только об этом и писали целых три дня, — ответил я, — но мне нужно услышать все из первых уст.

— Рассказывать особо нечего.

Фредерик Гровер был малорослый стройный мужчина лет под тридцать, одетый как на картинке из журнала «Ярмарка тщеславия». Его почти девичьи черты лица и высокий голос производили не самое выгодное впечатление, но через несколько минут я перестал обращать на них внимание. Он не был олухом. В деловом районе, где он стремительно создавал крупный и оживленный бизнес на акциях и облигациях, не слишком прибегая к помощи отцовских миллионов, его считали проницательным типом. И позже меня нисколько не удивил Бенни Форман, который сообщил, что Фредерик Гровер — лучший игрок в покер к западу от Чикаго. А уж Бенни такие вещи знает. Невысокий человек, сидевший передо мной, был невозмутим, уравновешен и сообразителен.

— Отец жил здесь один, если не считать слуг, — продолжил он, — уже два года, после смерти матери. Я женат, как вы знаете, и живу в городе. В прошлую субботу он отпустил Бартона — Бартон был его дворецким-камердинером последние несколько лет — чуть позже девяти вечера. И велел слугам не беспокоить его до утра. Находился он здесь, в библиотеке, просматривал кое-какие бумаги. Комнаты слуг расположены в задней части дома, и ни один из них вроде бы ничего ночью не слышал.

В семь тридцать утра — то есть уже в воскресенье — Бартон обнаружил отца мертвым. Тело лежало на полу справа от того места, где вы си-

дите, из горла торчал латунный нож для разрезания бумаги. Нож, кстати, всегда держали вот тут, на столе. Что еще? Входная дверь была приоткрыта. Полиция нашла кровавые отпечатки пальцев на ноже, столе и двери. Но человека с такими отпечатками до сих пор не отыскали, и поэтому я обратился в ваше агентство. С полицией приходил врач, он определил время смерти: от одиннадцати до полуночи. Позже, в понедельник, мы узнали, что утром в субботу отец забрал из банка десять тысяч в купюрах по сто долларов. От этих денег не осталось и следа. Найденные отпечатки пальцев полиция сравнила с моими, а также с отпечатками слуг. Нет никаких совпадений. Кажется, это все.

— Вам что-нибудь известно о врагах вашего отца?

— Не знаю ни одного, хотя они могли быть, — покачал головой Гровер. — Понимаете, на самом деле я не слишком хорошо знал отца. Человек он был очень замкнутый, большую часть времени проводил в Южной Америке — там сосредоточены месторождения, которые он разрабатывал. А от дел отец отошел только пять лет назад. Не удивлюсь, если у него были десятки врагов, но даже Бартон не может сказать, кто ненавидел отца настолько, чтобы убить. А ведь Бартон знал отца лучше всех.

— Как насчет родственников?

— Я наследник и единственный его потомок, если вы об этом. Насколько мне известно, других живых родственников у него нет.

— Поговорю со слугами, — сказал я.

Горничная и кухарка не сообщили ничего, а из Бартона я вытянул лишь немного больше. Он служил у Генри Гровера уже давно, был с ним в Юньнани, Перу, Мексике и Центральной Америке, но, по всей видимости, о делах и знакомых своего хозяина знал крайне мало.

Он сказал, что Гровер не выглядел взволнованным или обеспокоенным перед убийством. Почти каждый вечер он отпускал камердинера примерно в одно и то же время с приказом не беспокоить до утра, так что ничего необычного в субботу не происходило. Бартон не заметил, чтобы Гровер с кем-то общался в течение дня, и денег из банка не видел.

Я наскоро осмотрел дом и окрестности, не надеясь что-либо найти, — и не нашел. В половине случаев дело, поступающее к частному детективу, похоже на это: после совершения преступления проходит три-четыре дня, а то и несколько недель. Полиция ведет расследование, пока не заходит в тупик, пострадавшая сторона вызывает частного сыщика, отправляя его по старому, остывшему и ужасно затоптанному следу, и чего-то ждет… Ох, ладно. Я сам выбрал этот способ зарабатывать на жизнь, так что…

Сейф и стол Гровера были завалены бумагами. Я просмотрел их, но радоваться оказалось нечему. В основном — колонки чисел.

— Я собираюсь позвать сюда бухгалтера, чтобы он занялся гроссбухом вашего отца, — сказал я Фредерику Гроверу. — Дайте ему все, что попросит, и договоритесь с банком — пусть содействуют.

Вернувшись в город, я позвонил в контору Неда Рута и направил его в дом Гровера. Нед — это арифмометр в человеческом обличье. Его глаза, уши и нос так натренированы, что он подметит любой недочет в стопке бухгалтерских книг раньше, чем я успею рассмотреть их обложки.

— Откопай там что-нибудь на Гровера, Нед. Что угодно! Мне не с чем работать, дай хоть что-то — и поскорее!

Были все признаки, что убийство выросло из шантажа, хотя оставался шанс, что в основе лежит что-то другое. Но личный враг или грабитель действовал бы не так: любой из них заберет оружие с собой, чтобы не обнаружили на месте преступления. Конечно, убить Генри Гровера мог кто-то из слуг или сын… Но отпечатки пальцев этого не подтверждали.

Просто ради перестраховки я потратил несколько часов, добывая сведения о Фредерике. В ночь убийства он был на светском вечере. Ссор с отцом никогда не имел, насколько я сумел выяснить. И вообще Генри Гровер был к сыну щедр и давал ему все, что тот просил, а от своей брокерской конторы Фредерик получал денег больше, чем тратил. Никакой причины для убийства на поверхности не виднелось.

В городском детективном бюро я выловил полицейских сыщиков, которые занимались убийством, — это были Марти О'Хара и Джордж Дин. Рассказ о том, что они выяснили, занял совсем немного времени. Кто оставил кровавые отпечатки пальцев, здешняя полиция не знала: ни в одном ее досье таких отпечатков не нашлось. Характеристики были переданы в крупные города по всей стране, но результатов до сих пор не появилось.

В ночь убийства был ограблен дом в четырех кварталах от особняка Гровера. Имелись небольшие шансы, что оба дела провернул один и тот же человек. Но кража со взломом произошла около часа ночи, отчего связь проглядывалась не вполне отчетливая. Грабитель, который убил человека и, вероятно, сорвал куш в десять тысяч долларов, вряд ли так скоро возьмется за следующее дело.

Я внимательно изучил нож для разрезания бумаги — орудие убийства — и фотографии кровавых отпечатков, но толку от этого не было. Казалось, мне остается лишь одно: рыскать по округе, пока не наткнусь на что-нибудь пригодное.

Но тут открылась дверь, и в кабинет, где мы разговаривали с О'Харой и Дином, ввели Джозефа Клейна.

Клейну было лет пятьдесят-пятьдесят пять. Его глаза, рот и подбородок прямо-таки излучали благодушие, но в нем не имелось ни капли того, что

зовут человечностью и добротой. Тело крупное, мощное, полностью упакованное: на нем были облегающий клетчатый костюм, желтовато-коричневая шляпа, лакированные туфли с верхом из буйволиной кожи и прочие вещи, которые подходят к этому ансамблю. Голос — хриплый и лишенный выражения так же, как неприятное багровое лицо. Держался Клейн напряженно, словно боялся, что у слишком тесного костюма вот-вот начнут отлетать пуговицы. Даже его руки с толстыми неподвижными пальцами свисали по швам как мертвые деревяшки.

Клейн сразу приступил к делу. Он был другом убитого и решил, что его сведения окажутся важными для нас.

Познакомились они с Генри Гровером (Клейн звал его «Генни») в Онтарио, где Гровер разрабатывал прииск — золотой рудник, с которого начинал свой путь к богатству. Гровер нанял Клейна десятником, и двое мужчин стали близкими друзьями. Соседний участок принадлежал человеку по имени Денис Уолдмен, с ним возник спор из-за границ владений. Спор затянулся — раз или два даже приходилось вступать в драку, — но, в конце концов, Гровер одержал верх, а Уолдмен спешно покинул страну.

Клейн думал, что если мы найдем Уолдмена, то найдем и убийцу Гровера. На кону в споре были слишком крупные деньги, а Уолдмен — «редкостный скупердяй, что греха таить» и навряд ли забыл свое поражение.

Клейн и Гровер поддерживали друг с другом связь, переписывались, даже встречались время от времени, но убитый не говорил и не писал ничего, что пролило бы свет на причины его гибели. Клейн тоже отошел от разработки недр и теперь держал несколько скаковых лошадей, которым посвящал все свое время.

В городе он для того, чтобы отдохнуть между скачками, — приехал за два дня до убийства. Но с другом не виделся, был слишком занят: уволил тренера и подыскивал нового. Клейн остановился в гостинице «Маркиз» и собирался пробыть в городе еще неделю, а то и десять дней.

— Как же так получилось, что вы обратились к нам только через трое суток? — спросил его Дин.

— Да я ведь не сразу прочухал, что это надо! Я ж так и не раскусил, что там Генни проделал с тем парнем, с Уолдменом. Он так резво тогда слинял… А марать имя Генни я не хотел. Но потом покумекал и решил, что надо все сделать грамотно. И есть еще одна закавыка. Вы ж нашли в доме Генни какие-то отпечатки пальцев, да? В газетах пишут.

— Да, нашли.

— Ну вот, берите мои, сравнивайте. В ночь убийства я был с девчонкой. Всю ночь! Она славная девочка, замужем, много родни. Нельзя втягивать

ее во все это. А то вдруг вам вздумается, что это я порешил Генни? Попробуй без нее докажи, что меня не было тогда у него дома! Вот тут я и смекнул: лучше наведаться к вам, растолковать все, дать отпечатки пальцев и покончить со всем этим.

Мы поднялись в бюро идентификации и взяли у Клейна отпечатки пальцев. Они нисколько не походили на отпечатки убийцы.

После того как мы выжали Клейна досуха, я вышел и отправил телеграмму в наше отделение в Торонто, запрашивая сведения об Уолдмене. Затем выловил пару ребят из тех, что едят, спят и дышат лошадиными скачками. Они сказали, что Клейн хорошо известен в спортивной среде. Владелец небольшой конюшни, лошади которой скакали настолько часто, насколько позволяли распорядители соревнований.

В гостинице «Маркиз» я отыскал тамошнего детектива — оказалось, что это тип из тех, кто услужлив, только пока даешь им на лапу. Он подтвердил информацию о положении Клейна в мире скачек, а также сообщил, что в последнюю пару лет тот останавливался у них от случая к случаю, всякий раз — на несколько дней.

Гостиничный детектив попытался отследить для меня звонки Клейна, но в отчетах был беспорядок — так обычно и случается, когда они вам требуются. Я договорился, чтобы девушки на коммутаторе слушали все переговоры Клейна в ближайшие дни.

Когда на следующее утро я пришел в контору, меня ждал Нед Рут. Он корпел над счетами Гровера всю ночь и нашел достаточно, чтобы дать мне зацепку. В течение предыдущего года Гровер снял с банковских счетов почти пятьдесят тысяч долларов, на которые не было отчетности. Почти пятьдесят, не считая тех десяти, что он снял в день убийства. Нед расписал мне суммы и даты. Сорок семь тысяч пятьсот долларов! Кто-то неплохо нагрел руки!

Управляющие местных телеграфных компаний подняли свой обычный вой об уважении к частной жизни их клиентов, но я получил ордер от прокурора и в каждую контору посадил клерка для работы с картотеками.

Мне пришлось ждать почти до шести, чтобы получить от телеграфных компаний нужную информацию, но оно того стоило. Третьего января Генри Гровер отправил 12 500 долларов телеграфным переводом Джозефу Клейну в Сан-Диего. Для других дат, которые я продиктовал, клерки ничего не нашли, но огорчить это уже не могло. Главное, что Джозеф Клейн — тот самый человек, который наживался на Гровере.

Я отправил к гостинице Клейна двух сотрудников: Дика Фоули и Боба Тила — этот юноша однажды станет виртуозом сыска.

— Устройтесь где-нибудь в вестибюле, буду через несколько минут. Поговорю с Клейном и постараюсь спуститься вместе с ним, чтобы вы хорошенько его рассмотрели. Хочу, чтобы вы повисели у него на хвосте, пока он не явится завтра в полицейское управление. Мне нужно знать, куда он идет и с кем говорит. И если с кем-то говорит очень долго, или разговор покажется важным, то один из вас, ребята, должен следовать за его собеседником и выяснить, кто это и чем занимается. Если Клейн попытается удрать из города, хватайте его и тащите за решетку. Хотя не думаю, что он решит уйти в бега.

Я дал Дику и Бобу время разместиться и двинулся к гостинице. Клейна не было, пришлось подождать. Он пришел чуть позже одиннадцати, и мы с ним поднялись в его номер. Я не мямлил, а спросил напрямик:

— Есть все признаки, что Гровера шантажировали. Вы что-нибудь знаете об этом?

— Нет, — ответил он.

— Гровер несколько раз снимал крупные суммы со своих банковских счетов. Я знаю, кое-что из этих денег досталось вам, и даже предполагаю, что вы получили большую часть. Что скажете?

Клейн не стал притворяться, что оскорблен или хотя бы удивлен моими словами. Он улыбнулся — возможно, несколько угрюмо, так, словно думал, будто заподозрить его — самая естественная для меня вещь на свете. И он был прав.

— Я же вам говорил, мы с Генни отлично ладили. Помните? Когда балуешься скачками, любой может влезть в полосу невезения — ну, вы вникаете. Бывало, я влипал в передряги, и приходилось брать у Генни взаймы. Такое стряслось, скажем, той зимой в Тихуане — на меня свалился лютый ворох неудач. Но Генни одолжил мне тысяч двенадцать или пятнадцать, и я снова встал на ноги. Так частенько бывало. У него должны где-то заваляться мои письма и телеграммы. Поглядите в его вещах, и нароете.

— А что, если вы заскочите в полицейское управление в девять утра? Повторим весь этот разговор вместе с городскими сыщиками, — предложил я. А потом добавил для убедительности: — На более позднее время откладывать не советую — они могут уже уйти на ваши поиски.

— Угу. — Вот и все, что было мне ответом.

Вернувшись в агентство, я стал ждать звонка от Дика и Боба. Я считал, что нахожусь в выгодном положении. Клейн шантажировал Гровера — у меня не осталось ни единого сомнения — и вряд ли был так уж далеко, когда Гровера убивали. Его алиби с женщиной выглядело слишком хлипким!

Но кровавые отпечатки пальцев принадлежали не Клейну, если только полицейское бюро идентификации не допустило досадную ошибку. А пташ-

ка, на которую я расставлял сети, — это человек, оставивший отпечатки. Клейн выжидал три дня между убийством и появлением в полицейском управлении. Естественное объяснение могло быть в том, что его соучастнику, фактическому убийце, потребовалось так много времени, чтобы полностью обелить себя.

Сейчас мой замысел был прост: я взбудоражил Клейна известием, что никакие подозрения с него еще не сняты. Была надежда, что в первую очередь он примется повторять все необходимые меры для защиты сообщника.

В тот раз он потратил три дня. Теперь я оставил ему около девяти часов: времени вполне достаточно, чтобы кое-что предпринять, но не слишком много. Клейну придется действовать поспешно, и в суматохе он даст возможность Дику и Бобу обнаружить его соучастника — обладателя пальцев, которые заляпали кровью нож, стол и дверь.

Ночью, без четверти час, позвонил Дик: сказал, что Клейн покинул гостиницу через несколько минут после меня и направился в многоквартирный дом на Полк-стрит, где и остался.

Я прогулялся до Полк-стрит и присоединился к Дику и Бобу. Они сообщили, что Клейн поднялся в двадцать седьмую квартиру, а список жильцов в вестибюле показал, что эту квартиру занимает Джордж Фарр. Мы с ребятами слонялись там приблизительно до двух часов, а потом я пошел домой отсыпаться.

В семь я к ним вернулся и узнал, что наш приятель еще не появлялся. Немногим позже восьми он вышел из дома и свернул на Гиэри-стрит. Ребята последовали за ним, а я вошел в здание, чтобы переговорить с управляющей. Она рассказала, что Фарр проживал там месяца четыре или пять, в одиночку, и по профессии был фотографом, со студией на Маркет-стрит.

Я поднялся к двадцать седьмой квартире и позвонил в дверь. Открыл здоровяк тридцати-тридцати двух лет. Мутные глаза смотрели так, будто ночью ему было не до сна. Я не стал тратить время попусту:

— Я из сыскного агентства «Континентал», меня интересует Джозеф Клейн. Что вы знаете о нем?

Тут он проснулся полностью.

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем, — мрачно ответил он.

— Вы с ним знакомы?

— Нет.

Ну, вот что ты будешь делать с подобным типом?

— Фарр, — сказал я. — У меня возникло желание пройтись с тобой до полицейского управления.

Его движение было как вспышка, к тому же из-за его понурого вида я потерял осторожность. Но все же удалось вовремя повернуть голову, принимая удар повыше уха, а не в подбородок. Меня сбило с ног, и даже пяти центов не поставлю на то, что в моем черепе не появилась вмятина. Я рухнул в дверной проем, удерживая дверь, вскарабкался по косяку и, проковыляв через несколько комнат, вцепился в одну из ног Фарра, уже стоявшего на лестничной площадке. В потасовке он разбил мне губу и ударил в плечо, но вскоре превратился в паиньку.

Я погрузил его в такси и доставил во Дворец юстиции. Были опасения, что, если начну медлить, Клейн удерет от меня.

При виде Фарра у Клейна отвисла челюсть, но оба не издали ни звука.

— Давай снимем отпечатки пальцев у этого мазурика и закроем дело, — сказал я О'Харе. Дин отсутствовал. — А с Клейна не спускай глаз. Думаю, через несколько минут он выложит нам совсем другую историю.

Мы вошли в лифт и поднялись в бюро идентификации, где прижали пальцы Фарра к специальной подушечке. Фелс, судебный эксперт, бросил взгляд на результаты и повернулся ко мне:

— Ну и что это?

— Что «это»? — переспросил я.

— Генри Гровера убил другой человек!

Клейн засмеялся, Фарр засмеялся, О'Хара засмеялся и засмеялся Фелс. Я молча стоял и делал вид, что думаю, а сам в это время пытался взять себя в руки.

— Вы уверены, что не ошиблись? — наконец выпалил я, чувствуя, как лицо заливается краской.

Фелс не ответил, только окинул меня взглядом сверху донизу.

Клейн рассмеялся снова, словно закаркал вороной, и повернул ко мне свое некрасивое лицо:

— Хотите еще раз взять мои отпечатки, мистер Ловкий-Частный-Сыщик?

— Да! — ответил я. — Вот именно! — Должен ведь я что-то сказать.

Клейн протянул руки к Фелсу, но тот оставил их без внимания, предложив мне с изрядным сарказмом:

— Снимите-ка их сами на этот раз! Уж так-то вы точно будете уверены, что все сделано без ошибок!

— А что? Неплохая мысль!

Я приблизился к Клейну и ухватил его за руку. Отпечатки пальцев мне раньше брать не доводилось, но я частенько видел, как это делается.

У Клейна были слишком гладкие подушечки пальцев, точнее, слишком скользкие, без той легкой шероховатости, которой обладает живая плоть. Я перевернул его руку так быстро, что едва не причинил ему боль, и взглянул на пальцы. Не знаю, что я ожидал увидеть, но не обнаружил совершенно ничего — ничего такого, что мог бы назвать.

— Фелс, — позвал я, — взгляните.

— Я пере… — начал, было, он, склонившись над ладонью Клейна, но следующие несколько минут мы с ним занимались тем, что сбивали его с ног и сидели на нем, в то время как О'Хара успокаивал Фарра, который тоже вдруг перешел к действиям.

Когда все утихомирилось, Фелс еще раз внимательно осмотрел руки Клейна и, вдруг вскочил, оставив меня удерживать драчуна. Пропустив мимо ушей мое «Так что это?», достал тряпочку и какую-то жидкость, а затем тщательно отмыл пальцы Клейна. Мы сняли отпечатки снова. Они совпали с теми кровавыми из дома Гровера!

После этого мы все сели и славно побеседовали.

— Я же сказал, у Генни была заваруха с Уолдменом, — заговорил Клейн, когда они с Фарром решили сознаться. Больше им ничего не оставалось. — И сказал, что он взял верх, потому как Уолдмен скрылся. Короче, Генни с ним расправился — пристрелил ночью и похоронил. А я все видел. Гровер в те деньки был редкостный мерзавец, буйный hombre. Грызню с таким затевать — себе дороже, так что я держал язык за зубами. Но когда Гровер разбогател и постарел, он сделался слабаком — так со многими бывает. Видать, из-за той истории у него кошки на душе скребли. Года четыре назад я ненароком столкнулся с ним в Нью-Йорке и сразу понял, что теперь он совсем робкий. Гровер разнылся, что никак не может забыть, какое лицо было у Уолдмена, когда он пришил его. Я рискнул и содрал с Генни пару тысяч. Они достались мне без всякого труда, так что когда я оставался на мели, то шел к нему или слал весточку, и он всегда раскошеливался. Но я старался сильно не давить. Не забыл, каким подонком он был в прежние деньки, и не хотел спустить его с цепи. Но, в конце концов, все же перегнул палку. Звякнул ему в прошлую пятницу — так, мол, и так, нужны деньжата. Он ответил, что перезвонит и скажет, где мы следующей ночью встретимся. Позвонил Генни в субботу вечером, где-то полдесятого: приходи, дескать, прямо домой. Ну, я и двинул туда. Он встретил у входа, провел наверх и выдал десять тысяч. Я сказал ему то же, что и всегда — мол, донимаю в последний раз. Это его обрадовало. Вообще-то я хотел уйти сразу, как получу деньги, но на него вдруг напала болтливость. Короче, он задержал меня на полчаса или около того. Пустой треп о людях, ко-

торых мы когда-то знавали в захолустьях. Потом я задергался — у него появился такой же взгляд, как в молодости. И вдруг он совсем взбесился, кинулся на меня, схватил за горло и растянул поперек стола, на котором я и нашарил латунный нож. Тут уж было — или я, или Генни. Я ударил его ножом и вернулся в гостиницу.

На следующий день газеты только об убийстве и писали. И все твердили о кровавых отпечатках пальцев. Это ведь был мой приговор! Я не просек сразу про эти отпечатки и наляпал их там повсюду. Вот тут-то я и струхнул. Где-нибудь в бумагах у Генни могло быть записано мое имя, а еще могли сохраниться письма и телеграммы, хотя уж в них-то я подбирал слова. Короче, я понял, что полиция рано или поздно захочет меня поспрашивать. Вот тогда я и вспомнил о Фарре. Я знал, что на Востоке он был докой по отпечаткам пальцев, и его адрес у меня был. Так что я рванул к нему и выложил все как на духу. Мы обмозговали, что делать дальше. Он сказал, что поработает над моими пальцами, я приду к вам и распишу в красках свою историю — ее мы с ним подлатали. С меня снимут отпечатки пальцев, и после этого уже ничего не будет грозить, даже если просочится что-то обо мне и Генни.

Фарр чем-то намазал мои пальцы, велел ни к чему не прикасаться и никому не пожимать руку. Я притащился сюда, и все выпало в масть. А потом этот толстый коротыш, — Клейн имел в виду меня, — заявился прошлой ночью в гостиницу и рассказал по доброте душевной все, что думал обо мне и Генни. И напоследок посоветовал зайти утром сюда. Я обговорил это с Фарром, чтоб узнать, пора когти рвать или сидеть пока ровно. Фарр сказал: «Сиди ровно», так что я остался у него на ночь, и он подготовил мои руки к утру. Вот и весь сказ!

— Я уже встречал поддельные отпечатки пальцев, но таких хороших — никогда. Как вы их сделали? — повернулся к Фарру Фелс.

— Очень просто! — с гордостью ответил тот. — Я нашел человека, отпечатков пальцев которого, как мне было известно, нет ни в одной полицейской картотеке. Взял у него отпечатки и поместил каждый на медную пластинку, какую применяют в процессе обычной фототипии, но вытравил довольно глубоко. Потом намазал пальцы Клейна желатином — так, чтобы покрыть все узоры на подушечках — и прижал их к пластинкам. С применением этого метода получились даже поры, и…

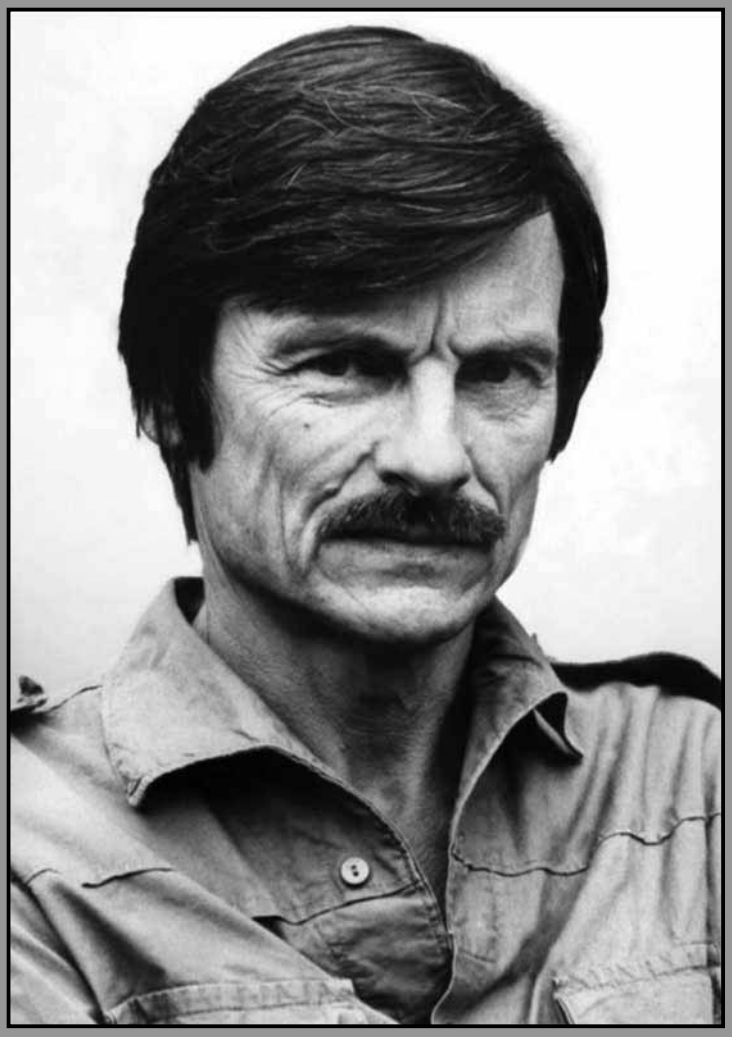
Через десять минут я покинул бюро, а Фарр и Фелс продолжали сидеть бок о бок, неся всякий вздор, как пара пташек, которые ладно спелись друг с другом. ❑

Перевод с английского ***Андрея Бударова***

Валерий Акимов

Небесные сферы Андрея Тарковского

Фильмы кинорежиссера Андрея Тарковского до сих пор будоражат сердца и умы, и еще что-то, что зовется душой. Будучи человеком несгибаемой воли, пытливого ума и сильного духа, он представляет собой одну из самых монументальных и грандиозных фигур в истории мирового кинематографа. «Мы черпаем в нем веру», — так говорил Тарковский об искусстве как о силе, которая помогает нам противостоять жизни, а точнее, тому распаду, которому она нас подвергает — распаду мысли и расточению личности.



Я отдаю тебе все, что есть у меня. Я отдаю свою семью, которую люблю. Я уничтожу мой дом, откажусь от сына. Я стану немым, я больше никогда ни с кем не буду говорить. Я отказываюсь от всего, что связывает меня с жизнью, только сделай, чтобы все было как прежде, как сегодня утром, как вчера. И чтобы я избавился от этого смертоносного, душащего животного страха. Все, Господи… Помоги мне… Я все исполню, что обещал.

«Жертвоприношение»

Андрей Тарковский родился 4 апреля 1932 года и умер 29 декабря 1986 года, пройдя жизненный путь длиною в 54 года. Родиной будущего режиссера было село Завражье Юрьевецкого района в Ивановской промышленной области (ныне это Кадыйский район Костромской области). Позже эти места станут для Тарковского благим, священным местом, откуда шли к нему, взрослому, но все так же метущемуся, неприкаянному человеку, воспоминания из детства, из очень далекой и богатой поры, которые станут благодатной почвой для этапного в творческом пути Андрея Тарковского фильма — «Зеркало».

Его родители — Арсений Тарковский и Мария Вишнякова — познакомились в Москве, на Высших литературных курсах (теперь это место известно под другим названием — Литературный институт имени А.М. Горького). В 1928 году они поженились, и через четыре года у них родился сын — Андрей, а еще через два — дочь Марина.

Но в 1937-м, когда Андрею было пять лет, отец ушел из семьи, и Марине ничего не оставалось, как самой, в одиночку, растить детей. Конечно, молодой матери помогали родственники, которые жили в Юрьевце и его окрестностях, потому Андрей и Марина большую часть детства провели в этих местах. Поселки, хутора — Игнатьево, Томшино, Завражье, — все они станут для Тарковского сказочным пристанищем, подобием Итаки для Одиссея, и эти места позже появятся, заговорят в «Зеркале».

Мария Тарковская была смелой, сильной женщиной, и это видно по той жертве, которую она принесла ради блага семьи. Фактически, это была самая большая жертва, на которую способен человек, если только это не сама жизнь. Выпускница литературных курсов, талантливая

натура, она могла бы стать знаменитой писательницей, но оказалось, что действительность имеет несколько иные перспективы, нежели те, что наметила себе Марина, и она все свои силы отдавала дому и детям. Смысл жертвы станет для Тарковского главным в его философии, наряду с архетипами отца и матери. «Человек разобщен», — писал Андрей в своих дневниках под общим названием «Мартиролог». Именно этот жертвенный лейтмотив будет присутствовать почти в каждом фильме Тарковского, а в последней его работе, которая так и называется «Жертвоприношение», идея жертвы и жертвенности станет самой главной, на-

полняя собой и пронизывая весь фильм. Главный герой картины приносит в жертву свою жизнь и жизнь всего своего рода, предав огню свой родной дом.

С самого детства у Андрея проявлялся всесторонний талант к творчеству, он вообще был человеком оригинального ума и характера. Любил рисовать, петь, принимал участие в театральных постановках в школе, поступил в музыкальное училище. В 1947-м у Тарковского открылся туберкулез, и это поставило конец занятиям музыке. Туберкулез, к счастью, вылечили. Но в 1986 году, когда смерть настигла великого режиссера, Тарковский все же умер от рака легких.

Кино захватило Андрея еще в детстве, когда мать повела его в первый раз в жизни в кинотеатр, хотя и считала, что кино не пойдет на пользу сыну. Первым увиденным фильмом стал «Щорс» Довженко. Когда Тарковский будет снимать уже свои собственные ленты, влияние Александра Довженко скажется в технике съемок, в художественном мировоззрении и мышлении, в самой эстетике кино. Однажды Александр Сокуров скажет в одном из своих интервью, что «Тарковский был продолжением Довженко».

В 1954 году, после Туруханской экспедиции, куда Андрея пристроила мать после того, как сын бросил обучение в институте востоковедения, Тарковский поступил во Всесоюзный государственный институт кинематографии, в мастерскую легендарного режиссера Михаила Ромма. Вместе с Тарковским в этой мастерской также учились Василий Шукшин, Александр Гордон, Александр Митта… Позже эти имена обретут известность, но тогда это были просто студенты, молодые парни, каждому из которых любое море казалось по колено. Порой они даже не подозревали, что были рядом, как и произошло при встрече Андрея Тарков-

Французский писатель и философ Жан-Поль Сартр, увидев картину молодого советского режиссера «Иваново детство», дал ей наивысшую оценку, говоря о том, что был поражен тем ощущением бесконечного и отчаянного безумия, которое вторглось в самый корень человеческого существования, как люди лишились разума в забвении борьбы и смерти. Фильм получил высшую награду фестиваля — «Золотого льва святого Марка», и на родину Тарковский вернулся уже легендой

ского с будущим соавтором «Зеркала», сценаристом, драматургом и писателем Александром Мишариным — как выяснилось, они жили в одном доме. Также в одном классе школы № 544 вместе с Тарковским учился будущий поэт Андрей Вознесенский, обессмертивший образ юного Тарковского в стихотворении «Белый свитер». Причуды судьбы, по-другому и не скажешь.

Тарковскому повезло — его поступление во ВГИК совпало с моментом развенчания культа личности Сталина и наступлением «оттепели». Культурная жизнь заиграла новыми, насыщенными красками, тем более что кинематограф постепенно шел в гору: если раньше производство фильмов было строго ограниченно, то теперь с каждым годом их снималось все больше и больше. Но, что являлось самым главным, в студенческой среде повеяло запахом свободы и будущих перемен: настало время, когда творческие люди могли полностью посвятить себя искусству.

Учился Тарковский с большим рвением и с неимоверным энтузиазмом. Он не боялся вступать в споры с мастерами, в особенности со своим педагогом Михаилом Роммом, не боялся отстаивать свою точку зрения, вступая в словесные баталии (потом почти вся его жизни будет похожа на сплошную схватку).

Михаил Ромм был прекрасным человеком и педагогом, о чем гово-

рят многие его ученики, но творчество Ромма Андрей не принимал. Фильмы учителя казались ему чересчур «декорационными», фальшивыми. Развивая и оттачивая свое мастерство и свою режиссерскую технику, Тарковский создал для себя более-менее сложившуюся систему взглядов на то, каким должно быть кино, и центральное место в этой системе занимает понятие фактуры. Достаточно вспомнить «Сталкера», в котором один мир, обычный, наш, людской, безобразен и грязен, а мир Зоны — цветущий, дышащий светом и жизнью, и оба этих мира более чем реальны. Соратник и друг Тарковского Андрей Кончаловский много лет спустя напишет в своих мемуарах: «Мы обожали Колотозова, он был для нас отрицанием соцреализма, «фанеры», как мы говорили… Главная задача — в фактуре, чтобы было видно, что все подлинное — камень, песок, пот, трещины в стены. Не должно быть грима, штукатурки, скрывающей живую фактуру кожи. Мы не признавали голливудскую или, что было для нас то же самое, сталинскую эстетику».

Во ВГИКе Тарковский познакомился со своей будущей женой Ирмой Рауш, с которой учился в одной мастерской. Позже он даст Ирме роль матери в «Ивановом детстве» и роль Дурочки в «Андрее Рублеве». В 1957 году они поженились, а в 1962-м у молодой пары родился сын Арсе-

ний. Этот брак трудно назвать счастливым — в одном узле связались две неординарные по степени таланта и какой-то внутренней силы личности, что в результате привело к разводу. Несмотря на это, Андрей очень любил своего первого сына. Ирма редко предоставляла им возможность для встреч, и Тарковский очень переживал из-за этого. Вообще любовь в жизни Тарковского играла большую, но довольно таинственную роль. Как всякий поэт, он воспевал любовь, но боялся привязанности, видел идеал любви в самом идеале, а не в реальных человеческих отношениях.

В качестве дипломной работы Тарковский и Кончаловский решили снять фильм «Антарктида — далекая страна». Отрывок из сценария был опубликован в газете «Московский комсомолец», но сам сценарий не прошел редколлегию, оставив «дуэт» в замешательстве. Тогда у друзей возник другой замысел, из которого вырос короткометражный фильм «Каток и скрипка». В нем отразились биографические черты самого Тарковского, воспоминания о его юношеской жизни: это и двор со шпаной, и сама музыкальная школа, и строгая преподавательница... Но самый большой интерес в «короткометражке» вызывает персонаж Владимира Заманского, водителя катка, который в одной из стычек между Сашей и шпаной становится на защиту юного музыканта, после чего между ними возникает дружба. Конечно, в Заманском воплощен образ отца, причем в образе этом воплощена горькая мечта о воссоединении. «Каток и скрипка» восхитил Михаила Ромма, но у выпускной комиссии оказались совсем другие мысли на этот счет. Ромм без колебаний вступил в бой за жизнь ленты, и выпускная комиссия все же приняла работу.

Амбициозного, по-своему дерзкого режиссера пытались «поставить на место» чиновники от кино, съемки картин часто срывались. Вокруг Тарковского старались создать подобие информационного вакуума, в котором он мог бы работать «правильно»

Тарковский блестяще завершил учебу во ВГИКе. Вместе со своей женой Ирмой они поехали на практику в Одесскую киностудию, фактически, эта поездка была одновременно и медовым месяцем.

Летом 1961-го года Тарковского неожиданно вызвал на «Мосфильм»

Ирма Рауш. Жена А. Тарковского

С сыном Арсением

Михаил Ромм. Как оказалось, мастер порекомендовал своего ученика для окончания работы над экранизацией повести Владимира Богомолова «Иван». Бывший режиссер, Эдуард Абалов, с работой не справился, оставив после себя несколько метров отснятого материала. Предполагалось, что Тарковскому надо будет лишь доснять остальной материал и сделать фильм целым. Но Андрей, со свойственным ему пылом и энтузиазмом встав у руля, поменял всю концепцию картины, к примеру, главным героем он сделал не лейтенанта Гальцева, а самого Ивана, одиннадцатилетнего мальчика, у которого война отняла мать, отца, все его детство. Тарковский, по сути, снял не патриотическую ленту о героической храбрости малолетнего разведчика, непокорного в битве и бесстрашного перед смертью, а душевную борьбу, схватку с непримиримой действительностью за убитый когда-то мир, ситуацию на пороге бытия и небытия, поглощающую в себя судьбы всех персонажей картины. Фильм получил высшую награду фестиваля — «Золотого льва святого Марка», и на родину Тарковский вернулся уже легендой.

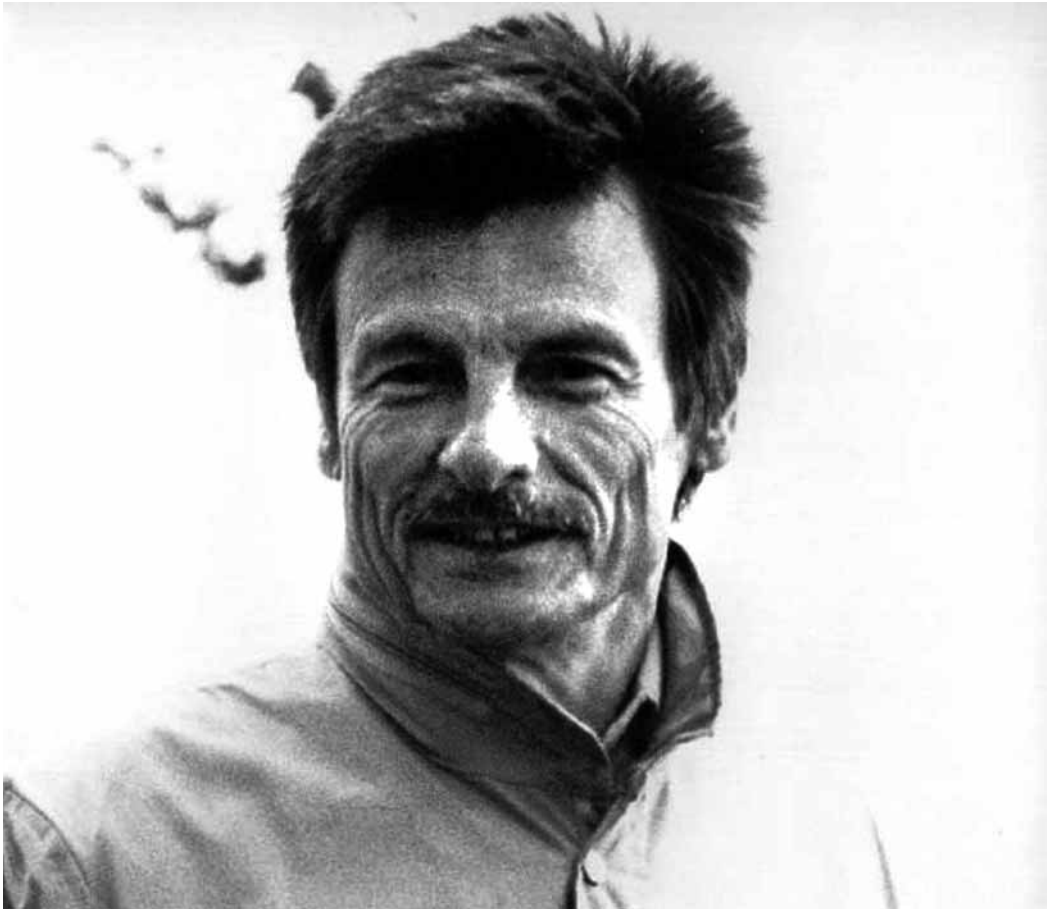
В сентябре 1964 года Тарковский вместе с Андреем Кончаловским начали работу над картиной «Страсти по Андрею» (это рабочее название фильма, в прокатном ва-

рианте он называется «Андрей Рублев»). Ленту ожидали многие тяжбы и беды, ей суждено было простоять на полке в архиве в Белых столбах без малого пять лет, прежде чем она увидела свет. Впоследствии в своих дневниках Андрей будет каждый раз, как его картины наталкивались на непонимание и откровенное отвращение у коллегий Госкино, вспоминать инцидент с «Рублевым».

МХАТ. Памятник А. Тарковскому

Судьба самого Тарковского тоже окажется тяжкой и незавидной. Амбициозного, по-своему дерзкого режиссера будут пытаться «поставить на место» чиновники от кино, съемки картин будут срываться. Семь полнометражных картин удалось снять Андрею Тарковскому, в то время как Бергман, Брессон, Куросава за свою жизнь успели снять около сорока лент. Тарковский возмущался, почему, в то время как он хочет и может работать, ему отказывают в этой возможности. Читая «Мартиролог», в сознании вырисовывается очень мрачная картина, как вокруг Тарковского в Советском Союзе старались создать некое подобие информационного вакуума, в котором он мог бы работать «правильно».

Жизнь таких людей, как Андрей Тарковский, не может быть не отягощенной преградами, бедами и трудностями, которые мешают исполнению главного долга перед самим собой, перед жизнью. Ведь что такое жизнь великого творца, все его творчество, все его стремления? Это всегда участь, всегда судьбоносная неизбежность, всегда напряжение, но без этого не знали бы люди, не знал бы и сам творец всей степени силы своего таланта и воли. Такие люди обычно живут не очень долго. Горят очень ярко, почти ослепительно, их быстро поглощает пламя, но оно продолжает гореть даже после того, как творец



Задумок и него было очень много, и остается только догадываться, каким бы получился у Тарковского фильм о Достоевском, или, быть может, экранизация четырехтомной эпопеи Томаса Манна «Иосиф и его братья», романа Альбера Камю «Чума» и повести Солженицына «Матренин двор»... И все же, не будь он таким Тарковским, не родились бы на свет ни «Андрей Рублев», ни «Сталкер», ни «Зеркало», ни «Противостояние», ни другие его прекрасные фильмы

умирает — оно горит благодаря тому, что он создал, сотворил. Тарковский прожил пятьдесят четыре года, но до сих пор пламя горит в его неиссякаемых творениях.

Замыслов и задумок у режиссера было огромное количество, и остается только догадываться, каким бы получился у Тарковского фильм о Достоевском, или, быть может,

экранизации четырехтомной эпопеи Томаса Манна «Иосиф и его братья», романа Альбера Камю «Чума» и повести Александра Солженицына «Матренин двор».

Изучая биографию Тарковского, читая его статьи, вникая в его мысли на предмет того, какова же на самом деле жизнь, понимаешь, что ни одна философия не уходила так глубоко в личность человека, как это произошло у Тарковского. Никакая иная жизнь не была прожита так, как прожил ее он, взяв из своих переживаний, впечатлений, событий буквально все, что было возможно. Не будь он таким, не появились бы ни «Андрей Рублев», ни «Сталкер», ни «Зеркало». В «Мартирологе», там, где Тарковский говорит о своем взгляде на сущность человека, на существование мира, природы, космоса, виден след русской религиозной философии XX века, в частности, философии Николая Бердяева. Человек — не пассивная единица мира, он — творение Бога, и должен творческим актом своим выйти за пределы коварного мира — непостоянного и преходящего — в просторы мира Божественного. Там счастье, там покой — там находится то утраченное некогда единение, которого всю жизнь, не сдаваясь, искал Андрей Тарковский.

Под конец хочется добавить также слова великого голландского художника Винсента Ван Гога, написанные им в «Письмах брату Тео»: «Во всяком деле главное — его цель, и победа, за которую платишь целой жизнью напряженного труда, дороже, чем та, которую одерживаешь погодя».

Кроме Тарковского были режиссеры, которых слава не обошла стороной, но такая слава, как у него, есть лишь у единиц, у тех, кто «не одерживал победы погодя». Трудно представить себе, как Тарковскому удавалось творить, в то время как его все больше сжимали тиски бюрократического и идеологического аппарата страны, для которой он жил и трудился.

Он искал силы для борьбы в творчестве — в таком странном, непостижимом для науки событии, когда человек остается один на один с мирозданием и Богом. И что может дать человек в этот момент мирозданию? Пуст он или полон? Тарковский искал истину, искал то, что произрастает из глубин человека и из глубин бесконечного космоса — вечное, нетленное, фундаментальное.

Он воспевал две ипостаси человеческого существования: волю и веру. Главное, быть сильным и верить в вечное. Все его герои проходят через испытания вновь и вновь, и они становятся сильными, начинают верить, и то разделение, которое на философском языке зовется «субъект-объект», лишается разделяющего знака — и возвращается единение. ❑

Улыбки Владимира Тоболякова

«Боже мой, какой был человек! По-сибирски открытый, остроумный и — красавец! Его все интересовало, обо всем писал увлекательно», — так отзывалась о В.Н. Тоболякове его современница, сотрудница одного из ленинградских издательств.

В. Тоболяков — псевдоним Владимира Николаевича Городкова, родившегося 23 августа не то в 1898-м, не то в 1899 году в Тобольске. Окончив губернскую гимназию с золотой медалью, он был принят в Томский политехнический институт. Однако учиться ему не пришлось, в 1919 году Владимир был мобилизован в колчаковскую армию и направлен в артиллерийское училище. Но в 1920-м ушел в партизанский отряд — участвовал в легендарных боях под Спасском и Волочаевкой на Дальнем Востоке.

А в 1923 году приехал в Ленинград. В это время на страницах сатирических журналов «Бегемот», «Смехач» и других регулярно появлялись рассказы за подписью В. Тоболякова. В 30-х годах писатель обратился к серьезным жанрам. Много сил и времени отдал он работе над романом о художнике В.В.Верещагине. Рукопись погибла во время бомбежки ленинградского издательства. Ни копии, ни черновиков не сохранилось.

Во время Великой Отечественной войны Тоболяков вступил в народное ополчение. Был военным корреспондентом армейской газеты «За Советскую Родину». В конце лета 1941 года отряд, к которому он был приписан, прорывался к Ленинграду, и пришлось вплавь переправляться через реку Оредеж. Тоболяков сильно простудился. В блокадных условиях у него открылся туберкулез. Друзья сделали все, чтобы отправить писателя на родину. 9 апреля 1942 года он скончался.

Владимир Тоболяков

Дроби

Завод был маленький, все почти друг друга в лицо знали. А Карасева не только в лицо, по фамилии каждый знал. Герой труда, красный изобретатель, член месткома и прочая, и прочая, и прочая. При всем при том, дельный, нелживый человек. Беда у него, у этого дельного человека, была одна: дробей не знал.

Как только выборы, все кричат:

— Карасева!.. Даешь Карасева!..

Никодим Иванович выйдет вперед, расправит усы и говорит:

— В ревизионную комиссию не могу, товарищи!..

— Почему не можешь? Человек ты честный!..

— Не могу. Дробей не знаю, вот что. Балансы эти подведут меня. Без дробей — какой из меня ревизор?

— Эх, жаль… Без дробей действительно нельзя… Как же это ты так, Никодимыч, без дробей-то?

— Да уж вот так! До седых волос дожил, да только не знаю их. Где-то у них там знаменатель, где-то числитель, ни черта не разберусь…

— Поучился бы…

— Стар учиться. Ум ничего не берет. Лучше пробу на десятый разряд сдам!

Помолчит народ. Надо ж кого-нибудь в ревизионную комиссию. Подумают, потом закричат:

— А ну, тогда Прокофьева! Единогласно! Прокофьева!

Где только деньгами пахнет, Карасев сразу в сторону:

— Деньги — они счет любят. Куда я к ним без дробей? Меня всякий обведет…

— Вот неграмотность — царское наследство.

Зато от другой выборной работы Карасев не отказывался и делал все на совесть, до отказу.

Вчера были выборы представителя в райкооп.

— Просим Карасева!

— Э-эх, друзья! Тыщу раз говорить… — с сожалением сказал Карасев. — Рад бы в райкооп, да грехи, то есть дроби эти проклятые не пускают. А кооператив, сами знаете, это дело денежное. Тут дроби — во как нужны!

Вечером мы сидели с Карасевым в пивной. Он поднял свой стакан, посмотрел на свет и сказал с усмешкой:

— Жизни не видишь из-за этих дробей. Представителю-то кооперативному двадцать рублей положили…

— Никодим Иваныч, — сказал я, подавая ему пиво, — давайте я обучу вас дробям?

— Что ты! Что ты! Ты это всерьез? Да я, друг мой, благодаря этим дробям, может, только и на свободе хожу. Что ты!..

Тут уж пришел черед мне удивляться.

— Помнишь, меня хотели в в ревизком избрать?

— Помню. Отказался. Прокофьева выбрали.

— А где он?

— Сидит за растрату.

— На год восемь месяцев… Чуешь? Помнишь, казначеем месткома хотели выбрать? Еле отбоярился. Помнишь?

— Помню. Семенчика выбрали. Сидит…

— Да, на два года с изоляцией…

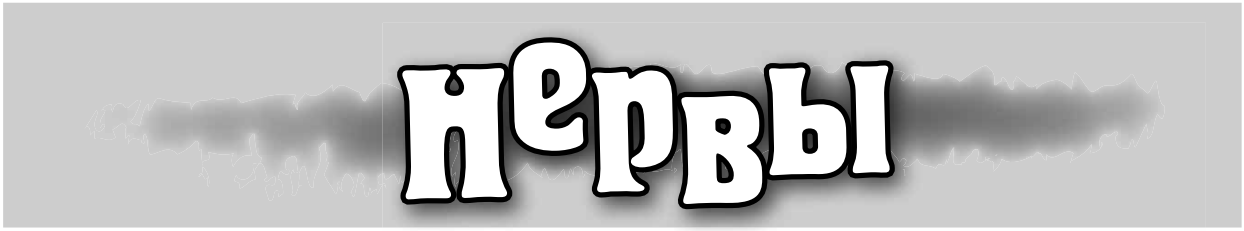
— А как в закупочную комиссию меня выбирали, помнишь?

— Егорова выбрали. Сидит… Кажется, год ему куковать…

Карасев допил залпом пиво, вытер усы и заключил разговор:

— А все дроби! Да что там! Взял раз у сынишки арифметику, прочел о дробях. Чувствую, понимать вроде бы стал. Сказал жене, а она в слезы. Ты, мол, разлюбил меня, жизнь нашу рушишь… С тех пор до дробей не касаюсь! И спокойно, и хорошо! Ну, плати, да пойдем!..

Библиотека «Бегемота», 1928 г.



Кухня в этой коммунальной квартире была вроде ада. Жара стояла настоящая адская, а замчертей были домохозяйки.

— Ах, женчины, женчины! — сказал как-то старый холостяк Михаил Палыч, сам приготовлявший себе похлебку. — И все-то вы сволочи-

тесь! Уж лучше бы вы подрались, женчины, а еще лучше б — помирились.

— Помири-ились?.. Не скоро тут помиришься, — отвечали хором домохозяйки. — Нервы уж у нас такие. Не тихие нервы. После этих голодовок да очередей чисто мы все обревматизмелись… А вы говорите — мириться!

— Знаю я, золотые мои, — сказал Михал Палыч, легонько пробуя зубами картошку из похлебки. — Все вы развинтились да размотались. А вы все-таки старое средство испытайте. Как какая рассердилась, отошла маненько в сторонку и сосчитала до 100. Правило дедовское еще! Разом успокоишься!

— Освободите вашу мисочку, — сказала домохозяйка из 17-й комнаты. — Надо и моим котлеткам пожариться, а то муж скоро придет.

— Плюю-ка я на ваши котлеты… — гостеприимно согласилась домохозяйка из 13-й комнаты.

— Ах, вон ка-ак! Ах, ты, тварь злоязычная, змея ты подколодная…

— Считайте! Считайте! — закричали на них со всех сторон.

Домохозяйки, готовые было уже вцепиться друг в дружку, замолчали, а потом стали считать.

— 1, 2, 3, 4, 5…

Тихо было у плиты.

— 34, 35, 36, 37…

— 90, 91, 92…

— 100! — первой выдохнула жиличка из 13-й комнаты. — 100! А только этой суке я так не прощу. О муже заботится, а сама на чужих мужиков заглядывается!

— 100! — поспела вторая. — Обормотина ты египетская! Сама подолом везде треплешь!..

— Это я-то, мерзавка ты посадская! Да я…

— Считайте дальше! Дальше считайте! — вступились прочие свободные от поля брани домохозяйки. — Нервы же у них не дедовские, рази туточки сотни хватит!

— 101, 102, 103…

— 182… — простонала из 17-й комнаты. — Простите вы мне, дамочки, но во мне кровь вся кипятком, 183, крутится, чтоб этой, 184, стерве морду, 185, оплевать, 186, 187…

— 201, 202, 203 раза, — подхватила другая, — 204 раза, была ты дурой, дурой и останешься! 205, 206, 207, 208…

— 432, 433, 434, 435… Дура — не дура, 436, а, 437, как ты, 438, рожа, 439, 440, бровей, 441, 442, не крашу, 443, 444, 445.. уж…

— Дайте, 994, уж, 995, я, 996, лучше, 997, подерусь, 998, с, 999, ей, 1000!

И ринулись в драку. Старый холостяк Михал Палыч забрал с плиты свой котелок и пошел от греха подальше.

— Нервы у них действительно, — сказал он в дверях. — Не тихие нервы. Для таких нервов высшая математика требуется!

Библиотека «Бегемота», 1928 г.

Помпа

У трагика Румянцева сидел местный театрал Шаферов, ныне заведующий столом рождений и смертей при Уисполкоме. Шаферов 40 лет носил студенческую фуражку, на благотворительных спектаклях сидел в классе и встречал, и провожал приезжавших артистов, с первого слова переходя с ними на «ты».

— Нет, нет и нет! — стукал он ладошкой по Румянцевскому колену. — Ты по гроб обидишь весь город, если откажешься от чествования.

Румянцев ерошил волосы, пил пиво и говорил мрачно, как Гамлет:

— Какое теперь празднество! Вот в Ростове в девятьсот восьмом году меня праздновали! Хотели лошадей из моей кареты выпрячь и не выпрягли только потому, что у меня кареты не было. Станиславский телеграмму прислал: «Целую, приветствую…» А венки! Бог мой! Сколько их было! Понимаешь, я уже был дома, а их еще не выносили из театра… Э-э-э-х!..

— Не волнуйся, Гриша, и с венками как-нибудь устроим. Да чего там! Все будет! Веришь ты мне или нет?

И он от восторга поцеловал в правую щеку Румянцева.

В четверг был назначен бенефис Румянцева-Задунайского. Шла пьеса некоего Островского «Бедность не порок» в переделке известного местного автора В.П.К. После второго акта взвился занавес и началось чествование. Сначала говорились речи, а потом стали вносить венки. Раз, два, три… Сколько их было! Металлические и лавровые! С лентами и без лент. Их вносили какие-то суровые мужики, оставляя после себя следы глины. Оркестр играл туш. Шаферов надел один из венков на правое плечо Румянцева и сделал знак замолкнуть оркестру.

Румянцев сказал ответную благодарственную речь. Кончая ее, он поднес ленту с надетого венка к губам и сказал торжественно:

— В знак моей признательности целую коллективно всех вас в лице этой ленты и…

Он остановился, пораженный.

— Послушай, Шаферов, — вполголоса сказал он. — Да этот венок, видимо, не мне. Тут на ленте обозначено: «Дорогой бабушке на вечную память…»

— Продолжай, продолжай, Гриша, — зашептал Шаферов. — Бабушка или ты — один черт. Главное, помпа! Продолжай! Неудобно же!..

Но Румянцев-Задунайский стоял, как оглушенный, мигая то правым, то левым глазом. А через три дня он получил повестку из нарсуда с предложением явиться для дачи свидетельских показаний по делу о временном хищении заведующим столом смертей и рождений Шаферовым кладбищенских венков.

Журнал «Смехач», 1925 г.

Маша

Чествование профессора подходило к концу. Многочисленные делегации пришли приветствовать ветерана науки по случаю его нового открытия.

— Вы — наше светило!

— Жрец науки!..

— Не покинувший нас в тяжелые годы разрухи!..

Так говорили ораторы.

Наконец, пришло время сказать ответное слово и профессору. Он протер рукавом сюртука очки и, оглядев полный зал, начал:

— Многоуважаемые сограждане, 27 февраля 1920 года я получил разрешение проблемы, за которую сегодня вы чествуете меня. Но позвольте часть приветствий и восхищений лично отвести от себя…

Профессор вздохнул.

— Я должен вам сказать, что 80% я обязан своим открытием другому существу. Это благодаря ему я удостоился сегодняшних похвал… Звали ее Маша.

В зале стало тихо.

— Ах, Маша!.. Теперь ее уже нет в живых. Маша! Это она — истинная виновница сегодняшних торжеств. Вы помните двадцатый год, год холодных домов и пустых желудков. А Маша, она все время вливала в меня животворящие силы…

Две какие-то вузовки преувеличено громко засморкались, всхлипывая.

— Сначала мы жили с Машей в разных комнатах, потом перешли в одну…

— Профессор, — робко тронул председатель собрания за рукав профессора, — это уже несколько интимные стороны, так сказать…

— Пустое, — рассеянно отмахнулся профессор и продолжал:

— Гуляя с ней вместе, я обдумывал свой труд. Потом у Маши родились детки. Все в нее. Но…

Тут голос профессора задрожал.

— Здесь подошло самое суровое время, и я должен был обменять ее детей на дрова…

Члены президиума переглянулись.

— Заговаривается…

— Итак, профессор, — громко сказал, вставая, председатель. — Разрешите чествовать также товарищ Марью… Отчество, извините, как?..

— Ну, уж отчества-то я ее не знаю, — широко улыбнулся профессор.

— Как же? — смутился председатель. — Ведь это же не случайная какая-нибудь связь, а жена… Долгие годы… и вдруг по отчеству не знать как…

— Какая жена? — смутился в свою очередь профессор, снимая очки. — Я холост от рождения и до сего дня.

— Ну, а вот эта… Маша?

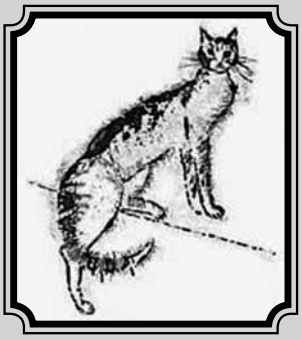
— Маша?.. Да эта Маша — коза! Коза! Ее молоком я питался в те годы, ее козлят менял на дрова… Не она — я бы умер с голоду тогда… Вот карточка, где я снят с ней…

И профессор вынул из потертого кармана фотографию. На ней виднелся профессор, что-то вычисляющий, и невдалеке, рядом — коза, щиплющая траву и привязанная веревкой за левую ногу…

Библиотека «Бегемота», 1927 г. ❑

Публикация ***Рафаэля Соколовского***

Розовая «Слюнька» и другие кикиморы



— Меня приняли в Московскую художественную школу Краснопресненского района с двумя натюрмортами. От них веяло детским бесстрашием. Только детская рука ни минуты не задумывается над чистым листом бумаги. А дальше…

Изучая иконопись и осваивая работы художников-реставраторов на стенах Успенского собора в Кремле, я отчетливо поняла: все лучшее уже

сделано. Рисовать — не надо! И тем не менее…

Станковая графика и текстиль-скульптура одинаково дороги мне. Среди большого разнообразия тем — книжные иллюстрации, пейзажи, портреты, но самая любимая — кошки, эта тема неисчерпаема…

Так рассказывает о себе художница Любовь Юкина. Она родилась в Москве, окончила Московский полиграфический институт. Занимается книжной иллюстрацией, текстиль-скульптурой, авторской куклой. Член Союза художников. Ее работы находятся в Башкирском государственном музее имени М.В. Нестерова, Брянском художественном музее, в музее Кошки в Амстердаме и частных коллекциях в самых разных странах мира.

В ее квартире повсюду живут куклы. Она делает их из лоскутков ткани и пуговиц. Кто-то называет их «хомо тряпиесе», кто-то — кикиморами. Сама же художница считает, что создала своеобразную страну, которую населяют «тряпиенсы». По ее словам, «тряпиенсы» непредсказуемы, потому что это ассоциативные образы людей, животных, птиц, то есть, своеобразное отражение настроения». Эти настроения причудливо материализуются. Здесь можно увидеть, например, как выглядит зубная боль. У каждого «тряпиенса» своя судьба и свои приключения.

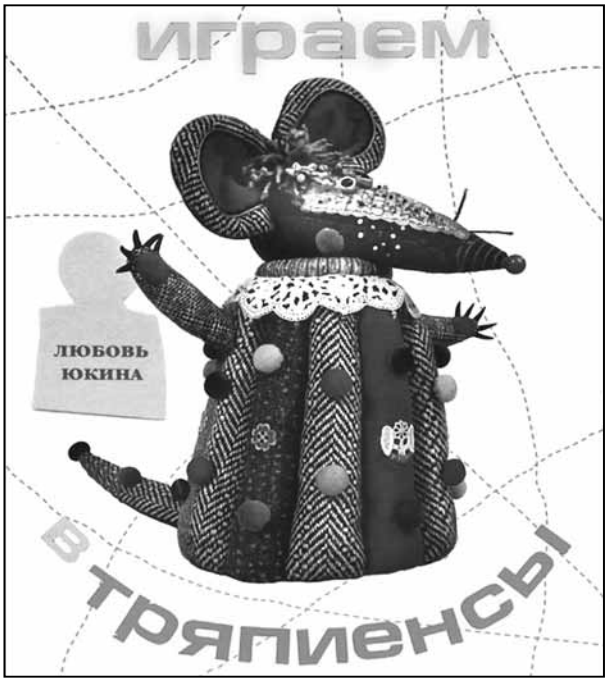
— Люба, как рождаются ваши куклы? Они так необычны…

— Существует особый мир человека: интуитивный — когда образы рождаются из настроения. Каждому настроению соответствуют свои краски. Голубой, фиолетовый, например, — цвета грусти. Однажды, когда мне было грустно, я взялась за иголку и фиолетовые нитки, и получилась кукла «Грусть». А в прекрасный весенний день, напротив, родилось светло-розовое существо — из бантиков и ушек. Моя приятельница окрестила его «Слюнькой». Это одна из моих любимых «тряпиенсов». Из кусочков серой ткани вышли «бравые генералы». Но знаете, что удивительно? Как-то раз подарила подруге куклу и решила повторить ее для себя. Не получилось…

— Одна из серий ваших «тряпиенсов» называется «Старушки с Гоголевского бульвара». Это галерея портретов, лишенных конкретных черт: чуть смещены глаза, губы, нос. Внешние же атрибуты — рюши, шляпки, старинный покрой платья, соблюдены. Как они появились?

— Я жила на Гоголевском бульваре, рядом находился тихий зеленый сквер, где семенили, шелестя разговором, древние интеллигентные старушки. Они были как портрет уходящей эпохи. И спустя годы мне захотелось запечатлеть его с помощью иголки и ниток.

Я смотрю на куклу с интригующим называнием «Тайна» и пытаюсь понять — кто это? Элегантная да-



ма, спешащая на тайное свидание и не желающая, чтобы ее узнавали на улицах? Или расставшаяся с любимым женщина, скрывающая глубоко в себе страдание? У каждого своя интерпретация образа.

— Открою секрет, — поясняет Люба, — принимаясь за работу, я не знаю, что получится в итоге. Просто это нельзя предугадать. Легли, скажем, чуть-чуть иначе, чем было задумано, кружева, ткань, и образ развивается уже по другому пути. То, что получается, не всегда можно облечь в слова. Это, как правило,

образ-обобщение, образ-настроение, в котором каждый волен видеть и видит что-то конкретное.

— Любители искусства хорошо знают вас и как художницу-офортистку. Ваши графические работы экспонировались на различных выставках и имели успех. Как удается совмещать офорты и куклы?

— Каждая работа требует полной самоотдачи. Либо я делаю офорты, либо шью кукол. Совместить это невозможно. Но если создание офортов прежде всего тяжкий труд и лишь потом удовлетворение, наслаждение от результата, то куклы… сам процесс их создания доставляет радость. Рождение кукол не программируется, они вынашиваются и рождаются как дети…

Один из посетителей выставки «тряпиенсов», проходящей в Твери, оставил в Книге отзывов такую запись: «Посмотрел на эти странные загадочные существа, и захотелось писать стихи о любви…» Этим многое сказано. ❑

Беседовала ***Татьяна Харламова***

UNITED STATES OF AMERICA
100

Елена Колчак

ДАЙТЕ попробовать

1

На стене около лифта красовалась нарисованная зеленым мелом стрелка. И, конечно, острием вверх. Значит, не стоит и надеяться, что это детишки играли в казаки-разбойники.

Я тупо посмотрела на стрелку и взмолилась. Только не это! Я устала, я спать хочу! После пятнадцатичасового рабочего дня единственное, чего можно желать, — это покоя. И видеть никого не хочется, будь они хоть трижды приятными людьми. Тем более что работа журналиста ежедневной газеты (моя, то есть) минимум наполовину состоит как раз из общения, черт бы его подрал!

Но Лелька просто так от скуки вызывать не станет. В отличие от большинства знакомых мне представительниц женского пола, у нее имеются мозги и отсутствует привычка вешаться со своими проблемами на окружающих. Значит, что-то случилось. Дотянувшись до лыжной палки, стоявшей в углу, я легонько постучала в потолок.

Минут через десять балконная дверь медленно открылась, любимый Лелькин кактус переселился с подоконника на стол, и вскоре вокруг него в художественном беспорядке разместились чашки, пепельница и полдюжины яблок.

— Давно приехала?

— Сначала кофе.

— Только варить сама будешь. Тогда я прощу тебе даже попытку поведать мне об очередном явлении твоего благоверного, увешанного слезами, воплями и мольбами о прощении.

— Фу! Стала бы я ради этого издеваться над героем умственного труда! Ладно, дабы не отнимать лишнего времени у твоей любимой кровати…

— Лелька, я тебя сейчас выгоню!

— Как же, выгонишь! — фыркнула Лелька. — А потом тебя замучит любопытство, начнешь звонить, а я тоже умираю, как спать хочу ... Да еще стирка. Кстати, я ужасно рада тебя видеть. Так что расслабься и внимай. — Лелька разлила кофе, потянулась и продолжила. — У моего папы, светлая ему память, была сестра. То ли родная, то ли двоюродная, то ли не сестра, а тетка, в общем, что-то дальнее, даже мамуля ее не очень помнит, а я-то тем более.

— А может, ее вовсе не было?

— Была, не перебивай. Привезла я матери Дениску, как договаривались, а она подает мне письмо. Такое все официальное, от какой-то нотариальной конторы. Дескать, у нас хранится завещание, завещатель недавно помер, и, согласно его последней воле, мы должны вам это завещание передать. Потому как вы — единственный названный наследник. А близких родственников, которые могли бы претендовать, совсем нет.

— Ничего себе! Мы в дикой России или в какой-нибудь Филадельфии? Так не бывает.

— Я тоже решила, что кто-то так оригинально пошутил. Мамуля-то не помнит даже, как эту сестрицу звали. Однако прихожу в эту контору — действительно, вот завещание. Моей единственной племяннице, Элеоноре Сергеевне Верховской, дочери Виктории Павловны и Сергея Васильевича Верховских, завещаю все свое имущество. Адвокатской конторе «Пупкин и компания» доверяю...

— Что, на самом деле Пупкин?

— Да нет, конечно, у меня записано название, только сейчас не помню. Не отвлекай меня. Так вот. Доверяю проследить за исполнением моей последней воли. Ну, и все такое прочее. Немного денег на книжке и документы... Попробовала вы-

яснить у них, откуда, мол, дровишки, — безуспешно. Извините, информация конфиденциальная. Вы принимаете наследство? Если нет, напишите отказ или просто скажите «до свидания». Если принимаете, вступайте во владение и не морочьте голову. Можно подумать, это я им голову морочу! Ты знаешь, что Генка через полгода возвращается? Я за последний месяц уже все каблуки сбила в попытках какое-то жилье найти. Либо цена бешеная, либо район кошмарный, либо с ребенком не пускают.

— Погоди-погоди. Ты, кажется, рассказывала про завещание. При чем тут квартирный вопрос?

— При том. Знаешь, что они мне преподнесли? Документы на владение домом. На Ленинской, бывшей Губернаторской.

— Она опять Губернаторская, — механически сообщила я.

— Да, это, конечно, самое главное, — хихикнула Лелька.

— Но, Лелька, этого просто не может быть. Ты представляешь, сколько дом в центре может стоить? И они честно тебя разыскали, вместо того чтобы втихую прибрать его под себя?

— Ритуля, я понимаю, что я ничего не понимаю. Но я уже была во всяких организациях — можешь мне поверить, все абсолютно законно, я действительно владелица, только документы оформить. Кстати, денег на книжке как раз хватит, чтобы заплатить налог на наследство и все бумаги в порядок привести. И, может, еще на какой-никакой ремонт останется. — Лелька замолчала, отрезала ломтик яблока, сжевала, глотнула кофе...

Наверное, мне тоже надо бы что-то сказать? Но что?

— Н-да, аж не верится.

— Оставь, я не за этим на ночь глядя явилась. Рассказать и завтра могла бы, а тут дело такое… — Лелька не отводила взгляда от темного окна. — Поживи со мной пару-тройку недель, а?

Я была поражена. Чтобы Лелька, человек, который никогда, никого и ни о чем не просит — и вдруг?!

— Э-э... пожалуйста. Вот только со связью как быть...

— Есть там телефон …

Только тут до меня начала доходить неправдоподобность ситуации.

— Стой. Телефон — это, конечно, хорошо. Но странно как-то. Чтобы все сразу, и дом, и деньги на налог, и... В пропавшую тетку что-то не верится. Может, у тебя неизвестный поклонник объявился? Помнишь, прошлой весной один все клинья подбивал, в Италию тебя сманить пытался?

У Лельки редкая для нашего города профессия — переводчик с итальянского. Поэтому разные экзотические поклонники — от музыкантов до бизнесменов — появляются на ее горизонте регулярно. Хотя и безрезультатно.

— Не знаю. Боюсь я.

— Ты?!! — Если просьба меня поразила, то от последнего заявления я просто впала в ступор. Лелька — боится?! Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

— Ну, не боюсь, просто как-то не по себе, — уточнила Лелька. — Я ведь еще третьего дня приехала, две ночи там ночевала. Думала, все оформлю и приглашу тебя на новоселье. А сегодня с утра звонит какой-то... Я, говорит, по объявлению. Вы дом продаете? Нет, отвечаю, вы ошиблись. Потом еще один, и еще. Потом я по делам ушла и сегодня не стала туда возвращаться.

— Скорее всего, ошиблись, перепутали телефон.

— Что, все сразу? Звонили-то разные.

— Да нет, просто в самом объявлении ошибка. Дотянись до моей сумки, тебе ближе. Сейчас разберемся.

Тщательно проштудировав все объявления о продажах домов, дач и всякого прочего, я бросила газету. Лелька сняла с плиты очередную порцию кофе, поставила на стол.

— Я, кажется, заранее знала, что ты ничего не найдешь.

— Можно бы и другие газеты посмотреть, только мы в них, пожалуй, утонем...

— Мне почему-то кажется, что это не ошибка.

— Интересно… А сюда, на эту квартиру, не звонили?

— А черт его знает. Я, когда пришла, телефон отключила.

2

Нельзя сказать, чтобы я восприняла Лелькины страхи очень уж всерьез. Устала подруга, нервы разгулялись, почему не поддержать? Да и

одной в пустом доме поначалу должно быть жутковато. Хотя дом, ей-богу, просто роскошный. Первый этаж каменный, второй бревенчатый, вода, отопление (в подвале котел угольный), газ, ванна, из окон не дует, с пола тоже. Правда, похоже, что вторым этажом не пользовались лет пятнадцать, но и на первом тоже неплохо. А кухня! После наших-то шестиметровых закутков — метров двадцать пять, честное слово! И телефон такой древний, на стенке висит, вроде тех, что в коммуналках бывали. Глянув на него, я как-то сразу почувствовала себя героиней старого авантюрного романа, с которой происходят всякие неожиданности, а ей хоть бы хны, лишь улыбается слегка — истинную леди ничто не может удивить или потрясти — и, ничуть не напрягаясь, разрушает злодейские планы разных нехороших людей. Ого-го-го! Приходите, злые люди, которые пугают мою единственную подругу, вам не удастся нарушить нашего спокойствия!

Первый из визитеров на злодея был совершенно не похож. А форма капитана полиции делала его прямо-таки героем какого-нибудь крутого боевика. Хотя чего я, собственно, ожидала? Что «злодеев» украшают вампирские клыки, когти Фредди Крюгера и какие-нибудь рога?

— Станислав Андреевич, в дальнейшем можно просто Стас. — Капитан, раскрыв удостоверение, повернул его так, чтобы видно было обеим, но из руки, впрочем, не выпустил.

— Кстати, Элеонора Сергеевна, — посмотрел он на Лельку, — документы у меня потребовать надо было, когда я еще за калиткой стоял. Форму надеть и участковым представиться любой может.

Лелька глянула на меня и с неуловимой гримасой покачала головой. Значит, когда гостя впускала, имени своего не назвала. О, кей! Поразвлекаемся.

— Простите, это я Элеонора Сергеевна, — сдержанно сообщила я посетителю.

Он только усмехнулся.

— Ну-ну. А почему не королева Елизавета? Шутки, знаете ли, шутками, а работа работой.

— Э-э… — На большее меня не хватило.

— А... — Лелька, видимо, собралась что-то спросить, но сразу замолчала. Капитан смотрел на нас так по-доброму, так снисходительно — как воспитатель на способное, но чересчур резвое чадо.

— Вы ведь не считаете окружающих круглыми идиотами? Участковый должен ясно представлять свой контингент. Тем более такой приятный… — Он приподнялся, отвесил Лельке шутовской поклон. — А то мало ли кто на моем участке заведется… Мне же расхлебывать.

Вот, хоть убей, никак он не походил на участкового! Лелька, похоже, была в таком же недоумении, но пока молчала. Ну, что же, буду за хозяйку...

— Присаживайтесь, Станислав Андреевич, давайте знакомиться по-настоящему?

— Нет возражений.

— Лельку, простите, Элеонору Сергеевну, вы запомнили. Я — Рита, и некоторое время здесь поживу.

— На паспорт ваш можно взглянуть? Так, на всякий случай.

Я пожала плечами и достала из сумки паспорт:

— Пожалуйста. А вы давно в участковых?

— А вы давно в журналистах? — спросил Станислав Андреевич с той же интонацией.

— А почему вы решили, что я…

— Любопытство у вас такое, профессиональное, — усмехнулся он. — На этом участке я четвертый год…

И тут на улице кто-то отчаянно просигналил. Лелька подскочила как ужаленная:

— Дьявол! Балда дырявая!

— Стоп! Где горит? — плавно поднялся капитан, и стул — тот самый, что я и тронуть боялась, не ровен час рассыплется, — даже не скрипнул.

— Да уголь для котельной привезли, я еще вчера договорилась и забыла напрочь, — бурно объяснила Лелька, порываясь бежать сразу на все четыре стороны.

— Беги встречать, я пошла переодеваться, — внесла я свою лепту.

— Элеонора Сергеевна...

— Станислав Андреевич, давайте после закончим?

— Да я, собственно... Если вы доверите мне ключ от ваших замечательных ворот, я распоряжусь, чтобы въезжали.

— А вдруг какой-нибудь одинокой бабуле срочно потребуется участковый? — Нет, Лелька все-таки язва...

— Бог с вами, какие тут одинокие бабули? Ваша была последняя, и то здесь не жила. Ка-

кие есть, все с детьми да внуками, а так все больше всякий пришлый народ, с центральных рынков и в этом роде. Да и вообще... Я что, ушел в загул? Я работаю на участке, налаживаю контакты с местным населением... — Да, у Лельки появился достойный противник.

— Ну... — замялась она, — весьма благородно с вашей стороны. Идите командовать, а мы пока переоденемся. Только перестаньте называть меня Элеонорой Сергеевной, я пугаюсь. Лелька, и все.

— Тогда вам придется звать меня Стасом, иначе начну пугаться я. Сами понимаете, испуганный участковый уже не работник. А если вам удастся оперативно разыскать в своем гардеробе какие-никакие портки и на меня, то мы сможем разобраться с вашим углем на брудершафт, чем и скрепим всеобщее братание. — Капитан откровенно веселился.

Лелька смерила глазами высящуюся перед ней фигуру и робко проговорила:

— Я попробую... — Ой, что делается!

Минут десять мы копались в куче всевозможного тряпья разной степени элегантности.

— Как ты думаешь, это подойдет? — «Это» оказалось фантастических размеров камуфляжным комбинезоном расцветки «пустыня». — Или сказать, что ничего не нашлось?

— Ничуть не удивлюсь, если товарищ капитан станет грузить твой уголь, ну, например, в плавках.

— С ума сошла, на улице холодина!

— Не думаю, чтобы это его остановило. Их благородие, похоже, все для себя уже решили.

— В каком смысле? И вообще, что ему от нас надо? Ведет он себя... странно, тебе не кажется?

— Для участкового, может, и странно, а для молодого интересного мужика в самый раз. Ты подумай: он на участке, судя по всему, торчит чуть не круглые сутки, а контингент здесь... сплошь лица неопределенной национальности. И вот является вся из себя молодая, интересная…

— Хватит! Тебя послушать, каждый встречный-поперечный на меня глаз положил.

— Зато ты их просто-таки в упор не видишь, — оставила я за собой последнее слово.

Впрочем, «не увидеть» Стаса было вряд ли возможно. Настоящий подарок судьбы. Без него мы точно ковырялись бы с разгрузкой дня два. Угольные мужички прекрасно знали «Станислав Андреича» и, видать, слегка побаивались. Поэтому, вместо того чтобы с матом и грохотом вывалить уголек у ворот, они ели глазами начальство и делали, что оно велело.

Пока мы с Лелькой подбирали «спецодежду», Стас скоренько подготовил фронт работ: открыл подвальный люк, слазил вниз, обнаружил там угольный бункер и лоток к нему, два щита, стоявших у забора, приспособил к люку в качестве бортов... Когда уголь ссыпали в бункер, работы осталось всего ничего: так, небольшая зачистка.

Мы с Лелькой вроде обе не безрукие. Однако мне показалось, что толку от нас было чуть, больше под ногами мешались. В довершение всего Лелька, пытаясь пристроить в угол лоток от бункера, врезалась в какой-то железный кошмар, помесь мясорубки и самогонного аппарата, и дико испугалась. Стас отрекомендовал конструкцию содержательно, но непонятно:

— А... Это, надо полагать, Жорино произведение.

— Кто такой Жора, и что это за чудовище?

— Жора — предыдущий жилец, квартировал здесь прошлой зимой. А это вовсе даже не чудовище, а весьма полезная штучка.

— Штучка?!! — завопили мы в один голос.

— Ну да. Насколько я понимаю, она автоматически подает уголь в ваш водогрейный котел. Надо будет проверить, но, думаю, должно работать. Простенько и надежно. Жора вообще был мастер на все руки. Кстати, о руках. Не грех бы сполоснуться, а?

Все-таки толково этот дом построен — кроме наружного люка, в подвале имелся ход прямиком в кухню. Если придется в подвал лазить, так через кухню не в пример приятнее, чем по морозу.

К тому моменту как закипел чайник, в окно застучали капли. Сначала редко, но уже через пару минут их удары слились в один сплошной неровный гул. Лелька выглянула во двор и вздохнула:

— Надо же, как вовремя успели. Насколько я помню, мокрый уголь — это нехорошо. Он, кажется, высыхая, слеживается так, что не расколотишь. Спасибо капитану…

Она не договорила, так как в дверях кухни появился Стас, и мы ринулись изображать хозяйственное рвение. Капитан посмотрел на нашу суету несколько скептически, однако от чая не отказался. Впрочем, думаю, уже минут через пять он об этом пожалел. Не так-то легко вынести атаку двух рьяных девиц, которым приспичило узнать все, что можно: что за дом, кто жил в нем, да когда, да как...

Стас отвечать на наши вопросы не отказывался, но и особого энтузиазма не проявлял.

— Да я и сам не много знаю. Хозяйку никогда не видел, а Жора снимал здесь первый этаж. Нормальный мужик, лет сорока, худой такой, молчаливый. Приехал, дай бог памяти, кажется, из Воронежа, жил всю зиму, с прошлого августа. Представился художником, мол, на этюды приехал, что-то ему там иллюстрировать заказали. Рисовал и впрямь здорово...

— А сейчас он где? — воскликнули мы хором.

— Да бог его знает...

— В каком смысле?

— Ну... в каком... Георгий Степанович Сивков недавно пал жертвой автомобильного наезда и от полученных травм скончался на месте.

— Что?!

— А чего это вы так вскинулись? — хмыкнул участковый и весьма к месту процитировал Булгакова: — Человек «иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!» Никакого криминала, шел себе прохожий по обочине, случайная машина стукнула, причем неудачно, он отлетел к фонарному столбу, ударился головой, ну, вот... — пожал плечами Стас и добавил: — Что тут особенного?

Мы с Лелькой переглянулись: товарищ капитан либо врет, либо уж чересчур наивен, либо нас осаживает, чтоб не лезли, куда не следует. Как же! Странная тетка, совершенно ненатуральное наследство, непонятный жилец, который, к тому же, гибнет хотя и вполне обыденной, но какой-то совершенно неправильной смертью... Нет, воля ваша — многовато для простых совпадений.

3

С ума сойти! Одиннадцатый час, а я только потягиваюсь. Не-ет, те, кто работает «с девяти до пяти», и предположить не могут, насколько это здорово — свободное воскресенье. А вот у журналистов и рабочий день, и неделя ненормированные, да и Лельке с ее редкой в нашем городе

франко-итальянской специализацией постоянно какие-то переводы подбрасывают, а она, ясное дело, не отказывается. Когда это матери-одиночке деньги лишними были? Да и не матери, честно сказать, тоже...

Мы столкнулись на пороге кухни. Лелька, не открывая глаз, мурлыкнула:

— Я там кофе поставила, последишь? — и удалилась в ванную.

Несмотря на преклонный возраст дома, сантехника была в полном порядке. Видимо, благодаря неизвестному Жоре. Основательным, однако, он был жильцом, не всякий хозяин так выкладывается. И все-таки, что же это за непонятный Жора? Тихий, интеллигентный, золотые руки, художник... Какая-то мысль бродила в сонном мозгу и никак не желала выбраться на поверхность для более ясного рассмотрения. Кого же мне этот Жора напоминает?..

Додумать не дали. Телефон раскатился дребезжащей трелью, так что затряслась стенка, на которой он висел. И еще ухмылялся при этом, собака! Ей-богу, ухмылялся и подмигивал отбитым уголком. Ну, я им сейчас объясню, что такое трезвонить, ни свет ни заря, да еще в воскресенье!

— Да, слушаю вас.

— Здравствуйте, я по вашему объявлению... Вы дом продаете? — А голос ничего, приятный такой баритон.

В ответ я промычала что-то невнятное. Обычно я до первой чашки кофе функционирую со скрипом, поэтому очень хотелось буркнуть «нет, вы ошиблись» и повесить трубку. Но раз уж мое фирменное любопытство взыграло, разбираться в тайне загадочных звонков придется. Хотя бы для того, чтобы убедиться: ничего загадочного на самом деле нет, обычная ошибка, кто-то номер телефона перепутал. Правда, я вчера все мыслимые и немыслимые газеты про-

смотрела — за последние две недели ничего похожего не нашла. Но рекламных газет у нас миллион, могла что-то и прозевать…

Баритон, видимо, принял мое мычание за согласие.

— Сколько вы за него хотите?

Может, сказать — миллион, пусть отстанет? Ладно, прикинемся блондинкой, это всегда помогает.

— Знаете, я еще не очень хорошо ориентируюсь в ценах... Сколько вы можете предложить?

Вообще-то таких вопросов не задают, но баритон, похоже, не удивился:

— Десять тысяч.

Как мило… Даже банальная «единичка» стоит вдвое больше… Десять — абсолютно несерьезно.

— Я не поняла, вы хотите купить дом или одну комнату?

Вот тут мой собеседник, кажется, слегка опешил. Во всяком случае, замолчал минуты на полторы.

Я тем временем вытащила воткнутую за телефон открытку с каким-то южным морским пейзажем — видимо, от того самого настойчивого поклонника из Италии. Конечно, чужие письма читать нехорошо. Но я ведь и не читала — текст на обороте был на итальянском. По крайней мере, в обращении красовались «belissima» и «carissima». Еще одно знакомое слово мелькнуло в самом конце — что-то вроде «more». Итальянского я, конечно, не знаю, но три с половиной латинских фразы все-таки помню. Типа «memento more». А итальянский — та же латынь, так ведь? Значит, «more» — смерть. Как интересно…

Может, мой собеседник тоже умер? Сколько можно молчать?

— Вас не устраивает эта цена? — гляди-ка, живой. А теперь я помолчу...

— Алло, вы меня слышите?

Какой упорный… Может, это и не ошибка? Есть же еще посредники: агентства, маклеры и прочая околоквартирная публика. Вежливы, выдержанны, и в попытках сбить цену их терпение безгранично.

Еще минут пять мы ходили вокруг да около. Право, пора заканчивать беседу. Да и кофе сейчас сбежит.

— Извините, — произнес, наконец, вежливый баритон и отключился.

Что-то не то в этой беседе, только понять не могу — что.

Лелька на сообщение о звонке только рукой махнула:

— Да ну, надоели, все — как под копирку.

— А голоса хоть разные были?

— По двум фразам разве разберешь? Но в целом звонки, как по шаблону...

— По шаблону, по примеру, по указанию... О! — От моего рывка старенький диванчик жалобно скрипнул. — Вот что мне показалось стран-

ным: покупатели так не разговаривают. Ни те, кто сами по себе, ни посредники. Он вообще не покупатель…

— Ты думаешь? Может, просто сбивал цену?

— Не знаю… Если это все-таки маклеры — может быть.

— А если в следующий раз взять и запросить, скажем, сто тысяч? Или миллион? И посмотреть на реакцию?

— А вляпаться не боишься, подруга?

— Ты полагаешь, лучше до бесконечности отвечать «вы ошиблись» — а то они сами не знают, что никто ничего не продает? Надоест им слушать мои «нет», могут еще что-нибудь придумать, уже не такое цивилизованное...

— Логично. Сто тысяч за такой дом — цена не запредельная, но и не бросовая. А свет клином на нем не сошелся. То есть, если это просто какие-то маклерские махинации, максимум, что нам грозит, — попытка цену сбить. Ну, что ж, давай экспериментировать.

— В общем, доктор сказал «в морг», значит, в морг, — согласилась Лелька. — Сама виновата. Могла и плюнуть на это наследство. Что ж, будем играть теми картами, которые сданы, а при случае собственную колоду из рукава достанем, точно?

Вот за что Лельку люблю, так это за своевременный юмор и неиссякаемый оптимизм…

4

Очередной звонок не заставил себя ждать. На этот раз звонила дама. Сто тысяч ее не напугали, она тут же изъявила желание как можно скорее подъехать посмотреть дом. Лельке пришлось изобретать срочную командировку. Дама немного огорчилась, но согласилась неделю подождать.

Мы уселись друг против друга, вцепившись в кофейные чашки, как в спасательные круги.

— Ну, и что им всем от твоего дома надо?

— Ты говоришь, этот... с которым ты разговаривала, не изъявлял желания посмотреть? А может, он просто слегка обалдел? Я-то всем отвечала «вы ошиблись».

— Стоп, давай по порядку. Версию о том, что кто-то, давая объявление, перепутал номер телефона, отметаем, потому что скучно. Да и непохоже.

— Ты думаешь, объявление действительно было?

— Может — да, может — нет, по-моему, это не принципиально. Для пущей убедительности легенды можно было и настоящее объявление дать. Поди потом, доказывай, где что перепутали.

— Чтобы дать объявление, положено предъявить какие-никакие документы на владение, разве нет?

— Ничего не положено. Мое объявление, что хочу, то и предлагаю, хоть Бруклинский мост. А могли полениться. Или побоялись, вдруг кто-то левый прочтет и в самом деле купить дом пожелает. Впрочем, ладно. Остановимся на махинациях с недвижимостью. Что надо, чтобы домик этот выгодно приобрести? Дать поменьше, выручить побольше. После некоторых усилий люди получают требуемый объект за подходящую им цену. Простенько и действенно, только зачем? Мне, например, до сих пор непонятно: действительно кто-то пытается купить именно этот дом или так, мозги крутят?

— А что? Хорошо сохранился, самый центр города... Вряд ли здесь так уж много домов на продажу. Помнишь, что капитан сказал?

— Помню. Здешние владельцы — либо бабушки-дедушки с детьми и внуками, которые живут тут уже в третьем-четвертом поколении, либо — торговцы с трех центральных рынков. Не знаю, как семьи, а те, что с рынка, продадут и не поморщатся, только цену подходящую дай.

— Мало ли... Дом-то большой и в очень приличном состоянии, таких немного. Отремонтировать и открыть... ну, казино там, офис или что-то в этом роде...

— Вот-вот, дом свиданий.

— Хотя бы.

— Слишком уж замысловатый способ. Выкупить какую-нибудь развалюху, и отстроить ее заново — думаю, дешевле выйдет. Дом-то хоть и большой, но обычный. Был бы дворянский особняк... И, знаешь... у меня впечатление, что занимаются этим отнюдь не те люди, которым приспичило открыть казино. Методы не те. Уж очень изысканно. Кто-то мозгами шевелит.

— Тогда... значит, дело в самом доме?

— Похоже на то…

— Клад! — страшным шепотом просвистела Лелька.

— Мысль недурна. А почему нет? Дом старый, центр города, тут после революции знаешь, что творилось? Шанс, во всяком случае, есть.

— Драгоценности?

— Ага, бриллианты короны. Причем испанской. Надо что-нибудь попроще. Ну, скажем... Чекисты тоже прятали реквизированное... Да нет, все равно слишком сложно. Почему именно этот дом? Такие «клады» можно искать систематически, во всех домах по всему центру города. Да и не станут бандиты искать никакие клады.

— А почему, собственно, бандиты?

— И в самом деле... А кто?

— Да кто угодно. Какой-нибудь архивариус наткнулся на документы, неоспоримо указывающие...

— Тебе так и хочется, чтобы это оказались бриллианты испанской короны?

— Ну, может, не бриллианты...

— А если что-то банальное вроде двух десятков николаевских червонцев, так этого ни в каких документах не отыщешь. О таком открыто в письмах не упоминали. А тайные послания — это, ей-богу, чисто детский сад. Ненатурально.

— Можно подумать, остальная история вся такая натуральная!

— Н-да, это верно. Вот что. Давай-ка устроим нынче генеральную уборку? Дело вообще благое, а вдруг, глядишь, чего и попадется...

В кладовку мы, конечно, не полезли, хотя и выглядела она весьма перспективно. Комнатка метров на двенадцать, точнее определить размер мешали охватывающие ее стеллажи со всяким барахлом: какие-то свертки, ящики, старые журналы, посуда и старинный «Зингер» без лапки. Посередине кресло-качалка исполинских

размеров с прогнившим сиденьем. Ну, и вокруг кресла всякая «мелочь». Например, цинковая детская ванна, наполненная садовыми инструментами, детскими игрушками и гнилыми валенками.

На обследование этого завала требовался не один день, а, по крайней мере, неделя. К тому же главной задачей была все-таки уборка. Лелька, вселившись, правда, навела некоторый порядок, но вот именно что некоторый. Жить в доме стало вполне можно, однако натыкаться постоянно на всякие банки, газеты, сломанные ножницы и скукоженные ботинки — удовольствие ниже среднего. К счастью, в кладовке нашлось несколько подходящих коробок, чтобы собрать весь этот хлам и выволочь его... ну, хотя бы во двор. А потом поискать в окрестностях подходящую свалку.

Часа через четыре, разобравшись с хламом и сгрузив у стенки сарая пять коробок, мы решили сделать перерыв, дабы с должным тщанием и удовольствием изучить ту добычу, которая выглядела заслуживающей внимания.

Основную массу трофеев составляли всякие «штучки»: полдюжины необыкновенной формы пузыречков, коробка с пуговицами, кольца для салфеток, оловянный узорчатый нож для разрезания бумаг, зеркало, настолько же прелестное, насколько слепое, обувной рожок с головой льва и пригоршня заскорузлых от древности ключей — пустяки, обладающие какой-то ценностью лишь благодаря своему возрасту.

К полезным предметам следовало отнести ручную кофемолку, две престарелых пепельницы, порядком заросших грязью, сказочной красоты шелковую не то шаль, не то скатерть и три невероятно пыльных, но совершенно целых овчины. А пошуровав под топчаном шваброй, мы извлекли на свет невероятное количество конфетных фантиков, две сломанные авторучки и некоторое количество фотографий — старых, еще черно-белых, точнее, коричневых. И, наконец, в последнюю очередь — альбом, из которого они высыпались.

Преисполненная уважением к минувшему, я принялась запихивать «предков» туда, где им полагалось находиться. И увидела знакомое лицо. Лелька в белом платье, опираясь на плечо элегантного молодого человека, балансировала на каком-то парапете — кажется, это была наша набережная. На снимке она выглядела настоящей кинозвездой, а вот платье я видела впервые. Судя по его цвету — Лелька не терпит белого — снимок был свадебный, меня как раз в этот момент в городе не было.

Так… А элегантный молодой человек, должно быть, жених? Хотя… Помню я лелькиного мужа, пусть и не очень уверенно… Как бишь его — Виталик? Володя? Валера? Он, что ли? Хотя вроде не похож.

— Нет, конечно, — развеяла мои сомнения Лелька. — Это приятель его, тоже адвокат. Я с этой командой не общаюсь. Но чудно, а? Откуда здесь

моя фотография? Значит, действительно тетя? Надо мамуле эти снимки показать. Только странно…

— Что именно?

— Замуж я выходила, когда отца уже похоронили. А тетка была отцовская, мамуля с его родственниками не общалась. Так откуда у отцовской тетки моя свадебная фотография? Или я чего-то путаю? — Лелька на минуту призадумалась, затем приняла решение. — Слушай, поеду Дениса навещать, напомни, чтобы я этот альбом прихватила, может, мамочка кого опознает.

Ничего более интересного, с точки зрения информации, в доме не нашлось. Ни старых писем, ни зашифрованных записок, которые так облегчают жизнь литературным кладоискателям. Обидно, да? Может, все-таки надо было начинать с кладовки? Или мы вообще зря всполошились?

5

Понедельник не задался с самого утра. Точнее, с ночи — опять мерещился тот же шум с музыкальным сопровождением. Может, у меня крыша поехала? Или просто привычка жить в большом доме сказывается? Скорее всего, тут вода в трубах шумит или мышки в подполе возятся, а мне кажется — «соседи мебель двигают». И шум-то не особенно громкий, но почему-то начинаешь вслушиваться, и сна как не бывало. Проворочалась полночи, в результате проспала, не успела застать нужного человека в одном месте, пришлось ехать в другое через полгорода. Выбегая на полной скорости из калитки, едва не врезалась в припаркованные у обочины джип-чероки и «восьмер-

ку». По закону общемирового свинства, они, конечно, выбрали для стоянки единственное сухое место. Дальше вдоль обочины разливалась лужа типа миргородской: обойти долго, перепрыгнуть на первый взгляд можно, но...

Вот именно, что «но». Разумеется, я влетела в лужу по самую щиколотку, пришлось возвращаться, не ходить же весь день в мокрых туфлях. Ну, и поехало…

Переделав до обеда кое-какие дела, я собралась на последнюю в этот день встречу и обнаружила, что дискету с рекламным текстом забыла. Вот еще напасть! Заказчики — люди святые, они нас кормят, и обижать их нельзя. Отговорившись срочным редакционным заданием, я сдвинула встречу на час и понеслась за дискетой.

Интересно... В нашу калитку входили два каких-то типа. Один — в кожаной куртке, с очень короткой стрижкой, другой походил, пожалуй, на банковского работника, причем не простого клерка, а рангом повыше. Только лицо у него было, пожалуй, совсем не «банкирское»: сухое, почти треугольное, и глаза... никакие. Сладкая парочка, в общем.

Неужели я забыла закрыть калитку? Да нет, помню, что, переобувшись, еще минуты две воевала с ключом. Странно…

К моему появлению визитеры отнеслись без особой радости, но, в общем, спокойно:

— Вы хозяйка?

— Нет, ее сестра.

— Сестра?! — почему-то изумились гости.

Первым сориентировался «охранник»:

— Мы... собирались посмотреть дом...

«Банкир» легким кивком подтвердил реплику спутника.

— Был разговор с вашей... сестрой о покупке этого дома, надо ознакомиться... Я понимаю, мы повели себя несколько бесцеремонно, но не сердитесь. Проезжали мимо, решили заглянуть на всякий случай. Калитка была приоткрыта, вот и зашли. Извините за вторжение. Может быть, вы найдете немного времени и покажете дом?

— Мне кажется, будет лучше дождаться появления хозяйки. — Никогда мне не удавалась роль светской дамы, и сегодняшняя ситуация не стала исключением.

— Когда она появится?

— А вы позвоните.

Отодвигать меня с дороги визитеры, видимо, постеснялись…

Вечером я завалила Лельку свеженькими новостями.

— ...а уехала эта парочка на том самом джипе.

— И что дальше?

— Да ничего. Меня же заказчик ждал. Кофе глотнула, дискету схватила и понеслась. Кстати, «восьмерка» тогда еще стояла, а когда я вернулась, ее уже не было. Я только не понимаю, зачем им понадобилось дожидаться моего возвращения. Времени у них было часов пять. Вот если бы я их внутри застала... Но ведь точно видела, как они в калитку входили.

Лелька потянулась так, что хрустнули суставы, кажется, сообщение о посторонних визитерах ее не взволновало, точно и не касалось вовсе.

— Умоталась... Слушай, ты в кладовку не заходила?

— Нет.

— Значит, в доме они тоже побывали, — сообщила она таким тоном, каким говорят «Волга впадает в Каспийское море».

— Даже так? — поинтересовалась я куда менее безразлично. — С чего ты взяла?

— Там проем слегка перекошен. Дверь надо приподнять и сдвинуть, иначе толком не закрывается. Я вчера собственноручно закрыла как положено, а сейчас она просто прикрыта.

Оставив Лельку наслаждаться жареным карпом, я отправилась обследовать кладовку. Дверь действительно закрывалась с трудом.

Внутри на первый взгляд все было попрежнему. На второй тоже. Кресло, ванна с железяками, стеллажи с барахлом... Лампочку бы надо заменить, светит еле-еле, не видно ни черта, тени какие-то. Тени? В углу потолка на штукатурке обрисовался прямоугольник примерно метр на два. Для люка великоват, хотя... Я выскочила из кладовки и полезла на второй этаж. Лелька, появившаяся в дверях кухни, с интересом наблюдала за моими передвижениями.

— Ты чего гремишь?

— Пока не знаю, тут что-то непонятное.

На втором этаже место над кладовкой, туалетом и частью прихожей было пустым, что-то вроде холла. Если бы лестница шла по другой стороне, то должна была упираться как раз в тот самый прямоугольник. По ширине они совпадали.

Выключатель не работал, видимо, Жора сюда не добирался, а у Лельки пока руки не дошли. К счастью, весь угол занимали два сомкнутых окна, а на улице еще не совсем стемнело. Здесь прямоугольник просматривался лучше, чем на потолке кладовки. Развернувшись, я едва не сшибла Лельку, которая уже стояла наверху лестницы, прямо за моей спиной.

— Ну, что там?

— У меня такое впечатление, что лестница шла вдоль другой стены, а потом ее перенесли. Видишь, посередине доски длинные, а здесь как на кусочки порезаны?

Лелька, опустившись на колени, начала разглядывать пол:

— И сделали это не год и не два назад. Хоть и темно, а понять можно: грязь в щелях, по меньшей мере, двадцатилетняя, и края обтертые.

— Ну, и что с этим делать? — спросила я, потому что совершенно не представляла, кому и зачем может понадобиться передвигать лестницу.

— А черт его знает! Даже если с этим что-то связано, я вряд ли ринусь переносить ее обратно… — Лелька задумалась. — Может, если поспрашивать соседей, у кого-нибудь металлоискатель найдется? У тебя вояк знакомых нет?

Идея поиска клада, видимо, захватила романтическую Лелькину душу целиком. Да и мне, чего греха таить, было любопытно. В пользе миноискателя я сомневалась — клады разные случаются, — но делиться своими сомнениями не стала.

— Саперов нет. А почему, собственно, вояк? И черные археологи с миноискателями ходят, и… Да спроси у этого, как его, у Анискина.

— У Стаса? Объяснять придется… — Лелька недовольно сморщилась.

— А ты не объясняй. В конце концов, может девушке металлоискатель потребоваться... на всякий случай. Похоже, ты всерьез решила заняться кладоискательством?

— А что, завидно? — ответила вредная Лелька и показала мне язык.

6

Ну, почему всегда так — как что-то интересное, так непременно мимо! Вот обижусь на весь свет и...

Тип, сподвигнувший меня на такие размышления, сделал шаг назад и оказался у меня за спиной. Не вертеться же следом на радость всей автобусной остановке. Но какие глаза! Сказка! При чернющих ресницах синие, переходящие в зелень, или, наоборот, зеленые в синеву. Как, простите за банальность, глубокая волна. Или… Мои колористические рассуждения прервались появлением автобуса.

Минут через десять, когда толпа в очередной раз повернула меня, я обнаружила обладателя фантастических глаз совсем близко от себя и решила, что вселенскую обиду можно пока отложить.

Увы, «экземпляр» не обращал на меня никакого внимания. А мог бы, хоть из вежливости. Несколько раз мне казалось, что глаза обратились, наконец, на меня. Но нет, ничего подобного, глядит куда-то в пространство. Грубиян!

Второй раз я заметила «объект с глазами» часа через три. В автобусе — уже совсем другом — было не в пример свободнее. «Объект» стоял у самой двери и опять не обращал на меня никакого внимания!

В третий раз он обнаружился в супермаркете, где я покупала сыр. Вот еще новости! Разные совпадения в жизни случаются, но чтобы трижды за день пересечься на абсолютно непредсказуемом маршруте... У нас, знаете ли, не такой уж маленький город.

Может, он в самое сердце сражен моей неземной прелестью и теперь преследует объект внезапно вспыхнувшей страсти, а не подходит по причине неодолимой робости?

Конечно, все бывает, в том числе и страсть. Вот только мой «сопровождающий» никак не походил на того, кто способен испытывать хоть какую-нибудь робость. И вообще, нынче «робко» преследуют объект либо маньяки, либо…

Да, я слишком много читаю детективов. Но не могут эти «встречи» быть случайными. Не могут, и все. Вот только, если это настоящая слежка, то почему за мной, а не за Лелькой? Надо бы узнать у нее, за ней-то следят?

— Лелька! Какой сегодня за мной экземпляр ходил!

Попытка успехом не увенчалась. Лелька, упоенно отковыривавшая обивку с кресла-качалки, только мотнула головой в сторону кухни:

— Потом расскажешь. Я там котлеты пожарила, а то каждый день рыба, у меня, кажется, скоро жабры отрастут. Лучше погляди, какая прелесть! Тут и починка всего никакая нужна. Представляешь, какой будет класс!

Я еще раз попыталась рассказать про преследователя, однако Лелька только пожала плечами:

— Вот и хватит меня подкалывать, что на меня все западают — сама такая. А я зато придумала, как на звонки отвечать.

— Ну?

— Я говорю, что это ветеринарная лечебница, и ни про какой дом никто ничего не знает.

— Гениально! А я буду говорить, что прокуратура.

Мы дружно посмеялись, с нетерпением оглядываясь на телефонный аппарат, но тут Лелька покачала головой и разбила все планы весьма резонным замечанием:

— Только они уже второй день не звонят.

— А ведь точно. Интересно, что бы это значило? Не бросили же на полдороге. Наверное, решили сменить тактику. Не боишься, что еще чего придумают?

— Вот пусть сначала придумают, потом и мы придумывать начнем, — парировала бесстрашная Лелька. — Стас вчера телефон оставил, велел звонить в любое время.

— Ты ему рассказала? — удивилась я.

— Нет, конечно! Просто пожаловалась, что, кажется, попала в поле зрения квартирных мошенников.

— Ну и?

— Пожал плечами и сказал, что, поскольку я не восьмидесятилетняя одинокая бабуля, значит, особо опасаться нечего.

— Погоди, откуда он вообще взялся?

— Да так, зашел спросить, как дела, не надо ли помочь.

— Ну-ну, моя милиция меня бережет. А металлоискатель не спрашивала? Или передумала?

— Вот еще, передумала! Если тут что есть, найду, иначе всю жизнь себе этого не прощу. Спросила, он обозвал меня Томом Сойером, но обещал достать. Иди уже ешь и не морочь мне голову!

Однако спокойно поужинать не удалось. Едва я успела справиться с половиной котлеты, из прихожей раздался посвист, которого не постыдился бы даже Соловей-Разбойник, и затем вопль:

— О-е!

Решив, что Лелька съездила молотком себе по пальцу, я вышла посмотреть, вдруг медицинская помощь потребуется. Подруга сидела на полу возле кресла и держала в руках что-то вроде кожаной тетрадки. Или альбома. Когда я подошла, она как раз «это» открыла. Тут присвистнула уже я. Находка делала кое-что более понятным, а кое-что — менее.

— Та-та-та! Судя по блеску и разнообразию, это Жорино наследство. Вряд ли такое было во времена прежних жильцов. Только бормашины не хватает. Художник, говорите?

— Ты про что?

— А это, видишь ли, в кармашках гравировальные инструменты. Штихели называются.

— Та-ак. Для полного счастья не хватало только фальшивомонетчиков.

— Почему фальшивомонетчиков?

— Ну… я что-то где-то читала… А кто еще такими пользуется?

— Я думаю, что как раз фальшивомонетчики-то ими уже не пользуются. Другие времена, другая техника. Компьютеры и все такое. Хотя… мысль, безусловно, интересная.

Еще интереснее было то, что ни мне, ни Лельке не пришло в голову посоветоваться по поводу находки с какими-нибудь официальными лицами, ну, хотя бы с тем же Стасом. Беззаконные мы с ней все-таки личности…

7

Та-ак. Терпение мое иссякло. Если это действительно крысы, я сейчас им хвосты поотрываю.

Голыми руками. И на шею бантиками повяжу, чтоб неповадно было. Сколько можно — как спать ложишься, так начинается шурум-бурум.

Я прислушалась. Моя кровать стояла у наружной — примыкающей к сараю — стены, так что шум раздавался прямо у меня над ухом. Действительно, пора уже разобраться — то ли мне мерещится, то ли у нас в сарае стадо бегемотов бальным танцам обучается.

Выглянула в окно. Вот пропасть! Из сарая просачивался слабый свет. Да, пожалуй, придется побеспокоить любимую подругу.

— Лелька, ты спишь?

Лелька возлежала на диване в окружении полудюжины словарей и вовсю чего-то там переводила. В этой комнате шума слышно не было.

— Извини, что отвлекаю, но в сарае опять что-то шебуршит.

— Может, все-таки мышки? — с явной неохотой оторвалась она от лингвистических изысканий.

— Ага, громкие такие мыши. И удивительно сообразительные — с фонариками.

— Вот черти, работать не дают! — Выглянув в окно, Лелька призадумалась. — Может, сходить посмотреть?

— А если мышкам не понравится, что их возня кого-то заинтересовала?

— Н-да, рискованно, — согласилась Лелька. — Ладно, не так еще и поздно. Следи в окно, я пойду Стасу позвоню.

Стоя у окна, я пыталась сообразить, что делать, если «мышки» сейчас решат удалиться. Поднять шум, авось испугаются? Вооружиться сковородкой и прыгать на них с криком «банзай»?

Стас появился где-то спустя полчаса. Влез в кухонное окно, благо оно выходило на противоположную от сарая сторону, зашел в мою комнату, послушал, посмотрел в окно…

На крышу сарая он, конечно, не полез. Погасил везде свет, абсолютно беззвучно — мне за неделю этого не удалось ни разу — открыл входную дверь и просочился наружу. Мы с Лелькой двинулись следом.

За углом сарая маячила темная фигура, метра под два ростом. Или это со страху показалось?

В долю секунды Стас оказался возле фигуры, неуловимым движением усадил ее на землю и включил свой фонарь — прямо злоумышленнику в лицо. Ай, да участковый, ай, да Анискин! А фонарь? Да это прямо прожектор ПВО какой-то! Фигура ойкнула, прислонилась к стене и зажмурилась, а наш бравый капитан неожиданно отпустил парня и отвел фонарь чуть в сторону:

— Михаил? Ты чего это колобродишь, народ пугаешь? По ночам спать надо. Не сильно я тебя?

— Станислав Андреевич? А... мы... извините...

Станислав Андреевич не стал дожидаться, пока «жертва» сформулирует свою мысль.

— Там Игорь с Витьком? — мотнул он головой на дверь сарая, откуда пробивался слабый свет.

— Ну! — Михаил попытался встать, с первого раза у него не получилось, он поморщился, потер бок. Капитан, не скрываясь, шагнул внутрь сарая, мы за ним. При свете фонаря, висевшего на стенке, двое стриженых парней не то собирали, не то разбирали какое-то железо. В углу стопкой лежали три-четыре гимнастических мата. Стас присел на них и укоризненно покачал головой:

— Нехорошо, ребята... В чужой дом, без приглашения... Спать людям мешаете... Игорек, положи железку, тяжело ведь.

— Станислав Андреевич, да мы ничего плохого... Мы хотели по-тихому все убрать. Блин! — вдруг воскликнул паренек. А ведь и вправду блин! Предмет, который он уронил себе на ногу, действительно оказался блином от штанги. А он ведь тяжеленный!

Среди остального «железа» столь же явно просматривались элементы импровизированного тренажерного зала: стойка под штангу, еще стопка блинов, седло от «велосипеда»...

— Нас еще Жора пустил, мы ему не мешали. И Валя тоже...

— Какая еще Валя? — среагировала я на появление нового имени.

Мой вопрос, однако, остался без ответа. «Мальчики» предпочитали обращаться к хозяйке:

— Да мы за день все уберем, правда, не сердитесь.

— Погодите, народ, вы тут железо таскали? Тренировались? — заговорила Лелька.

— Ну да, а где же еще? В качалке дорого, да и ездить далеко. А у нас у всех сараи барахлом разным забиты...

— А зимой как же? — не унималась дотошная Лелька.

— Тут от дома тепло, только когда больше пятнадцати, тогда холодно, железо мерзнет.

— Мальчики, объясните, почему, когда вы тут пытались убирать, мне музыка мерещилась? — Меня действительно это страшно занимало.

— Она не мерещилась, мы думали, с ней не так заметно будет. Ну, чтобы заглушало… Мало ли… Какая-то музыка, откуда-то доносится...

— Потрясающе... — покачала головой Лелька.

— Леля, вы их не ругайте, — вклинился в диалог Стас. — Мальчики очень приличные, да и помочь могут, если что. Ну там, забор починить, шкаф подвинуть, руки у ребят из нужного места растут, сами видите. — Он широким жестом обвел обстановку импровизированного зала. — И живут рядом. Михаил — за вашим домом, только его ворота не на Губернаторскую, а на Речную выходят, а эта парочка чуть подальше. Может, они вам и не будут мешать? Вы ведь все равно сараем не пользуетесь?

— Да я вовсе не собираюсь их выгонять, пусть занимаются, только... можно нам с Ритой тоже?

Игорь с сомнением поглядел на нас. Ну, естественно, я и сама габаритами не отличаюсь, а Лелька и вовсе нежное создание. Но она уже «загорелась». А когда Лелька «вспыхивает», на чужие сомнения ей плевать.

— Думаете, только вам хочется поближе к дому заниматься? У меня сынишке пять лет, ему тоже не вредно будет, а то кожа да кости. Под вашим руководством, а? — Спортсмены от счастья потеряли, похоже, дар речи — только закивали наперебой. Лелька полюбовалась немой сценой и махнула рукой: — Пошли чаю попьем, а то у нас с Риткой еще работы навалом. Только вы уж сегодня не шумите, ладно? Завтра по свету придете и займетесь. Вам ведь ключ от калитки не нужен?

— Нет, — опомнился Михаил, уже переставший держаться за бок. — Там у забора доска сдвигается.

— Ну, вот и ладушки. — Лелька первая скользнула в дверь.

В процессе опустошения пятилитрового чайника — кстати, тоже трофей знаменитой Генеральной Уборки — удалось выяснить, что «Валя» был вовсе не тетей, а дядей Валерой, водил знакомство с Жорой, приходил к нему, даже жил тут некоторое время. Стас, на котором аккурат в это время висели разборки между местными и пришлыми — «рыночными» — жильцами, в подробности не вникал. Мужик, то есть «Валя», вроде приличный, проблем не создавал, чего цепляться. Все лучше, чем пустой дом на участке. Документы на всякий случай проверил — правда, фамилию уже забыл — и все.

«Дополнительный» жилец, да… Это объясняло, почему «те, кто» (не знаю кто, не знаю, чего им надо, но чего-то ведь добиваются) пристали

к дому именно сейчас. После смерти Жоры можно было пирамиду Хеопса очистить, не то что один дом. А вот с посторонним жильцом — это вряд ли.

Что же им тут нужно, и кто такой Жора — хозяин содержимого или еще один посторонний жилец? На его личность в процессе чаепития не пролилось ни малейшего светлого лучика.

Проводив гостей, мы дружно решили сварить еще и кофейку. Перед ночным авралом. Работа, знаете ли, должна быть сделана, невзирая ни на какие приключения. Хотя, нельзя не признать, вечер и так выдался на удивление плодотворный. Лелька долго молчала, уткнувшись в чашку и забавно наморщив лоб, а потом вдруг изрекла:

— А тебе не кажется, что подвал слишком маленький? Меньше половины дома.

Понять-то, я ее поняла, но восторга сие понимание не вызвало.

— Лелька! — простонала я. — Тебе что, мало на сегодня? Мне-то чуть доделать осталось, на час работы, но ты-то, похоже, в самой середине?

— Ну, мы быстренько, а, Рит? Не может же быть, что под половиной дома подвал, а вторая половина глухая.

Вот ведь неугомонная! Вынь да положь клад, и все тут. Я вздохнула и подытожила:

— У тебя явно золотая лихорадка в острой форме. Ладно, больным, говорят, надо потакать, полезли.

Спустившись в подвал, мы тщательно осмотрели внутреннюю стену. Полстены занимали водогрейные конструкции, очевидно, намертво к ней приклепанные, остальная половина выглядела чинно, благопристойно и не имела ни малейших признаков каких-то дверей.

Признаться, все это «кладоискательство» мне уже порядком надоело. Но Лелька не унималась.

— А ты заметила, сколько в этом доме вторых дверей? В угольный подвал две дырки,

в мою комнату из-под лестницы можно войти, даже черный ход есть, хотя и заколочен.

— И что ты предлагаешь? Разобрать лестницу и поискать под ней? Прямо сейчас?

— Нет, прямо сейчас у нас, наверное, не получится, — убитым голосом согласилась Лелька.

8

На следующий день, едва выйдя из дому, я начала высматривать вчерашнего «преследователя». Увы! За весь день поблизости не мелькнуло никого, хотя бы отдаленно на него похожего. Ни на остановках, ни в транспорте, ни в магазинах, не говоря уже про редакцию. Жаль!

Из редакции я позвонила знакомым ребятам из пресс-центра областного УВД и попросила связать с кем-нибудь, кто занимается фальшивомонетчиками, дескать, хочется сориентироваться в ситуации. Уж очень мне не давала покоя вчерашняя находка. Я, естественно, не собиралась про нее рассказывать, но хотелось проконсультироваться. Об очередной крупной партии фальшивых долларов вторую неделю твердили и радио, и ТВ, так что мой интерес особого удивления не вызвал. Восторга, впрочем, тоже: «Ну, Рит, для печати пока ничего, все сырое, а поговорить и прояснить ситуацию есть с кем, только подожди пару дней, один человечек появится, я тебя с ним свяжу». Спасибо, хоть совсем не послали.

Вернувшись домой, я обнаружила у ворот знакомую «восьмерку», и, открывая калитку, услышала чей-то раздраженный голос:

— Вы совершенно определенно обещали!

На крыльце стояла растерянная Лелька, а напротив — такая вся из себя дама. В белом льняном костюме с бледно-лиловым шейным платком и в фиолетовой шляпке. Дама возмущенно выговаривала бедной Лельке:

— Вы твердо сказали сто тысяч, а теперь начинаете крутить! Я не позволю так с собой обращаться! У меня есть свидетели!

— Мадам, насколько мне известно — а мне известно, можете поверить, — Элеонора Сергеевна ничего не подписывала, так что она имеет полное право передумать, это вам любой юрист скажет, — вмешалась я в разговор, попытавшись помочь подруге.

— А вы вообще молчите, вы тут никто!

За моей спиной вдруг послышался слабый скрип. Обернувшись, я увидела, как сквозь дыру в заборе лезет чья-то спина. Главное, убедительно

так лезет, аж забор трещит. Очутившись на нашей территории, спина повернулась и оказалась Михаилом, держащим в руках немыслимых размеров арбуз.

— Вот, это вам.

Дама, смерив «группу поддержки» уничтожающим взглядом, ретировалась. Лелька хотела подхватить арбуз, но Михаил виновато покачал головой:

— Не, он тяжелый, я сам. — Отнес его на кухню, водрузил на стол и робко спросил: — Можно, я пока начну железо собирать? А Игорь с Витьком сейчас подойдут.

Мы с восторгом принялись за подарок, а спортсмены тем временем развили самую бурную деятельность, видимо, на радостях, что спортзал продолжает свое существование, к тому же, абсолютно легально. Оставив Игоря восстанавливать разобранные снаряды, Миша с Витьком поволокли на свалку коробки с барахлом, которые уже успели порядком намозолить нам глаза. Из сарая доносились лязг и грохот, впрочем, на кухне не особенно было слышно, только в прихожей. Потом опять появился Михаил:

— В сарае еще разбитый холодильник у стенки. Он с самого начала там стоял, мы не трогали. Если не нужен, может, и его заодно вынести?

Мы переглянулись — зачем нам разбитый холодильник, у нас два целых есть — и кивнули:

— Выносите.

Через пять минут Михаил прибежал снова:

— Там... ну, вы сами посмотрите.

Посмотрели.

И поняли, что, кажется, разбирать лестницу нам все-таки не придется. Если то, что ребята обнаружили под холодильником, не ход в подвал, который пыталась разыскать Лелька, тогда я вице-король Индии. Но ни слонов, ни свиты у меня нет, значит, наверное, это все-таки ход

в подвал. Точно такой же, как в угольный, с другой стороны дома. И, конечно, с громадным амбарным замком.

Лелька принесла ключи от ворот и от угольного подвала, но ни тот, ни другой не подошли, Подвальный никак не хотел поворачиваться, а тот, что от ворот, вообще болтался в скважине. Михаил схватился за ломик, но мы вспомнили про ключи, что нашлись в кухонном столе. Один из них, пусть с хрустом и скрежетом, но все-таки повернулся. Пришлось еще поколотить по дужке замка, которая никак не хотела выходить из гнезда — похоже, люк не трогали по меньшей мере лет десять, так все заросло.

— Ну, открываем?

Какой-то железкой подковырнули приржавевшую крышку, подняли, прислонили к стене. Вниз шла крутая деревянная лесенка, такая же, как в подвале под кухней.

Ни я, ни Лелька не стали упираться, когда нас отодвинули назад. Смелость, знаете ли, смелостью, но лезть вперед мужиков — это уже идиотизм, правда?

Вооружившись фонариками, первыми по узенькой лесенке двинулись вниз Михаил с Игорем, за ними Витек, потом мы. Что удивительно, не пахло никакой затхлостью, которая имеет обыкновение накапливаться в долго закрытых помещениях. На середине лестницы мы услышали Мишин голос:

— Народ, глаза поберегите, тут, кажется... — Мы зажмурились, а, открыв глаза, увидели свет. Не виляющие лучи фонарей, а нормальное ровное освещение. Ну, может, немного тусклое.

— Класс! Даже электричество работает!

Однако никаких других приятных сюрпризов подвал не преподнес. Голые стены, вдоль потолка отопительные трубы, лампочка посредине, две розетки — и все. Ах да, еще вентиляционное окошко, выведенное, судя по расположению, под крыльцо.

Никаких тебе сундуков с бриллиантами, прикованных скелетов, загадочных люков или, на худой конец, выдвижных кирпичей. В углу еще одна лестница и люк в потолке. Открываться он по идее должен под диваном, на котором я сплю и под которым мы обнаружили фотоальбом. Люком, судя по его виду, не пользовались также лет десять, а то и все двадцать.

Получается, что таинственный Жора к подвалу отношения не имел, и, скорее всего, вообще не знал о его существовании.

Обидно! Тайная комната, а в ней — ни-че-го! Наша теплая компания буквально обнюхала каждый сантиметр поверхности — увы! Собрали только две-три горсти потемневших от старости древесных стружек. Мастерская тут была, что ли?

На этот раз первой оправилась от приступа золотой лихорадки и вспомнила о насущных жизненных потребностях Лелька:

— Слушайте, мальчики, а ведь здесь должно быть тепло зимой?

— Ну, — отозвался Игорь. Витек, как всегда, промолчал. Какой-то он у них робкий все-таки. — Запаха сырости нет, значит, не мокнет, даже потолок чистый. Трубы отопительные, а к этой стене с другой стороны котел примыкает. Должно быть тепло.

— Так чего мучиться в сарае, когда вот он, готовый зал?

«Мальчики», кажется, на минуту забыли, что такое «дышать», и посмотрели на Лельку восторженно-влюбленными взглядами — так, наверное какой-нибудь религиозный фанатик смотрит на давным-давно утерянную и чудом обретенную святыню.

9

Проявив чудеса трудового героизма, наши спортсмены закончили переустановку железа в тот же вечер. Как результат — следующие два дня мы с Лелькой передвигались со скрипом, а лестницы воспринимали, как особо изощренные орудия пыток. Перезанимались на радостях, бывает.

К концу недели мышцы, как и положено, начали приходить в себя. И очень вовремя, потому что в пятницу утром я обнаружила на своем редакционном столе записку. Мол, звонили из пресс-центра УВД: майор Ильин ждет меня тогда-то и там-то.

Открыв дверь нужного кабинета, я остолбенела. Нет, вообще-то я улыбнулась, поздоровалась, вошла и остановилась у стола, такая вся из себя наивная журналисточка в погоне за ми-

кроскопическими сенсациями. Но сердце, кажется, остановилось. Ибо за столом сидел давешний мой «преследователь».

На большинство моих знакомых дамского пола он, скорее всего, не произвел бы особого впечатления: рост не больше 180, ни тебе накачанных плеч, ни внешности киногероя. Худой, стриженый. Ничего, кроме глаз, пардон за невольный каламбур, в глаза не бросается. И кольцо обручальное, чтоб тебе пропасть!

— День добрый, присаживайтесь. Вы Рита? Меня зовут Никита Игоревич.

Да уж… Никита Игоревич Ильин — надо же! Только Змея Горыныча и половецких плясок не хватает. Черт, ведь готовилась, а тут все слова позабыла, сижу и мямлю что-то несусветное...

— Вы же понимаете, Никита Игоревич, какая сейчас ситуация. Опять возникла очередная партия фальшивых долларов, все это взахлеб обсуждают. Ну вот, народ нам звонит, интересуется, как обстоят дела у нас в городе. — Вру беспардонно, за последние три недели только одна ненормальная и позвонила — допытывалась, не подорожает ли из-за этих фальшивых долларов проезд на общественном транспорте. — Мы ведь люди подневольные, зависим от общественных запросов, а народ имеет право знать, правда?

— Ну? — Кто бы мог подумать, что в такое коротенькое словечко можно вложить столько скепсиса.

— Расскажите хотя бы то, что можно. — Я постаралась, чтобы это прозвучало как можно жалобнее. В конце концов, если он не желает со мной разговаривать, так выгнал бы, и дело с концом. Нет, сидит и разглядывает, как бактерию под микроскопом.

— Вы когда об этом писать собираетесь?

— Ну, не в ближайшие неделю-две. Мне бы хоть как-то сориентироваться, понять, что происходит...

— Видите ли, Рита... Ничего, что я без отчества?

— Конечно-конечно, — максимально мило улыбнулась я.

Увы! Хозяин кабинета по-прежнему был холоден и официален.

— А почему вы именно ко мне пришли?

— Так к кому из пресс-службы направили, к тому и пришла.

— Видите ли, Рита, это ведь все касается Москвы, ну, Питера, в конце концов... — задумчиво проговорил майор.

— Я, конечно, не специалист, но простой здравый смысл подсказывает, что фальшивка такого объема неизбежно расползется по всей России, разве нет?

— В какой-то мере вы правы. А на практике… Кое-что, конечно, есть, только вам же столичных скандалов подавай, а у нас свои дела, внутренние, поскромнее.

— Так это еще интереснее! — воскликнула я совершенно искренне, «внутригородские» дела занимали меня сильнее всего, вдруг удастся из всего этого еще и материальчик какой-нибудь соорудить. Но увы!

— Собственно, на данный момент... — Тут майор заметил, как я совершенно рефлекторно посмотрела на часы, и не преминул этим воспользоваться: — Вы торопитесь?

— Нет, вовсе нет!

— Я, собственно, в этом отделе временно, так что сейчас тоже не очень готов. Может быть, мы отложим нашу беседу?

И какого дьявола мне звонили из пресс-службы? Да, похоже, мальчик Витя, что там сидит, действительно решал при этом свои, сугубо личные проблемы…

— Надолго? — Я искренне расстроилась, както «позабыв», что он ходил за мной целый день, значит, вся эта безличная официальность — не более чем игра? Или он вовсе за мной не ходил?

— Не огорчайтесь так уж сильно. Давайте перенесем нашу беседу на нерабочее поле? — улыбнулся Ильин.

Так он все-таки клинья подбивает? Ничего не понимаю!

В общем, договорились на завтра у меня. На визитке написала еще и Лелькин телефон — мол, вечером меня можно будет застать и по нему.

— До какого времени?

— Ну, часов до двенадцати — точно.

— Вы там ночуете?

— А в чем дело?! Это какой-то криминал?

— Да боже упаси! — расхохотался майор. — Просто я утром буду в этом районе, мог бы и вас захватить, я на машине.

Может, то, что он говорил, и можно принять за авансы, но… Нет, не думаю. Некоторый мужской интерес присутствовал, только, по правде

сказать, маловатенький. Господин Ильин явно думал параллельно о чем-то более насущном. Знать бы — о чем…

10

Утром ровно в одиннадцать раздался звонок в дверь. Видимо, для человека, привыкшего носить форму, «часов в одиннадцать» означает «одиннадцать ноль-ноль», и никак иначе.

Около часа Ильин зачем-то просматривал мои тексты, время от времени задавая какие-то непонятные вопросы. Затем минут двадцать «освещал интересующий меня вопрос». Мастерски освещал, надо сказать: ничего, что не проскакивало бы уже в газетах или на ТВ, в рассказе не было. Виртуоз! Ему бы в политики податься…

— Вот, собственно, в общих чертах и все. Вас еще что-то интересует?

— Никита Игоревич, только один еще вопрос, — глубоко вдохнув, проговорила я.

— Хоть десять.

— Зачем вы за мной ходили?

— Какая вы… наблюдательная девушка… На самом деле следовало бы не интервью вам давать, а вас-то и допросить.

— Это на какую же тему?

— Обо всем, что вам известно, — пожал он плечами.

— Мне многое известно, можно попытаться. При хорошем раскладе лет за десять управитесь. — Зачем я начала хамить, и сама не понимала. Не то от обиды, не то по природной вредности характера. Однако на господина майора моя наглость отчего-то не произвела впечатления. Во всяком случае, голоса он не повысил и, сохраняя на лице все-то же задумчиво-непроницаемое выражение, равнодушно заметил:

— Мне думается, что ваш интерес к фальшивомонетчикам вызван отнюдь не профессиональными изысканиями или, как вы выразились, сложившейся ситуацией, — и взял паузу.

— Ну, предположим, что у меня какой-то личный интерес. Это ведь не значит, что меня непременно нужно в чем-то подозревать, потому что я и сама не знаю, что это за интерес.

— И все же рассказывайте. Жора?

— Вообще-то в этом доме в разное время квартировало человек десять. Но вы правы. Жора... Мастер-гравер, виртуоз, когда-то... ну, да это уже археология.

— Его убили?

— Может быть, и нет. Случайности все-таки бывают.

— Никита, а разве для изготовления фальшивок до сих пор используют клише? Зачем нужен гравер? Новые технологии и все такое...

— Неужто вы инструменты Жорины обнаружили? Ну, молодцы! Берегите, это же музейный экспонат!

— Я серьезно!

— И я серьезно. Да ладно, ладно. Когда Жора приехал сюда, около него начала крутиться кое-какая публика... Наша публика, местная...

И тут у меня в голове начала складываться очень даже логичная картинка.

— Жора привез сюда часть «продукции», и ваша публика теперь пытается до нее добраться, точно?

— Ну, где-то так. И было бы очень неплохо эту, как вы выразились, «продукцию» найти и ликвидировать.

— Видите ли, Никита... — И я вкратце рассказала ему предысторию: наследство, звонки, визиты...

Дура, трижды идиотка! Только сейчас мне пришло в голову, что майор может разыскивать «продукцию» отнюдь не по долгу службы. Хотя… если он из «искателей», про звонки и прочие глупости и так знает. А вот наследство все равно в картинку не укладывалось. Наверное, все эти сомнения достаточно явственно отразились на моем лице, потому что Ильин, внимательно посмотрев на меня, усмехнулся:

— Рита, как вы полагаете, кто из нас сейчас больше рискует?

— Я, конечно!

— Н-да? Ну, может быть. Во всяком случае, теперь ясно, что местонахождение этой самой «продукции» никому из Жориных зна-

комых неизвестно, иначе давно бы уже достали и никого не тревожили. Так что вы мне все-таки здорово помогли, хотя наверняка не рассказали и половины того, что вам известно.

— Ну извините, чем богаты...

— Не рычите, я ваш должник. Может, вас в театр сводить?

— Когда?

— Да хоть сегодня.

Ничего не понимаю!

11

Дойдя до калитки, Ильин вдруг шагнул вперед, неуловимым движением отправив меня к себе за спину. Я и сообразить не успела, что происходит, как тьма вытолкнула из себя какую-то тень, которая кинулась к нам с воплем:

— Я так и знал! Так и знал!.. Ты!.. Что ты себе позволяешь?! У тебя ребенок, а ты мужиков в дом тащишь!.. Шлюха!.. Я сейчас… Пусти!.. Пусти, скотина!..

Я не могла разглядеть, что там происходит, но, похоже, Никита блокировал нападение и, прижав «тень» к забору, достал из кармана фонарик, осветив лицо незнакомца.

— Рита?!! — похоже, «неопознанный объект» впал в шок. — А где Элечка?

И тут до меня дошло. Элечкой, кроме нежной мамочки, Лельку звал один-единственный человек — бывший супруг. Значит, он дожидался тут ненаглядную, принял меня за нее, а сопровождающий мужик привел его, естественно, в бешенство. Бедненький…

— Лелька у мамы, поехала Дениску навестить, — сообщила я «бедненькому» довольно сурово. Все-таки он сильно меня напугал. Отчасти потому же я и соврала насчет «Лелька у мамы», не хотелось объясняться. Как говорил один наш писатель, «иногда ложь предпочтительнее правды хотя бы тем, что короче». Выяснить, куда Лелька девалась, я успею, а этого надо бы поскорее отправить с глаз долой. — Никита, отпусти его, это Лелькин муж, хоть и бывший. А ты смотрел бы, прежде чем на людей кидаться…

— Ну, Рит, ну, не сдержался… — начал рассыпаться в извинениях бывший супруг. — Я повидаться хотел, дома нет никого, думал, это она возвращается. С кем-то!

— Иди уже домой, влюбленный! Лелька послезавтра должна вернуться. И, знаешь, если ты ей такие же сцены будешь закатывать — тогда тебе

точно ничего не светит. Как-нибудь держи уже себя в руках, взрослый ведь человек, а?

Покинутый супруг еще минут пять расшаркивался, но, в конце концов, отбыл восвояси.

Мне смертельно хотелось, чтобы этот денек уже закончился…

Ильин, прощаясь, церемонно поклонился и велел звонить, «если что». Кажется, это называется «дежа вю»…

Дом действительно стоял темный и пустой. На кухонном столе поджидала записка:

«Звонила мама, надо съездить. Заодно покажу альбом, может, кого опознает».

Надо же! А я, оказывается, и не соврала ни грамма.

Погасив свет, я устроилась в уголке кухонного диванчика. Хотелось хотя бы немного упорядочить мысли и впечатления. Что же все-таки происходит? Кто такой Никита, то бишь, на чьей он стороне? Откуда взялся этот неожиданный дом? Что за люди, и зачем вокруг него вертятся?

Значит, господин Жора имеет отношение к некоей... э-э... организации, занимающейся изготовлением фальшивых баксов, так? Вроде так. Ах, да! Время должно быть прошедшее: и «организации», если я правильно поняла Никиту, уже не существует, и сам Жора сегодня ни к чему никакого отношения иметь не может. Убийство или несчастный случай — непонятно, но, так или иначе, «главный фигурант из дела выбыл».

Жора приехал сюда, правда, неизвестно, откуда, а потом вокруг него или, точнее, вокруг его «багажа» начала крутиться некая публика — почти наверняка она же сейчас терроризировала Лельку звонками и визитами. Вопрос непринципиальный, но по теме: они дом всерьез покупать собирались? Впрочем, ситуацию это ни на грамм не меняет.

А вот Никита Игоревич Ильин — совсем другое дело. Его мотивы меняют все радикально. Ведь не исключено, что он из той же компании. Милый, конечно, славный и ужасно обаятельный, но, как известно, криминальные наклонности обаянию не помеха.

Один необоснованный вывод я все же сделала: кем бы майор ни был — Ильей Муромцем или Соловьем-Разбойником, — работает он исключительно на себя. Хотя, возможно, и в компании с «плохими мальчиками». Ладно, лишнего я ему, кажется, не наговорила, а на чьей он стороне, дай бог, выяснится.

И все они ищут Жорин «багаж». Вместе или по отдельности — следующий вопрос.

Велик ли «багаж», непонятно, но, должно быть немало, счет должен идти, по меньшей мере, на сотни тысяч. Объем хорошего чемоданчика. Или, если в мелких купюрах, даже чемодана.

Где Жора мог это запрятать?

Дом мы с Лелькой обыскали, вот разве что кладовку так и не обследовали, а там, если не слона, то, по крайней мере, ослика спрятать можно. Но к кладовке у меня лично душа не лежит — во-первых, примитивно, во-вторых, неудобно, то есть труднодоступно, и вообще вряд ли. Почему вряд ли? А вот потому. Не нравится мне эта идея, и все тут. Может, это женская интуиция.

Тайник в каком-то из шкафов? Вообще-то возможно, дверцы и ящички обнаруживаются по всему дому в количествах прямо-таки коллекционных. Правда, все, похоже, старые, но это на первый, самый поверхностный взгляд. Надо будет завтра взять линеечку и аккуратненько все шкафчики промерить. Снаружи и внутри — не проявится ли какое несоответствие. И, кстати, неплохо бы повнимательнее осмотреть полы, тайничок под половицами — изобретение столь же древнее, сколько удобное. Хотя полы Лелька и так собирается перестилать, уж очень они старые. А при наружном осмотре я вряд ли что обнаружу, судя по тому, каким «мастером-золотые руки» был Жора. Так что полы пока оставим…

Зазвонил телефон. Трубку снимать не хотелось, и вообще, какие звонки во втором часу ночи? Ну их всех к лешему! Телефон, однако, не утихал. Отзвонив раз пятнадцать, на минуту умолк и завелся снова. Потом еще раз. Может, Ильин проверяет, как у меня дела? Но зачем? А вот нетушки, сплю я, и все тут! Наконец звонивший, видимо, уверился в безнадежности предприятия, и телефон замолчал совсем.

Тем не менее, направление мыслей как-то изменилось. Теперь меня занимал другой «главный» вопрос — а зачем фальшивые баксы мне лично? Практической пользы никакой, моральное удовольствие сомнительное, а

риск, вероятно, немаленький. Но, с другой стороны, — заманчиво-то как, а?

Продолжим. Точно ли «багаж» спрятан именно в доме? То, что Жора тут жил, ни о чем не говорит. Спрятать доллары он мог где угодно: на заброшенной стройке, на ближайшей свалке, у женщины...

Кстати, дама, приезжавшая на «восьмерке», была очень даже ничего. Для романтической истории вполне подходит. Может, и баксы у нее? А приятелей она просто водит за нос… Нет, вряд ли. Зачем морочить приятелей, если с деньгами вполне можно уже куда-нибудь свалить. Ведь и «публика» в целом, и дама в частности — все явно нацелены на этот дом.

Стоп! Что-то у меня не складывается. Дом они, вероятно, уже осмотрели, времени на это было вполне достаточно. И, если не совсем дураки, должны были вычислить второй подвал, мы-то вначале вычислили, потом нашли. Впрочем, вспомнив, в каком состоянии находился подвальный люк, я решила, что мы все-таки были его первооткрывателями, и слегка расслабилась. Даже задремала…

12

В глаза ударил резкий свет фар: какой-то умник, поворачивая в наш переулок, врубил «дальний». Правда, сразу выключил, но перед этим успел остановиться, причем точно под нашими окнами. Чего это ему понадобилось? Я осторожненько выглянула: под окном стоял очень знакомый джип. Собственно, джип-то, может, и другой — освещение оставляло желать лучшего, — но публика из него вылезала прямо родная: «качок», кажется, тот самый, которого я застала во дворе в понедельник, и дама, наезжавшая на Лель-

ку два дня назад, хоть и сменила костюм, но была достаточно узнаваема. Компания приблизилась к калитке и пропала из вида.

Из окон Лелькиной комнаты просматривалась половина двора. Свет от уличных фонарей сюда не проникал, и рассмотреть что-нибудь было весьма затруднительно, но, поскольку я уже второй час сидела в полной темноте, удалось заметить темные фигуры, двинувшиеся в сторону двери. Я осторожно пробралась в прихожую. Тихо. Из своего окна успела заметить, как закрывалась дверь сарая. Беззвучно. Наши ребятишки, Михаил и сотоварищи, во время своих тайных тренировок петли смазывали регулярно.

И что мне теперь делать? Какое-то время этим господам понадобится, чтобы открыть замок подвального люка. Его сегодня почистили, так что догадаться об исходном состоянии запоров они не смогут. А ведь если судить по запущенности замка и петель, Жора в этом подвале никогда не был. Но господа-то этого не знают!

А второй люк, до которого мы так и не добрались? Он должен располагаться под моим диваном, а двигать эту бандуру нам было катастрофически лень. К тому же фотографии и прочий мусор явно скапливались там на протяжении не одного года. Отлично. Раз к этому выводу пришли мы с Лелькой, до того же самого могли додуматься и нынешние гости. Осмотрели опорную раму и решили, что диван не двигался с места лет эдак десять. Так... Или не так…

Вот сейчас залезут в подвал, начнут открывать потолочный люк — и прямо в дом! Что же делать?

А чего я, собственно, боюсь? Чтобы поднять этот люк вместе с диваном, нужна, как минимум, пара-тройка Шварценеггеров. Значит, внутренний люк отпадает. Тот, что в сарае, они минут за десять откроют, полезут внутрь, одного оставят сторожить. Будут ли осматривать подвал, обнаружив, что он обитаем? А почему нет? Их должны интересовать стены и полы, при наличии тренажеров и прочего железа осмотр займет... А черт его знает, сколько, — пока не надоест.

Возвращаемся на исходные позиции — мне-то что делать? Была бы Лелька, позвонила бы Стасу, а я так и не удосужилась записать его телефон. Никита? Нет, не хочу рисковать

Можно еще попытаться разыскать товарища участкового через 02… И тут я вспомнила про Михаила. Где-то он давеча номер записал, черт, забыла… Ах, да, торчит из-под телефонного аппарата, так, давай тихонечко на кухню… Грешно, конечно, втравливать ребенка в такое дело, но «ребенок» крупнее меня раза в два и вчетверо сильнее. Окончательно я успокоила себя тем, что «ребенок» может просто-напросто знать домашний телефон Стаса...

Ситуацию я изложила, насколько смогла, кратко: несколько нехороших людей проявляют нездоровый интерес к дому, сейчас они проникли в подвал, я одна, нельзя ли помочь? Кажется, подняла «ребенка» с постели, однако он сразу все уловил и только поинтересовался общим количеством «гостей» и наличием оружия. Велел сидеть тихо и смотреть, не вылезут ли посетители наружу. Нужного телефонного номера у Михаила, увы, не было, но он моментально предложил альтернативный вариант:

— Позвоню Игорю, отправлю за Станиславом Андреевичем, пусть срочно вам перезвонит. Да, в сарае ваш телефон не слышно, я точно знаю. Сам влезу в дырку и посмотрю на обстановку.

Я попросила не лезть на рожон, дождаться Стаса, и он повесил трубку. Минут через пять телефон зазвонил. Это был, однако, не Стас, а снова Михаил:

— У сарая никого, я попробую тихонько подобраться, может, удастся дверь закрыть, — и, не слушая моих возражений, отключился. Ну, никакого сладу с современной молодежью!

Погоди-ка... А кто это названивал, как ненормальный, и зачем? Тут я сделала то, что нужно было сделать с самого начала: выглянув в окно, внимательно осмотрела улицу. Так и есть — в пяти метрах от джипа стояла «восьмерка»! При таком освещении было не разобрать, та самая или другая, но готова поклясться, что, когда я возвращалась, ее там не было. Значит, подъехали, в доме темно, позвонили, часок для гарантии постояли... В общем, «гости» должны считать, что дом пустой. А если они друг другу не доверяют, что вполне вероятно, то сторожить не захочет никто.

Я осторожно открыла входную дверь, благоразумно рассудив, что от угольного люка шуму больше, спустилась с крыльца... и у стены сарая наткнулась на Михаила. Он погрозил мне

кулаком и попытался подтолкнуть обратно к двери. Ну уж, дудки! Я тоже хочу поиграть в супермена, точнее, в супергерл. Тем более что это, кажется, не особенно опасно. Михаил медленно и беззвучно приоткрыл дверь сарая и показал мне на разбитый холодильник. Увлекшись оборудованием помещения, ребятишки забыли вынести его на свалку. Да здравствует безалаберность!

Мы переглянулись, тихо-тихо просочились в сарай, затаив дыхание, подошли к люку, Михаил сделал шаг вправо... Одним рывком я захлопнула люк, а он тут же опрокинул на него холодильник и засунул в замковые петли какую-то железку. Железка засела в отверстиях так, что выбивать ее придется кувалдой.

Уф-ф!.. Мы вылетели из подвала, не дожидаясь продолжения событий, и рванулись в дом. На кухне опять надрывался телефон.

— Рита, ты? Что у вас стряслось? Где Лелька?

— Лелька у матери. Стас, ты можешь подойти?

— Сейчас буду. Что у вас?

— Тут какой-то народ решил спортом заняться, мы с Михаилом их заперли.

— Заперли?! Ох, артисты… Сколько их? Спортсменов-то?

— Двое.

— И все?

— Может, в джипе кто-то остался.

— Тогда я пройду Мишиным двором, вы ничего больше не предпринимайте. И... Рита, на всякий случай уходите с Михаилом. Кто бы там ни был, у них может быть с собой телефон, рация, оружие, в конце концов. Я буду минут через пять.

Я выглянула в окно. «Восьмерки» не было. В сарае стояла тишина: ни грохота, ни криков о помощи, ни угроз. В Мишкин двор мы ворвались практически одновременно, только с разных сторон: Стас через калитку, мы с Михаилом через дыру в заборе. Заперев калитку и проверив замок на воротах, зашли в дом. Дверь сарая замка не предусматривала, так что мы подперли ее тяжеленной бочкой, с незапамятных времен стоявшей в углу двора.

Когда я вкратце изложила все основные события: звонки, визиты, джип с «восьмеркой», Стас недовольно покачал головой:

— Почему сразу не рассказали? Все сами да сами, в сыщиков поиграть захотелось? Предъявить-то этим господам нечего, ничего сильно противозаконного они не делали. Эх вы, помощнички… Ладно, поглядим. Домом, говоришь, давно интересуются? В таком случае, есть человек, который ими самими очень даже заинтересуется.

Стас набрал какой-то номер, передал какое-то непонятное сообщение и поставил на плиту чайник.

— Ждем-с. Если через двадцать минут не явится, позвоню дежурному, не держать же ваших гостей в подвале до утра. Объясняться буду сам. Вас тут нет и не было. Ясно? — Мы с Михаилом согласно кивнули.

Михаил отправился на крыльцо послушать, что происходит в подвале, а я устроилась у кухонного окна наблюдать за джипом. Минут через десять из-за угла вывернулась «восьмерка», остановилась вплотную к джипу. Из «восьмерки» вылез «банкир», подошел к нашей калитке, подергал ее, поднял руку к звонку, и тут с другого конца улицы появилась патрульная машина с мигалкой. Визитер в пять шагов оказался у своей машины, сел в нее и укатил.

13

— Ну что, Маргарита Львовна, твоя журналистская душенька довольна?

Когда обнаружилось, что полицейскую команду, прибывшую по звонку Стаса, возглавляет Никита, я, признаться, обалдела. Хотя почему, собственно? Я ведь уже решила, что господин Ильин «на нашей стороне баррикады» — просто «потому что потому». А если он занимается Жориным «наследством», нормальные отношения с участковым просто обязаны наличествовать. И можно сколько угодно говорить, что дело отложено. Упрямство профессионала — штука непрошибаемая. Пусть все считают, что это безнадежно, а мы вот из принципа сделаем!

Михаила отправили домой, и мы остались втроем.

— Так и будем в прятки играть? — выжидающе посмотрел на меня Никита.

— А чего рассказывать, ты уже и так все знаешь, — пожала я плечами.

— Ну, положим, далеко не все. Например, с чего вдруг тебе в голову пришла мысль о фальшивых долларах? Стас, ну, почему мне так везет на самостоятельных женщин? Может, с хозяйкой попроще будет? Или она такая же упрямая?

— Еще хуже. Клещами ничего не вытянешь.

Интересно, чего им еще нужно вытягивать, вроде, все уже ясно. Кроме того, где, собственно, спрятан Жорин «клад». Так я этого тоже не знаю. Или они думают, что мы с Лелькой чего-то нашли, а молчу я от избытка осторожности? Да ну их к лешему, Лелька вернется, пусть сами ищут.

Лелька вернулась к обеду и только рукой махнула:

— Ищите, пожалуйста, только по ночам не гремите и ключи, если нужны, сами сделайте. Кстати, на втором этаже света нет. — Она выглядела порядком измотанной, достала бутылку рябиновки, махнула одним духом полстакана и, заметив мои поднятые брови, пояснила: — Выспаться надо.

— Что-то случилось?

— Все обыкновенно. Маменька опять завоспитывала. Ах, одинокая женщина с ребенком, да так нельзя, да жизнь такая тяжелая, да как же без мужской поддержки, да мальчику отец нужен! Вот скажи, я у нее хоть раз помощи просила? Делать ей больше нечего, как меня замуж выдавать.

— А альбом ей показывала?

— Показать-то показала, еще до того, как из нее воспитательный энтузиазм хлынул.

— Ну и?

— А ничего. Пролистала, поглядела, никого знакомого не нашла. Только удивилась, чего это на снимках все белесые, как выцвели. А вот отец и так смуглый был, на итальянца похож, а на фотографиях вообще черный как негр.

— Да и ты не светлее, и Дениска черненький… Так, может, этот твой южный поклонник, — вытащила я из-за телефона средиземноморскую открытку и помахала перед Лелькиным носом, — на самом деле какой-нибудь родственник?

— Хочешь сказать, что причина его настойчивости — не моя неземная красота, а тоже какое-нибудь наследство? «Невероятные приключения итальянцев в России», дубль два?

— Ну… а почему нет?

— Тогда и у этих, из альбома, должны быть итальянские корни, логично? Чего ж вся публика такая белесая? Или ты считаешь, что на меня сразу

два наследства свалилось? Не многовато? — покачала головой Лелька.

— Н-да, верно… Что-то меня занесло. Но, — я опять ткнула Лельке открытку, — он ведь пишет о смерти? Значит, кто-то все-таки умер? Или это не смерть? Вот, в самом конце.

Лелька хохотала минуты три. Отсмеявшись и утерев слезы, она, наконец, объяснила:

— Это они такие пылкие в своей Италии. Любить, мол, буду до самой смерти.

— Всего-то? Жалко…

14

Остаток воскресенья и весь понедельник поиски шли на чердаке и втором этаже и нам не мешали. Искали четверо: майор Ильин за главного, и с ним еще трое каких-то «мальчиков» в штатском. Электричество наверху наладили в мгновение ока, что само по себе стало неплохой компенсацией за беспокойство. В результате Лельку, видимо, замучила совесть. Утром во вторник она вызвала Никиту на кухню и, потупив глазки, раскрыла страшную тайну — показала свою загадочную находку. Майор уважительно перебрал инструменты, однако совсем не обрадовался:

— Так я и думал. То-то меня Маргарита Львовна о технологиях спрашивала... Вещь знатная. Раритет. Только бесполезная: что Жора гравер, и без того было известно. Для суда еще могло пригодиться, а кого теперь судить? Вот если бы вы про его тайник рассказали...

— Но мы не знаем!

— Да верю я, верю.

— А вы нам расскажите, что знаете. — Когда нужно, Лелька умеет разговаривать голоском слаще клубничного варенья. — Если сложить в кучу все известное, вдруг какая-то идея возникнет...

— Да вряд ли, все уже более-менее ясно, осталось сами фальшивки найти, за пару дней управимся. Самостоятельные девушки, вы разве на работу не собираетесь?

— У меня одна встреча после двух, да и ту можно на завтра перенести, — честно доложила я.

— А я притворилась, что еще кое-какие документы дооформить надо, и отгул взяла... — опустив глаза, призналась Лелька.

Майор понял, что деваться ему некуда, и, оглядев нас с плохо скрытой завистью, усмехнулся:

— Н-да, хорошо быть представителем творческой профессии. Ладно, спрашивайте, а то вы от своего любопытства и неуемной энергии еще чего-нибудь учудите.

— Их все-таки посадят? — не утерпела Лелька и пояснила: — Этих, из подвала. И еще один должен быть, такой весь из себя, на банковского работника похож...

— А он и есть банковский работник, — вздохнул Никита. — Только сажать их, строго говоря, не за что. Незаконное проникновение в подсобные помещения — такая мелочь, из-за которой уголовное дело никто возбуждать не станет. Разве что вы сами будете ходатайствовать, да и то вряд ли. Вот если бы вы их в доме поймали... Да ладно, этот детский сад никому не интересен, они ведь, скорее всего, случайно в эту историю вляпались.

— Ничего себе случайно! — возмутилась Лелька. — Столько нервов своими звонками истрепали.

— Ну, это они так психическую атаку проводили.

— Выходит, они действительно хотели этот дом купить? На какие деньги?

— Стоп, девушки, а ведь это идея, и недурная. Они были очень настойчивы?

— Мягко сказано! Полторы недели трезвонили, а дамочка, когда я ей отказала, чуть живьем меня не проглотила.

— Так-так-так. Объясняю в двух словах. Эта, как вы ее назвали, дамочка, кстати, зовут ее Лариса Владиславовна, а она себя величает Лорой, так вот, у нее в поклонниках ходит один наш... в общем, следователь прокуратуры, как раз по этому делу.

— А ты кто?

— Я розыскник, мое дело — принести мясо, из которого господин следователь будет шашлык готовить. Нормально приготовит — судьи слопают, нет — в лучшем случае, отправят на доследование, в худшем — просто выплюнут. Но это все неважно. Проговорился он, скорее всего, случайно. Не такого великого ума персона, чтобы и в доле быть, и чтобы никто ни о чем не догадывался. К тому же дело вообще приостановлено.

— Это он его приостановил?

— Рита! Не усложняй.

— Ладно-ладно, дальше что?

— Балбес наш проговорился про мешок фальшивых баксов, Лорочка взяла на заметку, познакомилась с Жорой, не раз бывала у него в гостях...

— Ага, и они его задавили, чтобы спокойно в доме пошарить. А тут мы с Лелькой нарисовались, так?

— Сомнительно, чтобы эта компания могла пойти на убийство. Тем более такое… ненадежное.

— А откуда вообще известно, что задавили, а не сам упал? Кто-то видел?

— Нет, свидетелей не было, он пролежал часов шесть, пока на него не наткнулись. А что касается «сам упал», так вы недооцениваете криминалистику. Травмы, характерные для ДТП, микрочастицы автомобильной краски на джинсах и куртке. Хотя умер он от удара в висок. Так что, скорее всего, все-таки случайный наезд. Когда человека сбивают специально, бьют сильнее, чтобы наверняка. А тут, если бы не этот столб, о который он головой треснулся, обошлось бы тремя неделями в гипсе.

— А почему «скорее всего», а не «наверняка»?

— Во-первых, машина тормозила, и кто-то к нему подходил. Увидел, что человек мертв, и, во избежание неприятностей, уехал.

— А во-вторых?

— Во-вторых, эксперту не очень понравился след удара на виске. Вроде ссадина там какая-то не очень типичная. Но бывает всякое, поэтому, кроме меня, своими сомнениями он ни с кем не поделился.

— Ладно, господин майор, последний вопрос: все-таки, ты за мной следил или нет?

— Ну, следил — это громко сказано. Так, походил слегка, выяснил, кто такая и что за человек. Я в отпуске, звонит Стас: поселились две девушки, да такие, что пальца в рот не клади. С хозяйкой-то все более-менее ясно было, а ты девушка загадочная.

— Можно подумать!

— Да еще из пресс-службы сообщили, что какая-то журналистка интересуется. Думаю, может, та самая «подруга»… Поглядел, решил, что с тобой все в порядке. И тут ты «зачем следил» — значит, заметила. Опять подозрительно: если все чисто, нормальный человек внимания не обратит.

— Понятно.

Неужели самое простое объяснение — личный интерес — проницательному майору не пришло в голову?

— Никита Игоревич! — В дверь просунулась голова одного из «кладоискателей». — Можно вас?

— Пойдемте, девушки, понятыми будете.

Посередине кладовки лежала старая хозяйственная сумка. Через дыру в подкладке что-то виднелось. Никита извлек из дыры сверток, развернул газету, положил на пол. Сверточек был не так чтобы большой, но и не маленький: десять пачек в банковской упаковке. Никита взял одну, пролистал углы, даже понюхал.

— Хороши! Только десять? Сто тысяч? — Пачки состояли из сотенных.

— Ну да. Маловато? Вот еще! — Помощник майора открыл «Зингер». Внутри было пусто. — Видите, пыли гораздо меньше, чем на всем остальном.

— Значит, все-таки Лора... Пальчики на всякий случай возьмите. Вряд ли, но мало ли...

Еще пятьдесят тысяч обнаружилось в ящике с игрушками, снятом с верхней полки. Точнее, не в самом ящике, а в коробке с детскими кубиками.

— Никита, сколько же у него в общей сложности могло быть?

— Думаю, не меньше миллиона.

— Почему же он ничего, ну, почти ничего не тратил?

— Осторожничал. Он ведь знал наверняка, что изготовителей повязали. Ну, и выжидал.

— А миллион, это много? — подключилась Лелька. — В смысле объема?

— Вот примерно два таких кейса, — показал Никита на свой чемоданчик.

— Много... И все в одном месте?

— Найдем, будем знать.

— Ритка, а помнишь ту громадину, о которую я треснулась, ну, Стас еще сказал, что это наверняка Жорино произведение. Там слона можно спрятать.

— Эй, девушки, вы о чем? — заинтересовался майор.

— Понимаешь, Никита, все эти тайники, с позволения сказать, они какие-то... естественные, то есть специально никто ничего не делал, использовали готовое, — попыталась я объяснить. — А Стас говорил, что Жора был мастером «золотые руки». Да мы и сами заметили, вся сантехника, как часы, работает.

— Ты предлагаешь поискать в сливном бачке? Так туда уже заглянули, не волнуйся.

— Фи! Лелька совсем о другом. В угольном подвале между бункером и водогрейным котлом торчит некая штуковина, про которую Стас сказал, что это автоматический дозатор, ну, чтобы уголь в котел подавать. А там слона не слона, но корову точно можно спрятать: железки все громадные и непонятно, как соединяются.

Никите идея понравилась, и одного из «искателей» он отправил в угольный подвал. Часа через полтора, когда мы с Лелькой успели слегка соскучиться, в кухонном люке показалась голова:

— Зовите Ильина!

Да здравствует женская интуиция! Одна из стенок угольного бункера оказалась двойной. Она хитрым способом сдвигалась в сторону, под ней была вторая стенка, на первый взгляд вроде бы сваренная из двух кусков. На самом деле нижняя полоса представляла собой переднюю стенку плоского выдвижного ящика, пачки долларов заполняли его плотно, почти до верхнего края.

— Сколько здесь?

— На глаз, миллиона полтора.

— Рисковый мужик был этот Жора! Пожара не боялся?

— А он не рисковый, он хитрый, видите? — Луч фонаря остановился на небольшой, чуть больше спичечного коробка штуковинке. — Автоматическая система пожаротушения. Дешево и сердито.

Долларов оказалось в общей сложности немногим меньше полутора миллионов. Нам с Лелькой разрешили присутствовать при ликвидации и каждой подарили на память ламинированную купюру с автографом начальника городского УВД.

История закончилась, и образовалась какая-то пустота. Я еще попробовала поиграть в важную персону — а вдруг, мол, наши «пленники», которых отпустили под подписку о невыезде, начнут мстить и вообще, — но Стас с Никитой надо мной только посмеялись: какая месть, ведь

когда погиб Жора, эта публика на три недели затихла, хотя могли бы двадцать раз дом обыскать. Короче говоря, детский сад.

С Лелькой мы договорились, что я поживу еще недельку-полторы, пока она за Дениской не поедет. И тут, за чашкой чая, прозвучал, наконец, Тот Самый Вопрос:

— Рит, а почему никто не вспомнил про завещание? Ну, пусть Жора, пусть фальшивые доллары, а детский сад за ними охотился, но что за тетка мне дом оставила? Так не бывает.

Я согласилась и подумала, что «не бывает» — это еще мягко сказано. Собственно, некоторые сомнения грызли меня с самого начала. Но тогда еще можно было подозревать, что загадочное завещание связано с непонятными шевелениями, происходящими вокруг самого дома. Когда же Лелька безрезультатно свозила фотографии к маме, тут уж подозрения превратились в почти что уверенность. Смущала лишь та свадебная Лелькина фотография, что обнаружилась среди посторонних снимков. Но, в конце концов, фотография могла оказаться под диваном по чистой случайности.

Теперь же стало ясно, что «детский сад» никакого отношения к завещанию не имеет. И откуда же оно, в самом-то деле, взялось? Кто такая Анна Григорьевна, и с какой стати ей вздумалось оставлять свой дом неизвестно кому? Да и вообще — был ли мальчик, то есть старушка? Впрочем, это меня занесло. Старушка-то как раз была: паспортный стол — штука серьезная. Но и завещание тоже не шуточки, не могло же оно родиться из ниоткуда?

По правде говоря, мне сильно не хотелось, чтобы Лелька во все это лезла. У нее Дениска растет, а мне не давала покоя судьба Жоры — может, он сам под машину попал, может, «детский сад» постарался, а может, и еще что…

15

— Какое тебе кладбище! — Тетка в бигуди смотрела на меня, «как Ленин на буржуазию». — Кремировали ее, сама, что ли, не знаешь? Уж при таких деньгах могли бы и по-божески старушку схоронить.

— При каких деньгах? — Я ничегошеньки не понимала.

— Ах, она не в курсе, при каких деньгах! Раньше надо было суетиться, пока Анна Григорьевна ногами ходила. А то жива была — никому не надобна, а помирать стала, слетелось воронье, дом им потребовался, тьфу! Проваливай, пока собаку не натравила!

На волне зычного голоса любезной соседушки я почти вылетела из подъезда и присела на ближайшую лавочку, дабы собраться с мыслями, чего бы еще такого предпринять.

Воистину, неделя прошла деятельно. Но удивительно безрезультатно.

Тетку, а, может, и не тетку, звали Анной Григорьевной Шиловой, Стас по моей просьбе выяснил, где она жила, и какая нотариальная контора оформляла завещание. Можно было узнать у Лельки, но она совсем зашилась с работой, не хотелось грузить на нее лишнего.

Начальству я доложила, что хочу собрать материал о стариках. Соседи, больницы, дома престарелых, квартирные махинации, если повезет... Чтобы за душу брало. Начальство одобрило, попросив, однако, быть поосторожнее: ты, Риточка, девочка взрослая и понимаешь, что с квартирами всякое может быть, так что, пожалуйста, поаккуратнее, хорошо?

И вот соседка Анны Григорьевны едва не спустила меня с лестницы. Ничего не понимаю. Что я такого сказала? Спросила, на каком кладбище тетушку похоронили. И что теперь делать, попытать счастья у других соседей?

Квартир на площадке было три. Дверь Лелькиной «тетушки» опечатана, так что, если на меня вновь набросятся с непонятными обвинениями, я — в самом худшем случае — окажусь в том же тупике, что и с самого начала.

Хотя нет, пожалуй, не совсем. Почему эта мегера вопила про какие-то деньги? Просто от дурного характера? Ладно, хуже точно не будет.

Ф-ф-фу! Я собралась с духом и позвонила в квартиру справа. Дверь приоткрылась, явив фрагмент персоны явно мужского пола:

— Что вам угодно?

— Извините, что беспокою, мне только нужно кое-что узнать, а ваша соседка...

— Надька, что ли? — Мужчина махнул рукой, дескать, с больных не спрашивают. — Так что вы хотели узнать?

— Понимаете, я племянница Анны Григорьевны...

— Погодите, это вам не со мной надо разговаривать. — Он отвернулся от двери и крикнул: — Мам! Тут к тебе девушка пришла, племянница Анны Григорьевны, ее Надька чуть с лестницы не спустила.

На пороге появилась пожилая женщина, но удивительно — в таком возрасте — и такая осанка. Поистине королевская. Она окинула меня вроде бы доброжелательным взглядом, но я сразу почувствовала себя школьницей, которую вызвали к завучу.

— Племянница? — скептически поджала губы женщина. — Ну, заходи, племянница. А на Надьку не обижайся, она третьего мужа выгнала, теперь на всех бросается. Видно, решила, что вы на Анютину квартиру претендуете. Квартира-то райисполкомовская, записана не на Анюту, а на мужа ее покойного, инвалид войны был. Вот Надька и рассчитывает, что ее сыночку достанется, а то, пока он с матерью живет, у нее ни один муж не удерживается. Да вы раздевайтесь и проходите, что ж на пороге разговаривать. Меня зовут Полина Владимировна.

Меня усадили в маленькой уютной кухне под солнечно-желтыми занавесочками, угостили великолепным чаем… и тут мне стало ясно, что врать под таким взглядом я просто не смогу.

А, была, не была!

— Вообще-то племянница не я, а моя подруга, но она сейчас работает с утра до ночи, а у меня много свободного времени, вот и пытаюсь что-то выяснить.

— Слушаю вас, — ободряюще улыбнулась Полина Владимировна. — Только мне казалось, что у Анюты был племянник, а не племянница.

— Дело в том, что Лелька, Элеонора, ну, которая на самом деле племянница, Анну Григорьевну в жизни ни разу не видела. А тут присылают это завещание, и она, понимаете...

— Понимаю, она удивилась.

— Не то слово! Спросила у матери, что за тетушка, та только рукой махнула, вроде была у Лелькиного отца какая-то странная сестрица, от нее, мол, всего можно ожидать.

— И что же она хочет узнать?

— Да ничего особенного. Просто... Ну, понимаете, пусть даже никогда не встречались, но дом-то она Лельке оставила, так хоть узнать, где схоронили, а то как-то не по-людски получается, правда?

— Ну, хорошо. Ее не похоронили, а кремировали. Что касается урны, это вам лучше в больнице поинтересоваться, я просто не в курсе.

— А почему вы сказали, что у Анны Григорьевны был племянник, а не племянница?

— Я, должно быть, ошиблась. Просто создавалось такое впечатление. Может, она когда-то обмолвилась… — Полина Владимировна вновь окинула меня взглядом, как бы оценивая, стоит мне что-то рассказывать или нет, и после небольшой паузы продолжила: — Хотя она скрытная была, словечка про свои дела не скажет, так что это лишь мои предположения. С год назад, прошлым летом, заходили к ней двое. Один серьезный такой мужчина, на Коленьку моего похож, что дверь вам открыл. — По описанию «серьезный мужчина» походил на Жору. — А второй пониже, хлипкий такой. Я, признаться, подумала, что адвокат.

— Почему адвокат?

— Мне Анюта перед этим звонила, спрашивала, надо ли свидетелям завещание подписывать. Я, видно, потому и подумала, что вот и племянник явился за наследством. С адвокатом. А на самом-то деле она, может, и сама адвоката пригласила, раз завещание хотела оформить. Тогда, может, второй-то и был нотариус? Вот только вид у него какой-то... непохожий на юриста, скорее уж, мастеровой... Да… И деньги у нее тогда появились...

— В каком смысле?

— Ну… вкусности всякие покупать начала, недешевые, меня все на чай зазывала… телевизор новый, к зиме шубу справила, сапоги. Откуда? При ее-то пенсии... Вот я и подумала, что, наверное, родственник какой-нибудь нашелся небедный. Если же сама адвоката вызывала, с чего бы деньгам появиться.

— Полина Владимировна, а в какой больнице она... — Черт, как бы помягче выразиться, не спросишь ведь «где умерла».

— В первой городской, в кардиологии, знаете, где это?

— Да, большое спасибо.

Мне показалось, что Полина Владимировна смотрит мне вслед не то с подозрением, не то с неодобрением.

16

Как известно, всякий гражданин старше двадцати пяти обрастает немалым количеством приятелей и знакомых разной степени дальности. Так что, если есть четко поставленная задача, берешь записную книжку, перелистываешь и — хоп, находишь все, что нужно. Один мой давний, еще университетских времен, приятель года полтора назад работал в городском архиве. А для архивистов, похоже, полтора года — вообще не срок. Сашка не только оказался на месте, но даже узнал меня по голосу. Когда я довольно невнятно попыталась объяснить ему, что мне нужно, он только хмыкнул в трубку:

— Не надрывайся. Что смогу, сделаю, хотя и не по моей это части. Насколько срочно?

— А насколько можно?

— Понятно, вопрос снимаю, жди звонка.

Я по своей наивности всегда представляла историков и тем более архивистов существами с черепашьей скоростью жизни: прошлое есть прошлое, его не поменяешь, так куда торопиться? Но то ли мои представления были крайне далеки от истины, то ли Сашка был нетипичным историком — перезвонил он на удивление скоро:

— Ну, считай, тебе повезло, семья небольшая, так что записывай. Братья-сестры, жены-мужья, родители, фамилии, имена, адреса, прошлые и настоящие, даты рождений, свадеб и смертей. Вот с бабушками-дедушками посложнее будет, кое-что есть, но мало.

Я записала продиктованное, сказала, что бабушки не требуются, рассыпалась в благодарностях и, пообещав не пропадать, распрощалась. Потом минут пять сидела, выравнивая дыхание. Во-первых, у каждой — у каждой! — фамилии стояла дата смерти. Семья была действительно небольшая, и в живых никого уже не осталось. А главное... Девичья фамилия матери Анны Григорьевны была Сивкова!!!

А вот никаких Верховских — и даже Савельевых, если предположить, что это все-таки мамина родственница — в списке не было. Значит...

Кем Анне Григорьевне приходился Жора, сказать трудно. Какой-нибудь двоюродный-троюродный племянник. Других Сивковых в списке не было, так что ниточка уходила к предкам. Но это, собственно, неважно, важно другое. Жора приехал сюда не на пустое место, приехал к своей... ну, скажем, тетушке. Про дом он, вероятно, знал. То ли хотел его выкупить, то ли договориться о пожизненном содержании, а, может быть, тетушка Жору просто любила — сейчас уже не узнаешь. Прошлым летом к ней приходил наверняка Жора. Летом? Надо бы спросить у Никиты, когда прихлопнули ту «фальшивомонетную лавочку». Хотя и это не особенно принципиально.

Жора мог приезжать заранее, дабы подготовить берлогу для залегания. Или, если выразиться помягче, стремился в тихую гавань. Можно голову прозакладывать, что завещание было оформлено на него. А потом, совершенно загадочным образом, наследник поменялся.

И что мне теперь с этой информацией делать? Наверное, не вредно было бы пообщаться с этой самой адвокатской — или нотариальной? — конторой. Правда, они даже Лельке ничего не сказали...

Ха! Лельке не сказали, а глупенькой и восторженной журналистке, глядишь, чего-нибудь и расскажут. Особенно, если не акцентировать внимание на данном конкретном завещании...

Я ахала, хлопала глазками и вообще изображала такую приторную наивность, что самой было противно. Неужели и мы, наконец-то, начинаем становиться цивилизованной страной? Что, действительно можно перепоручить все свои юридические заботы и не ломать над ними голову? А если я хочу составить завещание, но не хочу, чтобы наследники знали о его содержании до моей смерти? Разумеется, все это возможно, — ответили мне, — и не только это, а еще многое другое, короче, деньги давай, все за тебя сделают, причем, естественно, быстрее и надежнее, чем кто бы то ни было...

Я сама всегда говорю, что любое дело нужно поручать профессионалам, но ведь интересовали меня отнюдь не теоретические возможности личного адвоката. Когда же я чуть-чуть сдвинула масочку восторженной идиотки, вежливо заметив, что идеалы — это великолепно, однако на практике зачастую получается совсем не так, они были просто шокированы: да вы что, это же нарушение профессиональной этики! Мы, конечно, не можем ручаться за всеобщую порядочность, но с нами о таких ужасах даже заикаться неприлично. Святые люди, чистое золото, вот только пробу поставить негде. А уж

узнать, кто оформлял интересующее меня завещание — легче библиотеку Иоанна Грозного разыскать, честное слово!..

Оставалась медицина.

Дмитрий Алексеевич Демидов, заведующий кардиологическим отделением, при всей своей занятости, наконец-то, согласился уделить мне пятнадцать минут. Ему я двинула ту же легенду, что и собственному начальству, слегка нажав на квартирные махинации, мол, соседи Анны Григорьевны «не то чтобы сомневаются в завещании, но вы же понимаете, когда речь идет о достаточно серьезном наследстве, возможно всякое...» В моих горящих глазах сияла надежда: с этим завещанием что-то нечисто. И пусть он считает меня падкой на сенсации идиоткой — дуракам больше рассказывают, вы не замечали? Заведующий, однако, возмутился:

— Послушайте, вам не надоело могилы раскапывать? Все там в порядке, я сам это завещание заверял. Вы, надеюсь, в курсе, что завещания заверяются не только у нотариуса?

— Да-да, конечно, — кивнула я.

Интересно... Ну, зачем Анне Григорьевне Сивковой оставлять все имущество совершенно посторонней для нее Элеоноре Верховской? Может, было еще одно завещание? Надо было все-таки у Лельки оригинал попросить посмотреть, балда стоеросовая, а не журналистка. Хотя все равно пришлось бы к этому заведующему идти, а если бы я знала, что он... вряд ли у меня получилась бы нужная наивность.

— Анна Григорьевна, смею вас заверить, была в этот момент в абсолютно здравом уме, без малейших признаков старческого маразма, склероза или что там вы еще подозреваете. У нас все-таки кардиология, а не психиатрия.

— А почему вы завещание заверяли, разве в больницу сложно вызвать нотариуса?

— А вы знаете, сколько это стоит? — Он, кажется, решил, что я его в чем-то подозреваю, и порядком рассвирепел. — Мальчик, который завещание оформлял, очень резонно заметил, что не стоит старушку вводить в лишние расходы. Тем более что в тот момент она вовсе не стояла на пороге могилы.

— Так она умерла неожиданно?

— Ну, знаете ли! Любая смерть неожиданна. Сердце у нее было такое, что могла и лет пять еще прожить, а могла и пять лет назад умереть.

— А почему вы говорите «мальчик»?

— Да молоденький такой адвокатик. А может, не молоденький, просто маленькая собачка до старости щенок. Раз уж вас так этот случай заинтересовал, почему бы вам с ним не поговорить?

— Я, к сожалению, не знаю, где его найти.

— Минуточку, где-то у меня была его визитка... Вот... — Он так обрадовался, что сдвинутая на криминале журналистка наконец оставит его в покое, что мне его даже жалко стало.

Я переписала данные и откланялась. Валерий Петрович Кулик, юрисконсульт. Вот дьявол, где же я эту фамилию видела? И кто приходил к Анне Григорьевне вместе с ее племянником? Кого соседка Полина Владимировна приняла не то за адвоката, не то за нотариуса? Тоже ведь «маленькая собачка»…

17

За какие-то несчастные два дня я накопала столько всего, что теперь было непонятно, что с этой добычей делать. Хочешь — не хочешь, придется звонить господину Ильину, хоть посоветоваться. Он, естественно, настучит мне по башке за чрезмерную самостоятельность, а куда деваться? Вот только приду, съем чего-нибудь и сразу позвоню.

Ага! Вожделенный господин Ильин сидел у Лельки на кухне с чашкой свежезаваренного чая. Пришел, видите ли, от лица собственного и Стаса пригласить «прекрасных дам» на вечер джаза.

Видно, с голоду во мне разыгралась стервозность. Минут десять я поверх чашки пускала в майора ядовитые шпильки, пока Лельке, наконец, не надоело:

— Риточка, скажи, пожалуйста, как должна вести себя благовоспитанная девушка, если ее пытаются соблазнить?

— Элеонора Сергеевна, это даже не вопрос! — Никите свет Игоревичу, вероятно, тоже поднадоело мое хамство. — Если не всерьез, то никак. А если всерьез… тоже никак, вести будут ее, никуда не денешься.

Мы дружно зааплодировали. Это и впрямь было хорошо сказано…

И тут я вспомнила!

Несколько лет назад это было... отмечали, кажется, Восьмое марта... Кто-то из гостей тоже произнес что-то эдакое «в честь прекрасных дам», «прекрасные дамы» так же дружно зааплодировали... Картинка до мелочей напоминала сегодняшнюю, только гостей было побольше, и командовал весельем совсем другой человек. Лелькин тогда еще супруг. Валера его звали. Валерий Петрович Кулик. Он же дядя Валя, как я понимаю...

Вот почему фамилия на визитке показалась мне такой знакомой…

Стены поплыли, преображая обычную кухню в творение Антонио Гауди. Красиво…

— Эй, Ритка, ты чего, привидение увидела?

У меня действительно все плыло перед глазами, а голоса доносились откуда-то издалека. Лелька намочила полотенце, приложила мне ко лбу и поднесла к носу флакончик с полынным маслом. Крымом пахнет! Отлегло... Шарики в голове закрутились со скоростью взбесившейся кофемолки, производя миллион мыслей в секунду. Да вот беда — среди них не наблюдалось ни одной конструктивной. Ну, почти ни одной…

— Никита, мне нужно с вами поговорить.

— Эй, Рита, что это с тобой? Мы вроде бы на «ты»?

— А?.. Да-да, извини.

Лелька посмотрела на меня, на Никиту, опять на меня, поднялась с места и сказала:

— Ну, слава богу, а то я все думаю, как бы это повежливее вас покинуть, мне до завтра нужно перевод закончить. Так что секретничайте, только, чур, потом все расскажете! Никита, ты ее покормишь? По-моему, это смахивает на голодный обморок. — Лелька «сделала ручкой» и вышла.

Никита скормил мне банан, налил свежего чая, сделал яичницу, заставил съесть и ее, попытался впихнуть в меня шоколадку, заварил кофе и вообще суетился, как влюбленный муж вокруг беременной жены. Только, боюсь, я не оценила этого должным образом.

Я рассказала ему все: и про архив, и про соседей, и про адвокатов, и про больницу. Даже про воспитательные эксперименты — прости, Лелька, очень нужно было! — Лелькиной мамы и Лелькины по этому поводу соображения. И, конечно, про «дядю Валю», сиречь Валерия Петровича Кулика, кто он такой, откуда я его знаю, и почему раньше не вспомнила. Никита слушал, не перебивая, потом долго молчал и, наконец, высказался:

— Даже не знаю. То ли тебе медаль дать, то ли отшлепать, как сидорову козу. Ну, за каким чертом тебя к адвокатам понесло? Ладно, авось обойдется, — махнул он рукой. — Значит, он у нас юрист? Ты сама-то хоть понимаешь, что ты сделала?

— Ладно, Никита, мне тоже не пять лет. Ты, главное, Лельке пока ничего не говори. Думаешь, может получиться?

— Не имею представления. Зависит от того, как поведет себя...

— Помнится, раньше он был человеком не без мозгов. Если не растерял, так должен сообразить, что Лелька — его единственный мотив. И, скорее всего, никаких доказательств.

18

Никита звонил каждый день и довольно саркастически интересовался моим самочувствием, язва двенадцатиперстная! А я сидела и пережевывала ситуацию, дура чувствительная!

Ну, не то, чтобы совсем сидела, работа, пятое, десятое... Времени на пережевывание особо не оставалось. Но мысли были заняты одним: ну, Кулик, ну, птичка болотная!

Да, да, да! Вот так, сразу обвиняю человека черт знает в чем. А что делать? Я крутила обстоятельства так и сяк, но ни одна благопристойная версия всех частей головоломки не вмещала. Все сводилось к единственному варианту: как минимум — и наверняка — махинации с завещанием и — очень вероятно — убийство. А все почему? Потому что любящий и заботливый муж, хоть и бывший… С-скотина!

Строго говоря, во мне бурлили не столько мысли, сколько эмоции. Какие уж тут мысли — фактов-то ноль, бывший лелькин супруг так и остался для меня эпизодическим персонажем, вон, даже фамилию не узнала и имя не вспомнила. Да что там! Я и встречалась-то с ним считанные разы, не мудрено и забыть.

Недели через полторы, когда Лелька уехала за Дениской, а я, почти окончательно свихнувшись, перебралась к себе, майор напросился в гости.

Мы долго и вдумчиво пили чай, перебрасываясь ленивыми, ничего не значащими фразами, потом он достал знакомую серебряную фляжку, расплескал по рюмкам коньяк...

— Убийство по неосторожности. Наезд доказывается, а все остальное... — Никита беспомощно покрутил пальцами.

— Рассказывай по порядку, а?

— Знать бы еще, где тот порядок. И, главное, не хочется. Давно так тошно не было.

— Это понятно. Вор должен сидеть в тюрьме, убийца — тем более. А если никак, очень обидно. Тогда, может, я свои соображения изложу, а где моих не хватит, ты поможешь?

— Валяйте, мисс Марпл.

— Значит, как я понимаю, никакая эта Анна Григорьевна не родственница, точнее, родственница, да не Лелькина, а господина Сивкова. И приехал он сюда, видимо, рассчитывая на этот дом. Ну, денег тетушке, естественно, подбрасывал. Где и как он налетел на Кулика — одному дьяволу известно. Так фишка легла. Жора уже ничего не расскажет, а бывший Лелькин супруг — фирменный врун...

— А чего бы ему врать? Валерий Петрович честно сообщил, что господин Сивков обратился в адвокатскую контору, где он, Валерий Петрович, имеет честь подрабатывать.

— Кстати, очень может быть. Родственников больше никаких, а племянничек, хоть и долго отсутствовал, все же вернулся и помогать стал. Ну, так надобно ему что-то хорошее сделать, так? Например, дом завещать, пусть радуется. Вот Анна Григорьевна и попросила нотариуса привести. Контора-то искомая неподалеку от теткиной квартиры. Ох, вот они — случайности-то! Послушал Лелькин бывший очередного клиента, и взбрела ему в голову гениальная мысль: Жора в городе чужой, а тетка скоро помрет, что, если разыграть все в свою пользу и поразить свою ненаглядную Лельку неслыханной щедростью, вдруг сработает? Валерик-то, судя по всему, так ее и не забыл. А мужики, у которых сдвиг на почве больного самолюбия, почему-то стремятся поражать наше воображение, ну, чисто купеческими жестами.

— Привет семье! А если, к примеру, я за тобой год ходить буду, значит, у меня тоже сдвиг?

— Ты — не будешь.

— Как это? А если любовь?

— Любовь-морковь, блин! Если тебя хотя бы месяц в упор видеть не хотят, значит, или просто не сложилось, либо где-то ошибся. Так что, развернись и забудь. А если уж так припекло, зайди с другой стороны, любой нормальный мужик это понимает. А когда кто-то упорно долбит в одну точку — значит, самомнение набекрень.

— Интересная мысль. Ну, и как бы он потом это Лельке преподнес?

— Это несложно. Рассказать про очень одинокую дальнюю родственницу или даже просто знакомую, вот, мол, хотела мне дом завещать, а я про тебя вспомнил, уговорил. Что-нибудь в этом роде. А потом можно поплакаться на квартирные проблемы, дескать, не пустишь ли чуток пожить, Лелька человек справедливый, а Валерик и впрямь обаятельный, вполне могло сработать. А там уже по ситуации. Простенько и действенно. Тут главное, чтобы все умерли. Опасности никакой, сиди себе тихонечко и дожидайся развития ситуации. И еще, я думаю, дело не в одной Лельке. Он деньги почуял. От Жоры большими деньгами пахло. Про фальшивки наверняка не знал, вряд ли Жора ими размахивал, правда?

— Жора был толковый мужик, что ему — три-четыре года тихо посидеть? Сколько-то он, конечно, наменял, а дальше...

— Значит, завещание на Жору они оформили. Или, может, договор пожизненного содержания. Не зря ведь Жора обустраивал дом, как свой. Жильцам обычно по фигу, какая там сантехника. Уж не знаю, как там они согласились, официально или полюбовно, но завещание было готово, а Анна Григорьевна запомнила Кулика как Жориного адвоката. Как только она оказалась при смерти, птичка тут же прилетела. Не знаю, чего он ей напел, юридического или романтического, может, бумагу какую нарисовал Жориной рукой, мог рассказать, что Лелька, дескать, Жорина подруга, лучше дом на нее записать, и вообще. Тоже мне задачка для третьего класса — заморочить голову семидесятилетней бабуле. Сделали новое завещание, в больнице он человек чужой, никто его не знает...

— Так Жора погиб до смерти Шиловой.

— Ну, это само собой. Иначе как бы Валерий Петрович уговорил ее завещание изменить. Все примитивно: сначала Жору ликвидировать, все

равно никто разбираться не будет, потом бабулю обработать. Машину нашли, которая Жору сбила?

— А как же! Он же не угонщик, на собственной катался. Перекрасил потом и продал.

— Ну и?

— Ну, разыскали, взяли соскоб краски, все в порядке. Даже микроволокна от джинсов обнаружили. Выяснили, что в угоне не была, что никому не одалживал, дальше — дело техники.

— И он согласился?

— А куда ему деваться, он же не дурак. Совсем, кстати, не дурак. Одно слово — юрист. Знает, что ситуация не особенно страшная, если повезет, вообще как несчастный случай проскочит. Ехал, говорит, темно, мужик по тротуару идет и вдруг шаг на мостовую делает. Может, улицу перейти хотел, может, задумался. Ну, и зацепил, и ведь несильно зацепил, ей-богу, а он упал, и об столб. Затормозил, вылез, пульс тронул, а прохожий уже никакой... Испугался, дескать, наш Кулик сильно. Посмотрел, на дороге никого, и уехал.

— Как по-писаному!

— Да ладно, это как раз бывает, действительно, испугался человек, потом переживал, а назад не провернешь.

— Ага, пожалел волк кобылу...

— Неужели, спрашиваю, вы его не узнали? Своего-то клиента? Да вы что, говорит, я крови боюсь. Он головой, наверное, о столб ударился, лицо в крови — жуть! Не помню, как до дому доехал, потом с сердцем плохо стало, пришлось «скорую» вызывать.

— Вот как?

— Вызывал, голубчик, зафиксировано. Острая сердечная недостаточность плюс тахикардия.

— Первое в жизни убийство, перенервничал, бедняжка!

— Может, перенервничал, может, полфлакона нитроглицерина съел, как раз такие симптомы и получатся. Только я ведь не одно ДТП в жизни видел, и на столб этот посмотреть не поленился...

— То есть, не сам ли Валерик Жору по голове шарахнул?

— Вот-вот. Уж больно удачно Жора упал, ну, прямо, как по заказу. Скорее всего, сам, но ведь не докажешь.

— А завещание?

— А что завещание? От первого он и не отказывается, да, составлял, было такое, ну и что? А про второе знать не знает, и ведать не ведает. Ах, бывшая жена? Ну, знаете, я не отвечаю за круг знакомств своей бывшей жены. Я с ней четыре года не виделся, и почти ничего про нее не знаю. Вот только когда с сыном прихожу повидаться к бывшей теще, она иногда что-то рассказывает. Да мне и ни к чему. Расстались и расстались. Причем, все

это так спокойненько, с расстановочкой, я, мол, и сам в недоумении, надо же, какие в жизни совпадения бывают, рассказал бы кто — не поверил бы. Я ему попытался тот скандал напомнить — ну, когда он тебя за Лельку принял, — а он мне: выпил с друзьями в баре неподалеку, бес попутал, соскучился по бывшей. И что?

— Так если не он оформлял завещание, откуда же он знает, где сейчас Лелька живет?

— Да ладно! Сказал кто-то из общих знакомых. Кто именно — не помнит, конечно. Безнадежно.

— Но он же в больнице был!

— Тут он уперся: я не я, и хата не моя. Нет, не был, не участвовал. И что с ним сделаешь? Его показания против показаний заведующего отделением. Господин Демидов, конечно, лицо официальное, но юридически они абсолютно равны. Можно на двести процентов быть уверенным, что Кулик врет, был он в больнице и завещание составлял, но этого ведь не докажешь. Из персонала Кулика никто не помнит. Хотя и моя вина тут есть.

— В смысле?

— Да казалось, что... — Никита задумался. — Следователь... мне бы ему подсказать, но дело-то не мое, мое уже закончено. В общем, следователь не привлек к опознанию Демидова, тот ведь занятой очень человек, ограничился соседкой. Так Валерий Петрович и не отрицал, что осенью приходил с Жорой к Анне Григорьевне. Другое дело, завотделением больницы, где Кулику, ну, совсем нечего было делать... На этом опознании его можно было сломать. А так... В самом деле, мало ли похожих людей, и мало ли кто может воспользоваться чужой визиткой, да и визитку Демидов тебе отдал. Ты пойми, меня совершенно не беспокоит этот самый дом. В конце концов, Жора погиб, у Анны Григорьевны других родственников нет. Ушел бы государству, а так хорошему человеку польза будет. Квартиру-то Лельке

государство вряд ли выделит. Так что тут как раз по справедливости. А вот то, что этот птиц болотный сухим из воды вылез...

Ильин что-то совсем погрустнел. С чего бы?

— Ну, не таким уж и сухим, не преувеличивай. За наезд ему что-то припаяют, как пить дать, ну, пусть хотя бы условно. Адвокатскую практику он, скорее всего, потеряет. Я тоже кое-кому кое-где кое-чего замолвлю. Адвокатура ведь — очень скользкое место. Лельки ему не видать, как своих ушей, это я тебе гарантирую. А это для него самое главное. Что же до всего остального... Слушай, Никита, может, оно так и к лучшему? А Кулик... Да черт с ней, со справедливостью, пусть эта тварь пока ползает, ему все одно потом воздастся. Если он к Лельке все-таки попытается подползти... ну, это уж моя забота. Хотя Лелька любую фальшь за версту чует, сама его не подпустит. Так пусть хотя бы она ничего вот этого не узнает, а?

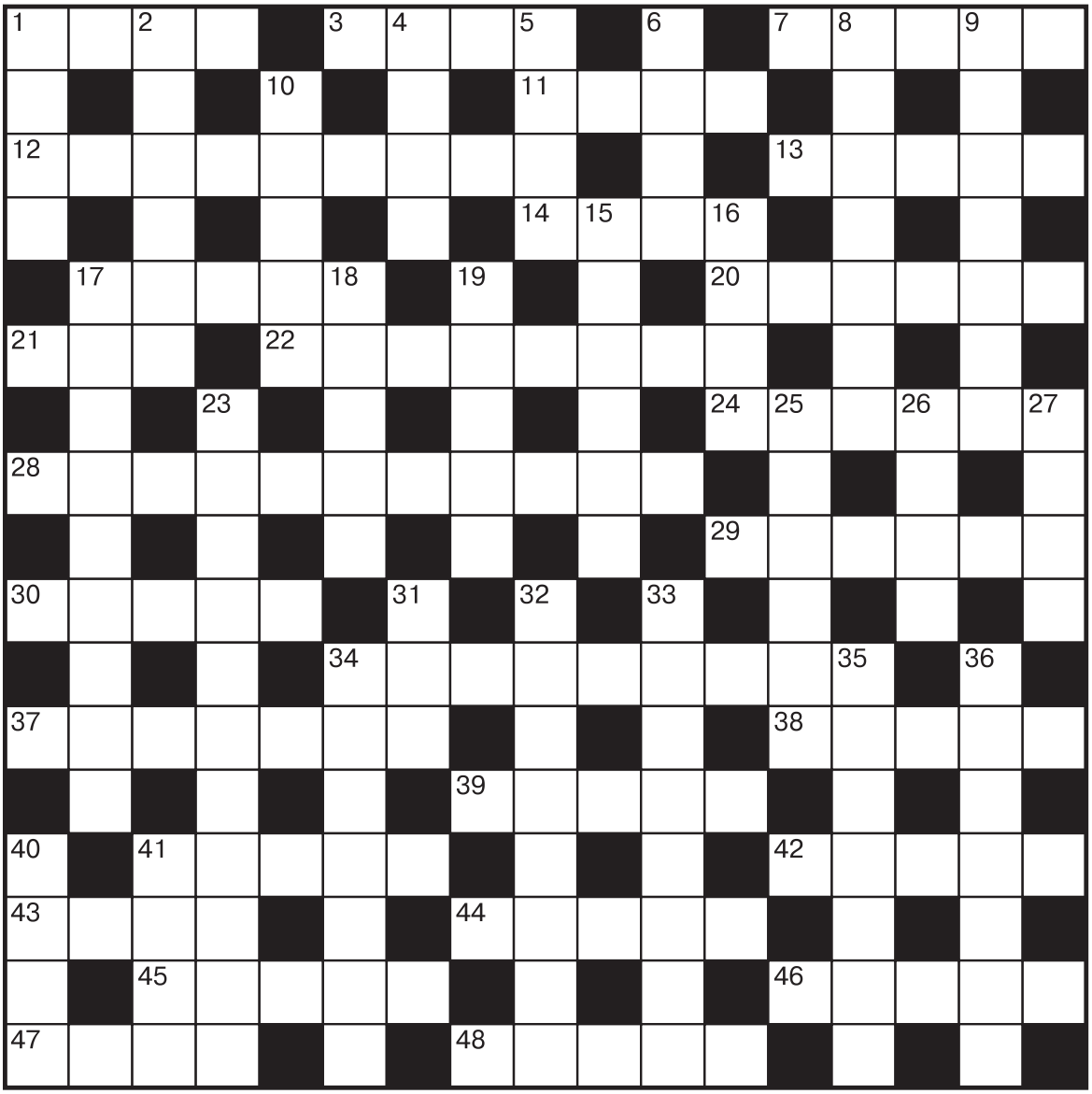
Присудили Кулику какую-то ерунду. Ни к следователю, ни на суд ни Лельку, ни меня не вызывали, поскольку ни о чем, кроме неосторожного наезда, там не упоминалось. Не пойман — не вор, тем более, не убийца. Кулик держался твердо: да, сбил, виноват, но... В общем, все мы люди, испугался, уехал, а потом уже стыдно было. Ну, и страшно, конечно. Поскольку смерть наступила практически мгновенно и об «оставлении без помощи, повлекшем тяжелые последствия», речи не было, суд проявил снисхождение.

Лельке мы ничего рассказывать не стали. Она ведь наверняка бы тогда от этого дома отказалась. А смысл? Отдать государству? Очень щедро, главное — на фига государству этот домик? И местная молодежь осталась бы без спортзала. Иногда полезнее промолчать.

Но по прошествии полугода во мне начали копошиться некоторые сомнения. Лелька — девушка вполне здравомыслящая, решения принимает не с бухты-барахты. И Дениска опять же. Нужно ли ему влияние такого вот «папочки»? А без достаточно веских оснований Лелька ограничивать общение отца с сыном не станет. И вряд ли сочтет «вескими основаниями» случайное ДТП. Поразмыслив, я решила, что надо все-таки рассказать.

Ну и кроме того, просто язык чесался. Впервые в жизни вляпалась в настоящую таинственную историю — и молчи, да? Промучилась с неделю и решила все это записать, а там посмотрим. Никита ознакомился с результатами моих трудов, хмыкнул, сообщил, что, с точки зрения юриспруденции, все это полная фигня, а, впрочем, сойдет. Как писал один наш, теперь, наверное, уже классик, «попробовать-то можно?» ❑

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Любимый суп Климента Ворошилова. **3.** Извивающийся флакон яда. **7.** Единственный путь для альпиниста, покорившего вершину. **11.** Паломничество, угодное Аллаху. **12.** Чем давят на окружающих влиятельные люди? **13.** Стремление ландшафта как-то оттенить равнину. **14.** Кто из героев «Илиады» стал футбольным клубом? **17.** Добавка в стиральный порошок. **20.** «Не печалься, ступай себе с Богом, будет тебе новое ...» **21.** Она меньше Волги и как река, и как автомобиль. **22.** «Дама с камелиями» по имени. **24.** Наш бард Юрий Визбор в анкетах против графы профессия указывал обычно: «Радист, педагог, ... горнолыжников». **28.** Лечение иголками. **29.** «Этот ропот и насмешки

слышит грозный ... и могучею рукою обнял персиянки стан». **30.** Что легло в основу рассказа «Нервные люди» Михаила Зощенко? **34.** Ввод себя в заблуждение. **37.** За какой суммой Остап Бендер гонялся? **38.** Какая книга Ветхого Завета запрещает наносить на тело татуировки? **39.** Самовольная амнистия. **41.** «Большой ... начинается там, где кончается забота о здоровье». **42.** Собачка из сказки про гигантскую репку. **43.** Мрак страха. **44.** О каком материале мир узнал благодаря Юстусу фон Либиху? **45.** «Не бойтесь того, что ваша ... закончится, опасайтесь того, что она так и не начнется!» **46.** Церковно-приходская ... **47.** Напиток русского патриота. **48.** Телевизионная улица, где живут Зелибоба и Кубик.

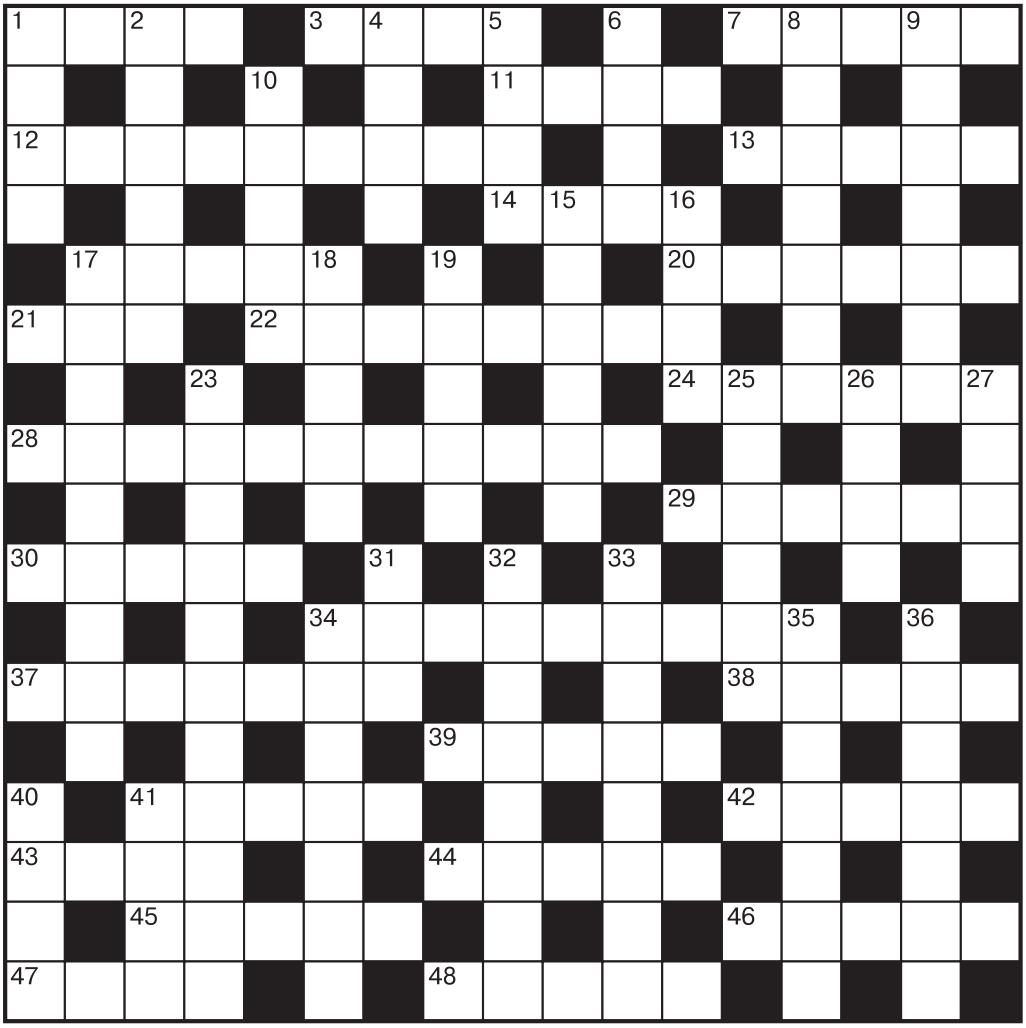
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Есть только один способ сделать ... счастливым, и мы все хотели бы его узнать». **2.** «Рабство повседневности». **4.** «Никто не может понять ребенка так неправильно, как его ...» **5.** Парусник миллионера. **6.** Критик повара. **8.** Мистический рассказ, передающийся из поколения в поколение. **9.** «Иногда ... сваливается на голову так неожиданно, что не успеваешь отскочить в сторону». **10.** Кладовка документов. **15.** Из чего сделаны окна во дворце морского царя в сказке «Русалочка» Ханса Андерсена? **16.** Какой из обитателей океанских глубин стал причиной трагической гибели Стива Ирвина? **17.** Организованная «встреча с прекрасным» в музее. **18.** Подружка Микки-Мауса. **19.** «И висит на стенке ..., чтобы песен мне не петь». **23.** «Последняя битва за людские души». **25.** «Шоу шамана». **26.** «Я умираю потому, что думал, что можно жить в одиночестве» (герой Жюля Верна). **27.** Где посылают в нокаут? **31.** Властелин Золотой Орды. **32.** Глухариная танцплощадка. **33.** Из какой ягоды англичане жмут «сок сибирского ананаса»? **34.** Голос оперной певицы. **35.** «Яичная курица». **36.** Какой чертежный инструмент в свое время стал эмблемой ГДР? **40.** Кому предлагали роль в «Криминальном чтиве» до Брюса Уиллиса? **41.** Печной утиль.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Шуман. **9.** Гобой. **10.** Болезнь. **11.** Помещик. **12.** Бисмарк. **13.** Венгр. **14.** Анаэроб. **15.** Каддафи. **18.** «Интер». **19.** Зима. **21.** Поиск. **23.** Атом. **25.** Открытие. **26.** Пирог. **27.** Сход. **29.** Фикус. **32.** «Джуниор». **34.** Земля. **36.** Самец. **37.** Макрель. **38.** Бранч. **39.** Гость. **40.** Иудаизм. **41.** Уголь. **42.** Фасон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Номинал. **2.** Космодром. **4.** Урок. **5.** Апеннины. **6.** Сок. **7.** Денеб. **8.** Книга. **10.** Биоэлектричество. **11.** Профессионализм. **13.** Вор. **16.** Диета. **17.** Манеж. **20.** Фауст. **21.** Повод. **22.** Арбуз. **24.** Родос. **28.** Джордан. **30.** Севрюга. **31.** Фланель. **33.** Работа. **35.** Батут.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Одежда героя картины «Послы» Ганса Гольбейна. **3.** Кто стоит во главе государства с нулевым приростом населения? **7.** Что стало самым трудным во время похода для героев фильма «Географ глобус пропил»? **11.** Африканская антилопа. **12.** Итальянская мафия из Калабрии. **13.** Что символизирует пурпурный цвет в Бразилии? **14.** Самый крупный из вымерших скворцов Новой Зеландии. **17.** Польская горячая окрошка. **20.** Какой край обследовали двенадцать ветхозаветных шпионов по заданию Моисея? **21.** Какая Жаклин стала второй женой Пабло Пикассо? **22.** Какую породу собак фараоны Древнего Египта считали «живым оберегом»? **24.** Индийская танцевальная пантомима. **28.** «Тяжелая атлетика» среди псов. **29.** Адыгейская трещотка. **30.** Какого короля избрали на норвежский трон после отделения страны от Швеции? **34.** Алеутская кадриль. **37.** Эпоха, на которую пришлось существование Лавразии и Гондваны. **38.** «Летучий финн».

39. Династия, участвовавшая в «Войне Алой и Белой розы». **41.** Святой, чье имя носил монастырь, чьим послушником состоял Грегор Мендель. **42.** Шар с шипами на вооружении у ниндзя. **43.** Откуда родом Синдбад-мореход? **44.** Какая восточная сладость при панкреатите категорически запрещена? **45.** Что спасло от смерти Герберта в «Таинственном острове» Жюля Верна? **46.** Прозвище голливудской звезды Киану Ривза. **47.** Татарский кафтан. **48.** В каком городе спустили на воду первый наш супертанкер «Крым»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Китайская губная гармошка. **2.** Французская дубовая бочка емкостью больше 200 литров. **4.** Германский посол при французском правительстве Виши. **5.** Шумерский дракон, от одного присутствия которого гибла рыба в реке. **6.** «Бог не с теми, кто сильней. Он с теми, кто храбрее» (классик). **8.** С какими горами связано рождение эпоса «Песня о Роланде»? **9.** Какой из мексиканских пляжей посещают туристы, чтобы поплавать с черепахами? **10.** Темное мясное желе. **15.** Русалка немецких кровей. **16.** Правый столб в притворе храма Соломона. **17.** «Трактирный жанр» в творчестве великого испанца Диего Веласкеса. **18.** Какой ветер погубил 50-тысячную армию персидского царя Камбиса, шедшую на завоевание Египта? **19.** Кто открыл кислород, хлор, вольфрам, молибден и марганец? **23.** «Одно название на всех» местных жителей. **25.** Ученый друг Михаила Ломоносова, убитый молнией при экспериментах с атмосферным электричеством. **26.** Боевой лом у японцев. **27.** Традиционное чаепитие в Китае. **31.** Нефритовый жезл девушки, оставленной наложницей во дворце императора Поднебесной. **32.** Приведение в исполнение приговора «святейшей инквизиции». **33.** «Польская муза» Андрона Михалкова-Кончаловского. **34.** Бог на знаменитом «Камне солнца» с ацтекским календарем. **35.** Древние племена, составившие основу курдского народа. **36.** Сентябрь в прежние времена. **40.** Крупнейшее подразделение в армии древних греков. **41.** Девичья тюбетейка у туркмен.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Обыск. **9.** Эрнст. **10.** Вуэльта. **11.** Фрактал. **12.** Аскебаш. **13.** Брыль. **14.** Галстук. **15.** Такаяма. **18.** Чикле. **19.** Раав. **21.** Фишка. **23.** Улей. **25.** Хризолит. **26.** «Аджиб». **27.** Жива. **29.** Пегач. **32.** Апандур. **34.** Чуйка. **36.** Махно. **37.** Урасима. **38.** Хирот. **39.** Авиуд. **40.** Антипка. **41.** Ягуар. **42.** Анага.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Грасиан. **2.** Эссеуарий. **4.** Барш. **5.** Сиккатив. **6.** Тул. **7.** Кларк. **8.** Итиль. **10.** Васселерлеонбург. **11.** Фармакодинамика. **13.** Бук. **16.** Шабли. **17.** «Эвита». **20.** Фучжу. **21.** Фетва. **22.** Избач. **24.** Пилум. **28.** Апастия. **30.** Чуринги. **31.** Акробат. **33.** Раввин. **35.** Бруно.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2015 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

*** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.**

КУПОН

Ф.И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2015 года в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		**Индекс 70656** — годовая подписка **Индекс 71518** — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов **Индекс 70820** — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		**Индекс 99406** — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		**Индекс 88998** — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Вы можете приобрести журнал в магазине «Московский дом книги на Новом Арбате»

Московский Дом Книги

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

смена №12, 2014

В России вряд ли найдется человек, который не слышал о Третьяковской галерее, принадлежащей к числу крупнейших музеев мира. Это специально выстроенное для музея здание в тихом московском Лаврушинском переулке можно сравнить разве что с Лувром. В галерее собраны произведения исключительно русского искусства тех художников, который внесли свой вклад в его историю. Так было задумано основателем галереи, московским купцом и промышленником Павлом Михайловичем Третьяковым. И Третьяковка обессмертила это имя собственное, сделав его нарицательным. Меценатами не рождаются, ими становятся. Как стал в свое время и Павел Михайлович Третьяков.

Светлана **Бестужева-Лада** «Имя собственное»

“В моем конце — мое начало” — вышила на парчовом покрове в пору своей блистательной юности королева шотландская и французская, законная наследница английской короны Мария Стюарт. Почему именно это изречение привлекло ее внимание, неизвестно, но получилось так, что оно пророчески определило судьбу юной вышивальщицы, трагический конец которой стал началом ее бессмертия.

Денис **Логинов** «В моем конце — мое начало»

Он навеки займет особое место в истории географических исследований… В нем жила какая-то взрывчатая сила. На туманном небосклоне норвежского народа он взошел сияющей звездой», — именно такими словами характеризовал своего соотечественника и ученика Руаля Амундсена великий Фритьоф Нансен. Амудсен действительно достиг небывалых высот — мало кому из исследователей удалось открыть столько, сколько открыл он…

Евгения **Гордиенко** «Первый во льдах»

Граф Калиостро… В одном этом звучании заключено нечто таинственное, загадочное, будоражущее. Великим чудотворцем, врачевателем и предсказателем называли его одни. Авантюрист, мошенник и шарлатан, — говорили о нем другие. «Другом человечества» назвал себя он сам. Так кто же был этот удивительный противоречивый человек, вызывающий и сегодня самый особый интерес к своей персоне?

Алла **Зубкова** «Авантюрист или маг?»

Новый роман Иосифа **Гольмана** «Защитница»

смена
№11 ноябрь 2014